Андрей САХАРОВ

Воспоминания

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В двухтомник вошли книги воспоминаний академика Андрея Дмитриевича Сахарова: «Воспоминания» и «Горький, Москва, далее везде», написанные в 1978-1998 гг., постскриптум Елены Георгиевны Боннэр к «Воспоминаниям», а также приложения и дополнения, содержащие письма, статьи и другие материалы.

- Горький, Москва, далее везде
  - Предисловие
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7

Горький, Москва, далее везде

Предисловие

В конце декабря 1986 года я и моя жена получили возможность вернуться из Горького в Москву. Окончился семилетний период ссылки и изоляции. Одно из дел, которые мне предстояли, было участие в завершении работы над рукописью автобиографической книги «Воспоминания».

В начале 1984 года моя жена успела передать на Запад последнюю часть рукописи. «Воспоминания» охватывают мою жизнь начиная с детства и доведены до момента окончания работы над ними в Горьком в ноябре 1983 года.

Драматические события, произошедшие после этой даты, описаны Люсей в ее книге, опубликованной в 1986 году на многих языках (английское название «Alone Together») и на русском языке в конце 1988 года под авторским названием «Постскриптум». Люся имела в виду, что ее книга как бы является добавлением к моим «Воспоминаниям».

В 1987 году (в Москве) и в 1989 году (в Ньютоне и Вествуде) я описал последний период пребывания в Горьком и события, произошедшие после нашего возвращения в Москву, доведя изложение до июня 1989 года, когда я в качестве депутата принял участие в Первом съезде народных депутатов СССР. Первоначально я предполагал включить написанные главы в «Воспоминания». Затем решил издать их отдельной книгой.

Я благодарен Ефрему Янкелевичу, Эду Клайну и всем, принимавшим участие в подготовке книги к печати.

Люся была первым редактором книги.

Глава 1
Горький

В книге Люси описано ее задержание в Горьковском аэропорту 2 мая 1984 года; с этого дня и до конца октября 1985 года полностью прервалась та связь с внешним миром, которая осуществлялась ее поездками в Москву. В мае–июле 1984 года Люся находилась под следствием, 10 августа осуждена по статье 1901 УК РСФСР. В мае 1984 года и начиная с 16 апреля 1985 года я проводил голодовки с требованием разрешить ей поездку за рубеж для встречи с матерью, детьми и внуками и для лечения. В мае–сентябре 1984 года меня насильственно удерживали в Горьковской областной больнице им. Семашко, подвергали мучительному принудительному кормлению. 21 апреля 1985 года я вновь с применением насилия был привезен в ту же больницу и подвергнут принудительному кормлению.

После этой краткой хроники продолжу менее конспективно.

11 июля 1985 года я, не выдержав пытки полной изоляцией от Люси, мыслей о ее одиночестве и физическом состоянии, написал главному врачу больницы им. Семашко О. А. Обухову письмо с заявлением о прекращении голодовки. Через несколько часов меня выписали из больницы и привезли к Люсе. Несомненно, мое решение было «подарком» для ГБ, и, как описано у Люси, они хорошо воспользовались им. Но почти сразу же я решил возобновить голодовку с тем, чтобы встретить Хельсинкскую годовщину уже в больнице и дальше продолжать борьбу, насколько хватит сил и воли. Две недели мы с Люсей вели обычную нашу жизнь: ездили по разрешенному нам маршруту, собирали грибы, ходили в кино и на рынок, смотрели по вечерам телевизор – вспоминая памятную по 50-м годам книгу Ремарка «Время жить и время умирать» – у нас было «время жить». Люся сначала возражала против моего плана, но не так решительно и энергично, как в апреле. 25 июля я начал второй (или третий – с учетом 1984 года) этап голодовки. Выпив слабительное, я вышел к Люсе на балкон, где она сидела в уголочке за разросшимися цветами и пыталась «поймать» сквозь глушилку какое-то западное радио. Она сказала: «Я думаю, что ты прав». Я поцеловал ее и сказал: «Спасибо тебе. Я уже начал, выпил карлсбадскую».

Через два дня я был опять насильственно госпитализирован в больницу им. Семашко. Люся дала мне в больницу приемник, и через 2–3 дня я услышал о гебистском фильме, доказывающем,

что у меня не было никакой голодовки и что с середины июля по крайней мере я нахожусь в своей квартире вместе с женой.

В последние дни июля я отослал из больницы два письма – на имя М. С. Горбачева и А. А. Громыко (я начал их писать за месяц до этого). В обоих письмах я просил дать возможность Люсе увидеть детей и мать после многих лет разлуки. Я писал о клевете в ее адрес, о несправедливом суде, о ее участии в Великой Отечественной войне, инвалидности и болезни. Целью поездки, как я писал в этих письмах, являются только встреча с близкими и лечение, никаких других целей она не имеет. Так как Люся осуждена к ссылке, поездка возможна только при отмене приговора, или при помиловании в соответствии с ее ходатайством от февраля 1985 года, или при приостановке действия приговора на время ее поездки. О себе в письме Горбачеву я писал, что считаю примененные ко мне меры несправедливыми и беззаконными, но готов нести ответственность за свои действия; эта ответственность не должна распространяться на мою жену или на кого-либо еще.

Я в обоих письмах написал: «Я хочу прекратить свои открытые общественные выступления, кроме исключительных случаев».

Я считал необходимым сделать это последнее заявление, за которое многие меня упрекали, по следующим причинам:

1) Оно полностью соответствовало моему желанию не выступать больше по относительно второстепенным общественным вопросам, сосредоточившись на науке и личной жизни. Я считал, что имею право на такое самоограничение после многих лет интенсивных открытых общественных выступлений.

2) В условиях ссылки и изоляции, возможности открытых выступлений у меня вообще были крайне ограничены, так что мое заявление в какой-то мере было бессодержательным.

3) Я считал своим долгом сделать все возможное для осуществления поездки Люси.

В обоих письмах я также написал, что признаю за властями компетенцию решать по их усмотрению вопрос о моем выезде и поездках за рубеж в связи с тем, что ранее я имел допуск к военным секретам и, возможно, какая-то часть имеющейся у меня информации сохранила свое значение.

Если мне не изменяет память, письма были отправлены 29 июля 1985 года.

В отличие от 1984 года, я нашел некую форму сосуществования с кормящей бригадой, дававшую мне возможность неограниченно продолжать голодовку. Я обычно сопротивлялся в начале кормления, а последние несколько ложек

ел добровольно (эти моменты использованы в гебистских киномонтажах). Если кормящая бригада приходила не в полном составе, я говорил: «Сегодня у вас ничего не получится». Они молча ставили еду на столик и уходили. Я, конечно, к ней не притрагивался, а чтобы вид еды не беспокоил меня, накрывал ее салфеткой. Иногда, чтобы подчеркнуть, что я хозяин положения, я сопротивлялся в полную силу, выплевывал пищу и «сдувал» ее из поднесенной ко рту ложки. В этом случае «кормящие» применяли болевые приемы (особенно в апреле и июне), кожа щек оказывалась содранной, а на внутренних сторонах щек возникали кровоподтеки, которые потом «заботливые» врачи мазали зеленкой.

В августе мой вес начал быстро падать и к 13 августа достиг минимального значения – 62 кг 800 г (при предголодовочном весе 78–81 кг). С этого дня мне стали делать подкожные (в бедра на обеих ногах) и внутривенные вливания в дополнение к принудительному питанию. Всего мне было сделано в августе и сентябре 25 вливаний. Каждое вливание длилось несколько часов, ноги болезненно раздувались; весь этот, а иногда и следующий день я не мог ходить – ноги не сгибались.

5 сентября утром неожиданно приехал представитель КГБ СССР С. И. Соколов. По-видимому, это один из начальников какого-то отдела КГБ, «курирующего» меня и Люсю. В ноябре 1973 г. перед первым допросом Люси у Сыщикова Соколов «беседовал» с ней в увещевательном тоне. В мае 1985 года он приезжал для бесед со мной и Люсей (по отдельности). Тогда Соколов говорил со мной очень жестко, по-видимому его цель была заставить меня прекратить голодовку, создав впечатление ее полной безнадежности. Я чуть было не поддался этому. На самом деле как раз в это время на Запад проникли сведения о начавшейся 16 апреля голодовке и, несмотря на интенсивную кампанию дезинформации, проводившуюся КГБ с помощью поддельных писем, открыток, телеграмм и фототелеграмм, выступления в нашу защиту приобрели большой размах. Кажется, Соколов был одним из двух «посетителей», которых привел ко мне Обухов в ночь с 10 на 11 мая 1984 года. Якобы они интересовались моим здоровьем (я отказался с ними говорить). После этого визита утром 11 мая ко мне впервые применили принудительное кормление, у меня произошел тогда микроинсульт.

На этот раз (5 сентября 1985 года) Соколов с Люсей не захотел встретиться, а со мной был очень любезен, почти мягок. Разговор шел в присутствии Обухова. Соколов сказал: «Михаил Сергеевич (Горбачев) прочел ваше письмо (о Громыко

упоминания не было. – А. С.). М. С. поручил группе товарищей (Соколов, кажется, сказал «комиссии». – А. С.) рассмотреть вопрос о возможности удовлетворения вашей просьбы». На самом деле, я думаю, что в это время вопрос о поездке Люси уже был решен на высоком уровне, но КГБ, преследуя свои цели, оттягивал исполнение решения. Мы неоднократно сталкивались с такой тактикой, например в июле 1975 года; возможно, гибель Толи Марченко – тоже результат подобной «игры». «У товарищей, – продолжал Соколов, – возник ряд вопросов. Один из них связан с тем, что существует опасение, что ваша жена останется за рубежом и будет требовать вашего приезда в порядке «объединения семей». Вы должны подтвердить в письменной форме, что вы согласны с решением властей, запрещающих вам выезд по причине вашей секретности». Я ответил: «Эти опасения совершенно безосновательны. Моя жена никогда не станет «невозвращенкой». Она и я принципиально против таких действий! При этом моя жена абсолютно ясно понимает, что, если она останется там, мне никогда не будет дано разрешение на выезд, какие бы кампании на Западе ни развертывались. Я уже писал то, что вы просите, в письме Горбачеву, но, конечно, могу написать и отдельный документ». Соколов: «Второй вопрос относится к вашей жене. Она должна дать письменное обязательство не встречаться за рубежом с иностранными корреспондентами и не давать пресс-конференций». Я: «Вы должны это обсудить с нею. Вообще-то она уже писала в этом духе в своем прошении о помиловании, на которое нет ответа». Соколов: «Я не смогу встретиться с вашей женой. Но вы сможете сами переговорить с нею». Обращаясь к Обухову: «У вас нет медицинских возражений против того, чтобы Андрей Дмитриевич смог встретиться с Еленой Георгиевной?» Обухов поспешно: «Нет, нет! Я выделю для сопровождения медсестру и дам машину». Соколов: «Ну и прекрасно. У товарищей возник также такой вопрос. Вы пишете, что готовы отказаться от открытых выступлений, кроме исключительных случаев. Но ведь ваше представление о том, что такое «исключительный случай», может сильно отличаться от нашего! (он как-то сыронизировал при этом, но очень неопределенно. – А. С.). Или ваша оговорка сделана просто для «спасения лица»?» Я: «Моя оговорка носит принципиальный характер, я придаю ей большое значение. «Спасать лицо» мне нет необходимости. Но я не могу сказать вам конкретно, какие исключительные случаи могут возникнуть в жизни, в мире, когда я, по выражению Толстого, «не могу молчать»». Соколов усмехнулся, но не стал продолжать эту тему и еще раз повторил, что ждет документ от меня о секретности и

документ от Люси. Около часу или двух дня на черной «Волге» Обухова я подъехал к дому и без звонка (ключ был в двери – Люся оставляла его, чтобы ГБ не надо было портить замок, открывая дверь без нас, и чтобы самой не потерять ключ) вошел в квартиру. Люся, сжавшись в комочек, сидела в кресле напротив телевизора и смотрела какую-то передачу (потом я разглядел, как она похудела). Люся обернулась в мою сторону и тихо сказала: «Андрей! Я ждала тебя!» Через минуту мы сидели обнявшись на диване, и я поспешно рассказывал ей, что не прекращал голодовки и отпущен на три часа, так как приехал Соколов, о его требованиях. Люся сразу сказала: «Ну, такие письма я быстро тебе напечатаю, это не проблема, но что все это значит?» Я ответил: «Я боюсь в это верить, не даю себе верить – но, может, вопрос решен». Люся: «Я тоже не даю себе верить». Она рассказала мне, что около недели перед этим Алеша начал голодовку в поддержку моих требований о Люсиной поездке на площади перед советским посольством в Вашингтоне. Насколько я помню, шел уже девятый день голодовки – мы с Люсей хорошо знали, как это тяжело (молодому человеку, вероятно, еще тяжелей, чем пожилым). Люся сказала: «Я все время думаю – если бы я послала Леше телеграмму с просьбой о прекращении голодовки, эта телеграмма, без сомнения, дошла бы, но на этом я потеряла бы сына». Я согласился с нею. Голодовка Алеши была очень важна в общей цепи усилий в нашу поддержку. Она прервала полосу общественной успокоенности на Западе по поводу нашего положения, возникшую после лживых гебистских фильмов. Алеша прекратил голодовку в середине сентября по просьбе представителей американского правительства после того, как Конгресс США принял очень серьезную резолюцию в нашу поддержку. Может, голодовка Алеши имела критическое значение. Никто этого не узнает...

Я вернулся в больницу и переслал через Обухова Соколову конверт с нашими заявлениями. Опять начался длительный, мучительный период ожидания – может, самый трудный для нас обоих за этот год. 6 октября Люся отправила мне открытку, в которой была условная фраза (стихотворная строчка из Пушкина), означавшая просьбу о прекращении голодовки и выходе из больницы. Как потом сказала Люся, она интуитивно считала, что мы сделали все от нас зависящее. Эта открытка была доставлена лишь через 12 дней, напротив условной фразы был сделан аккуратный надрыв. Почему ГБ задержало открытку, а потом все же доставило ее? Я могу только гадать. Возможно, они хотели, чтобы я вышел из больницы одновременно с получением разрешения на поездку (или даже после), рассчитывая, что Люся

уедет, не побыв со мной. Если это так, то они еще раз ошиблись в Люсе. Получив с таким запозданием открытку, я запросил телеграммой подтверждение (оно было опять в виде цитаты из Пушкина). Наконец, 23 октября я вышел из больницы. Люся встретила меня фразой: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой» – из «Фауста» Гёте, памятный для нас эпиграф к «Размышлениям».

За два дня до этого Люсю вызвали в ОВИР для заполнения документов, а 25-го нам сообщили, что Люсе разрешена поездка!

Оставалось еще одно «сражение». Начальник Горьковского ОВИРа Гусева и присутствовавший в кабинете представитель МВД заявили, что Люся должна уехать через 2 дня. Люся отказалась – она не могла уехать, не побыв со мной хотя бы месяц после 6 месяцев разлуки, не убедившись, что я оправился после голодовки. Никто из нас не мог знать, «какая нам разлука предстоит»; Люсе предстояла, быть может, опасная операция. Возникла резкая перепалка. Представитель МВД – не помню его фамилии – угрожал, что Люся вообще не уедет. Люся написала заявление. А на следующий день Гусева сообщила, что разрешена отсрочка выезда на 1 месяц. Она явно была потрясена – видимо, ей никогда не приходилось иметь дело ни с такой уверенной твердостью, ни с такой «уступчивостью» начальства.

Итак, трехлетняя наша борьба за Люсину поездку завершилась победой (сейчас я думаю, что эта победа предопределила в какой-то мере и многое дальнейшее – в том числе наше возвращение в Москву через год). Впервые за долгое время у меня возникло ощущение психологического комфорта – я считал, что сделал все, что от меня зависело.

Правда, полного удовлетворения собой не было и тогда – меня мучила мысль, что в последние дни перед выходом из больницы я передал одному из больных записку на волю с просьбой отнести ее в Москве по указанному мною адресу и тем безответственно и без всякой пользы подвел его. Больной как раз выписывался и должен был на несколько дней поехать в Москву; он согласился взять мою записку и беспрепятственно вынес ее из больницы, но я почти уверен, что наши контакты были «засечены» бдительно наблюдавшими за мной гебистами (фактически передача записки осуществлялась следующим образом: мы, разговаривая, на секунду вышли из поля наблюдения гебиста, и я незаметно сунул больному записку, но наше поведение вызвало, как мне кажется, подозрение гебиста, так как он – в отличие от некоторых других аналогичных моих попыток, иногда успешных, с другими расположенными ко мне больными – понял, что мы сознательно ускользнули от его взгляда).

Я не знаю, какие неприятности были потом у этого пытавшегося помочь мне человека – может, большие и длительные, вплоть до увольнения с работы. Я глубоко благодарен ему и чувствую себя перед ним очень виноватым. На всякий случай не называю его фамилии. Единственное мое оправдание: «На войне как на войне».

Что же касается ощущения, что я сделал все от меня зависящее, то его хватило ненадолго. Жизнь продолжалась!

Люся уехала в Москву 25 ноября. 2 декабря в Италии она увидела Алешу и Рему – они ее там встречали, а еще через 5 дней, 7 декабря, встретилась с остальными в США. 13 января 1986 года Люсе была произведена операция на открытом сердце с установкой 6 шунтов (байпассов). 2 июня Люся вернулась в СССР, 4 июня – в Горький. В этих нескольких строчках – потрясающие события нашей жизни.

В декабре 1985 года, вскоре после приезда, Люсе сделали в бостонском госпитале Масс-Дженерал трудное и относительно опасное исследование – зондирование сердечных сосудов, и, хотя результаты были далеко не хорошими, ее лечащий врач доктор Хаттер еще несколько недель пробовал, как это принято сейчас в США, применить консервативные методы лечения и лишь в январе, совместно с руководителем кардиологического отделения доктором Остином и кардиохирургом доктором Эйкинсом, назначил ей операцию шунтирования. За эти недели, однако, в прессе были напечатаны поспешные сообщения, что Елене Боннэр не требуется операция и даже что, «видимо, она умышленно завышала тяжесть своих заболеваний, чтобы добиться поездки за рубеж»! Как тут не вспомнить о «руке Москвы» (я пишу это вполне серьезно).

Операция была произведена в Масс-Дженерал доктором Эйкинсом. По данным зондирования врачи предполагали, что Люсе потребуется три-четыре байпасса, фактически потребовалось шесть, что означало большое усложнение и без того крайне тяжелой операции (в США немного людей с таким числом байпассов; есть ли они в СССР, где вообще очень редко делают шунтирование, я не знаю).

О том, что Люсе проведено шунтирование, мне сообщила по телефону Таня 14 января. Лишь постепенно, задним числом – из Люсиных писем, из ее рассказов по приезде – я понял, какая это безумно тяжелая, хочется сказать нечеловеческая, и опасная операция – и тем не менее необходимая, спасительная.

Операция производится с глубокой гипотермией, с отключением сердца (у Люси длительность этой фазы была близка к предельной). Более полутора суток Люся находилась в

бессознательном состоянии. Очень труден также – и физически, и психологически – послеоперационный период; у Люси он был осложнен перикардитом и плевритом.

Люсины тяжелые проблемы с болезнью ног (сужение бедренных артерий, возможно инициированное ее контузией) остались неразрешенными, хотя ей делали операцию ангиопластики. Более кардинальная операция пересадки вен не могла быть осуществлена, так как одна вена бедра была использована для шунтирования, а другая может еще понадобиться для повторного шунтирования (страшно об этом даже подумать). До глаз дело вообще не дошло.

Почти каждого такая медицинская «программа», как у Люси в эти 6 месяцев, могла бы поглотить полностью. Люся же сделала многое другое.

Она написала целую книгу (на русском языке «Пост-скриптум», английские редакторы придумали название «Alone Together», русский перевод, по-видимому, «Одни вдвоем»; мы с Люсей сначала очень огорчались, но говорят, для английского уха оно звучит хорошо). Я уже писал, что Люся – не новичок в литературной работе. Она пишет быстро, по наитию, в «импровизаторском» стиле. Характерно, что обычно у нее лучшим является именно первый вариант фразы или даже целого рассказа (у меня так никогда не получается). По-видимому, то эмоциональное состояние, в котором находилась Люся, способствовало ее работе. По большинству известных мне отзывов – и зарубежных, и здешних – книга удалась.

Люся объехала почти все главные американские университеты, много выступала, встречалась со многими политическими деятелями. В особенности оказались важны ее выступления в Национальной Академии наук США и в Конгрессе США (последнее выступление кажется мне не только удачным по форме, но и концептуально существенным). Вся эта ее деятельность, возможно, была одним из факторов, способствовавших нашему освобождению в декабре 1986 года. В числе мыслей, которые она пыталась распространить, – следует сосредоточить усилия в мою защиту на прекращении депортации, а не на борьбе за выезд.

Годы, проведенные мной в Горьком, ознаменовались важными событиями в физике высоких энергий: возникла надежда, что теория так называемых «струн», разрабатывавшаяся ряд лет небольшой группой энтузиастов, может стать адекватным описанием всех известных взаимодействий и полей, а может даже вообще описанием «всего на свете» – всех основных физических закономерностей (по-английски TOE – Theory of Everything).

Следует отметить, что теория струн (так же как входящая в нее в качестве составной части концепция суперсимметрии) не имеет (пока?) экспериментального подтверждения, поэтому отношение к этой теории не вполне однозначно: некоторые вообще считают ее заблуждением, некоторые разрабатывают «на всякий случай» параллельные идейно близкие варианты («мембраны», теории типа Калуцы–Клейна, теории с высшими спинами и др. – не буду пояснять, что это такое). Я считаю, что теория струн является прообразом более хитроумной теории, а в самом лучшем (вполне вероятном) случае – правильной, адекватной теорией для большого (очень большого!) круга фактов. Что же касается ТОЕ, то я думаю (вероятно, тут лучше говорить о вере), что путь познания основных физических законов природы никогда не будет иметь конца, всегда каждая физическая теория будет иметь ограниченную область применимости, и выход за пределы этой области потребует обобщения основных понятий и основных идей. Так было до сих пор – впрочем, это само по себе еще ничего не доказывает.

Не буду рассказывать историю теории струн (хотя она удивительно интересна и драматична) и называть имена ее создателей, постараюсь лишь дать приблизительное представление об основной идее. В отличие от известной уже более 50 лет квантовой теории поля, в которой частицы считаются точечными, струна – протяженный, а именно линейный объект, хотя и очень малых размеров. Струны могут быть «открытыми» (нечто вроде маленького червячка) или замкнутыми (в виде колечка), эти формы превращаются друг в друга, струны также отпочковываются или сливаются друг с другом. Струны обладают свойством натяжения. Пространство же считается лишенным первичных динамических свойств и приобретает их лишь в результате взаимодействия со струнами. Т. е. теория струн является, на новом уровне, реализацией моей старой идеи об индуцированной гравитации! Не могу этим не гордиться. Непротиворечивая квантовая теория струн может быть сформулирована лишь в пространстве с большим числом измерений, чем известно из повседневной жизни и существующих экспериментов. Дополнительные измерения считаются замкнутыми сами на себя («компактифицированными»), образуя в каждой точке известного нам трехмерного пространства нечто вроде многомерной сферы или другой замкнутой поверхности. Чтобы представить себе это наглядно, используем «игрушечную», как говорят в США, модель – пространство с одним основным и одним компактифицированным в виде колечка измерением. Такое пространство будет представлять собой длинную тонкую

трубочку. Масштаб компактифицированного пространства в теории струн считается очень маленьким (порядка 10^{-33} см – 10^{-32} см). Для всех процессов с большим характерным масштабом компактифицированные измерения никак не будут проявляться (размеры атома порядка 10^{-8} см, атомного ядра 10^{-12} см, протона 10^{-13} см; в опытах на самых больших современных ускорителях «прощупываются» масштабы порядка 10^{-15} – 10^{-18} см).

Я поставил своей задачей изучить теорию струн и примыкающие теории, а также изучить теоретические работы на стыке космологии и физики высоких энергий. Я не очень надеюсь на личный творческий успех, но понимать сущность того, что, возможно, является очередной революцией в физике – должен стремиться!!!

В декабре 1985-го – мае 1986 года я усиленно занимался этим; к сожалению, наличие серьезных пробелов в моих знаниях помешало мне достичь желаемой цели. Я старался в этот период не отвлекаться ни на что постороннее, в частности совсем не слушал западного радио. Это привело меня к крупным промахам, о чем я пишу ниже.

Продолжу хронику моей жизни. Приезды физиков из Теоротдела ФИАНа, прервавшиеся в 1984–1985 гг., в декабре 1985-го – мае 1986 года вновь возобновились. В середине декабря приехали Е. Л. Фейнберг и Е. С. Фрадкин – я узнал некоторые подробности о том, что происходило в Москве во время голодовки, и понял (но не принял) причину исчезновения одного из моих документов. Фрадкин оставил мне важные препринты работ по струне, его и Цейтлина. Второй приезд состоялся неожиданно для меня в конце января 1986 года. Были интересные научные беседы с Д. А. Киржницем и А. Д. Линде. В 21 час они собрались уезжать, я вышел проводить их к автобусу. На улице Линде отвел меня в сторону и сказал: «Во время инструктажа перед этой поездкой к вам меня спросили о ваших планах в случае, если вам будет разрешено вернуться в Москву. При этом они подчеркнули, что не решают подобных вопросов – это делается где-то наверху. Их интересовали два вопроса. Собираетесь ли вы заниматься в Москве МТР? И второе: вы писали, что предполагаете отказаться от открытых общественных выступлений. (Я: «Кроме исключительных случаев!».) Они спрашивают, останется ли это обязательство в силе при вашем возвращении в Москву». Мне было ясно, что с Линде говорили представители КГБ, поэтому я считал, что чем меньше я буду обещать, тем будет лучше. Я сказал: «Я не собираюсь заниматься МТР, хочу целиком сосредоточиться на теории поля и ранней космологии. Я не могу разбрасываться. МТР я не занимаюсь более

30 лет, там имеются прекрасные специалисты, создавшие целую новую область науки. Об открытых общественных выступлениях. Мои обязательства были даны применительно к жизни в Горьком, в связи с проблемой поездки жены. При возвращении в Москву возникнет совершенно новая ситуация, на меня ляжет совсем другая общественная ответственность. Поэтому необходимо заново обсудить весь этот комплекс вопросов.» Линде: «Могу я все это сказать, если меня спросят?» Я: «Да, но я подчеркиваю, что такие вопросы следует обсуждать без посредников, непосредственно. Обязательно передайте это».

Я не знаю, как повлияла эта откровенность с Линде (фактически с ГБ) на сроки нашего возвращения в Москву. Люся по приезде рассказала мне, что многие западные ученые, работающие в области термоядерного синтеза, отказываются сотрудничать с СССР, пока я нахожусь в Горьком и не могу принять участие в обсуждениях (в своих контактах на Западе она пропагандировала такую позицию). В какой-то мере моя беседа с Линде противоречила и мешала этой линии. В дальнейшем я счел необходимым уточнить свою позицию, выражая желание принять участие в обсуждениях по проблеме управляемого синтеза (но при этом не имелось в виду участие в конкретной работе, на что у меня нет ни времени, ни сил, ни знания всей совокупности проведенных за 30 лет исследований). В долгосрочном плане я не считаю свою позицию в разговоре с Линде ошибкой.

В феврале 1986 г. я написал один из самых важных своих документов – письмо на имя М. С. Горбачева с призывом об освобождении узников совести (приложение 24). Толчком явилось интервью Горбачева французской коммунистической газете «Юманите», опубликованное 8 февраля. В этом интервью Горбачев говорил о положении евреев в Советском Союзе, о деле Сахарова и – что в особенности привлекло мое внимание – о политзаключенных (то, что касалось меня и моей жены, конечно, тоже привлекло внимание, но тут я не считал необходимым отвечать). Горбачев заявлял, что в СССР нет политических заключенных и нет преследований за убеждения. В своем письме я, отправляясь от этого тезиса, детально показал, что арест и осуждение людей по статьям 70 и 1901 Уголовного кодекса РСФСР фактически всегда являются преследованиями за убеждения, так же как, нередко, осуждение по «религиозным» статьям 142 и 227, заключение в психбольницу по политическим мотивам и использование с теми же целями фальсифицированных обвинений в уголовных преступлениях. Я кратко рассказал в качестве примера о деле и судьбе некоторых лично известных мне узников совести – всего я перечислил 14

человек (или 13 – имя одного из узников было в некоторых экземплярах по ошибке пропущено) – и призвал к безусловному освобождению всех узников совести. Первым среди названных мною был Толя Марченко. 19 февраля я отправил письмо адресату. 3 сентября по моей просьбе оно было опубликовано за рубежом (через 6 месяцев после даты извещения о доставке). Я предполагаю, что, возможно, начавшееся в первые месяцы 1987 года освобождение узников совести в какой-то мере было инициировано этим письмом – в условиях провозглашенной гласности и моего и Люсиного возвращения в Москву. Мне хотелось бы так думать.

26 апреля произошла ужасная катастрофа в Чернобыле. Я узнал об этом с большим запозданием из клочка газеты двухдневной давности с кратким (и не точным) сообщением ТАСС (вероятно, это было 6 мая).

В те дни я не только не слушал западного радио (таков был мой «режим» все 6 месяцев Люсиного отсутствия – я уже об этом писал), но и не читал регулярно газет. Я также не видел по телевидению первой пресс-конференции, на которой выступал Велихов и из которой можно было составить себе впечатление, отличное от того, какое складывалось из первых газетных сообщений.

К моему стыду, я усиленно поддерживал в себе ощущение, что ничего особенно ужасного не произошло. Я принял в качестве основной, определяющей количественной информации приводившиеся в начале мая в советской печати цифры радиационной зараженности (якобы 10–15 миллирентген в час) вблизи реактора в первые дни после аварии (!?). Других количественных данных не сообщалось. На основании этих цифр действительно складывалась относительно благоприятная картина. Правда, оставалось непонятным, отчего же погибли пожарные – об этом к середине месяца уже было известно. Я считал совершенно исключенной по приведенным цифрам возможность распространения существенных радиоактивных осадков на большой территории, подобно тому, как это имеет место при ядерных испытаниях, исключал сколько-нибудь серьезные экологические последствия и последствия для людей, вызванные непороговыми биологическими эффектами (дополнительные случаи рака и генетические повреждения). Все это было позорной ошибкой! Одной из причин ее явилось то, что опубликованные в советской прессе данные были (умышленно?) занижены в сто или более раз! Другой причиной было отсутствие у меня правильной информации. К сожалению, была и третья причина – известная предубежденность, инертность мышления,

нежелание посмотреть в глаза ужасным фактам. 21 мая на мой день рождения приехали физики из Москвы (В. Я. Файнберг и А. А. Цейтлин) и рассказали кое-что об аварии. Но в двухнедельный период до этого ГБ сумело полностью использовать мое заблуждение. Ко мне с 7 по 19 мая подходили на улице люди, якобы случайные прохожие, и расспрашивали о Чернобыле, и я (хотя и с оговорками о недостатке информации) говорил им успокоительные вещи. Все это тайно записывалось, снималось на пленку и передавалось на Запад (уже без оговорок). ГБ записало и опубликовало на Западе сказанные мной 15 мая в телефонном разговоре с Люсей неумные слова: «Это – не катастрофа, это – авария!..». 20 мая, за день до приезда физиков, ко мне подошел человек, назвавшийся корреспондентом газеты «Горьковский рабочий». Разговор, первоначально не выглядевший как интервью, происходил около балкона – я поливал цветы на клумбе. Поводом для прихода корреспондента явилась моя (не подписанная) открытка, посланная в газету за несколько месяцев до этого, в которой я обращал внимание на какие-то неточности. Я опять говорил слишком успокоительно о Чернобыле и не очень удачно о проблемах разоружения – хотя в чем-то правильно и хорошо. Через несколько дней, схватившись за голову, я послал в редакцию «Горьковского рабочего» (т.е. в КГБ) письмо, в котором требовал либо опубликовать мое интервью с исправлениями, либо не публиковать вообще; в противном случае я угрожал непосредственным обращением к Западу; конечно, это было гласом в пустыне. Через неделю Виктор Луи (через немецкую газету «Бильд») передал на Запад препарированную и перемонтированную видеопленку с моим «интервью» и сообщил прессе свои (?) комментарии. Смысл их примерно такой: Сахаров находится на нашей стороне баррикады (!?); он не может быть, однако, возвращен в Москву, так как у него плохая жена (плохо вела себя на Западе) – сразу по приезде в Москву она соберет пресс-конференцию!

2 июня Люся вернулась в СССР. Последнюю неделю своего пребывания на Западе она побывала в Англии и Франции, встречалась с премьер-министром Маргарет Тэтчер, с президентом Миттераном и премьером Жаком Шираком, продолжая ту же линию за мое возвращение в Москву, как в США (т. е. что следует добиваться моего возвращения в Москву, а не эмиграции).

В Москве прибытие Люсиного багажа задерживалось, и она решила поехать на 10 дней в Горький, повидать меня после полугодовой разлуки. Однако, как только она ступила на горьковскую землю, мышеловка захлопнулась, и больше она уже

не смогла поехать в Москву до самого нашего освобождения в декабре. Уже на вокзале КГБ продемонстрировал свои неограниченные возможности, запретив носильщикам вынести Люсины вещи из вагона. Через несколько дней ее вызвали в ОВИР и потребовали сдать заграничный паспорт (который остался в Москве) и встать на учет ссыльной.

Люся многое рассказала мне в первые же часы нашей встречи: о детях, внуках и Руфи Григорьевне, об операции и других медицинских делах, о написанной ею книге, о выступлении в Конгрессе США, о многочисленных действиях с целью способствовать изменению моего положения. Она рассказала также о появившихся на Западе гебистских фильмах (снимавшихся скрытой камерой на протяжении многих лет до голодовки, во время и после голодовки, в том числе на улице и в кабинетах д-ра О. А. Обухова и его жены, кардиолога д-ра А. А. Обуховой, на вокзале в Горьком, на почте и в других местах – приложение 26). Во время наших телефонных разговоров в декабре–мае Люся неоднократно пыталась рассказать о фильмах, но каждый раз, как она затрагивала эту тему, связь прерывалась.

В высшей степени потрясли меня те новые для меня факты, которые Люся сообщила о Чернобыльской катастрофе. Она рассказала, что узнала о катастрофе, когда была на ежегодном собрании Национальной Академии наук США, т. е. гораздо раньше, чем появились первые сообщения в советской прессе. В США по телевизору показывались сделанные со спутника снимки, на которых был виден горящий реактор. Подъем уровня радиации был зарегистрирован во всех европейских странах. В первые дни после аварии Чехословакия, Швеция, Польша и Венгрия требовали от советских властей объяснения, что произошло в СССР, но долго не получали никакого ответа. В Польше населению выдавали содержащие йод таблетки, чтобы ускорить вывод радиоактивного изотопа йода (вставал вопрос: а что делали в СССР, где, конечно, радиоактивность была больше?). На Украине и в Белоруссии беременным женщинам советовали делать аборты! Все это было ужасно, в корне меняло ту относительно благополучную картину, которую я составил себе и которая частично сохранялась в моем воображении даже после визита физиков.

Мне хотелось бы верить, что я сумел извлечь уроки из своей ошибки. Во всяком случае, последующие месяцы я много думал о том, как же я мог так ошибаться. Но еще важней было решить, сначала для себя, что же вообще надо делать с ядерной энергетикой...

В июне доктор А. А. Обухова назначила мне прийти к ней на

медосмотр. До этого я был у нее три раза, и, как я узнал от Люси и писал выше, все эти осмотры снимались скрытой камерой. Я послал такую телеграмму: «Я отказываюсь осмотров у вас мне отвратительны беззаконные съемки скрытой камерой вашем кабинете кабинете вашего мужа передачей фильмов всему миру такая кавычки медицина кавычки мне не нужна. Сахаров» и получил бесподобный ответ: «Мне искренне жаль Вас, академик. На Вашу благодарность, конечно, не рассчитываю. Профессор Обухова». Ни я, ни Люся не собирались больше обращаться к услугам горьковской медицины ни при каких обстоятельствах.

Жизнь наша после Люсиного приезда потекла своим чередом.

Люсин багаж привезли в Горький с полным нарушением всех формальных правил. Из пришедших вещей Люся собрала 15–20 посылок с подарками для родных и друзей, и мы разослали их по адресам. Никакого общения с кем-либо у нас не было, почти как во время голодовки. Нашего друга Эмиля Шинберга, направлявшегося к нам (мы договорились встретиться в ресторане в определенный день и час), сняли с поезда на полпути. Ресторан же был полон гебистов. Единственным радостным исключением явилась встреча 15 августа с моим однокурсником Мишей Левиным и его женой Наташей. Они были в Горьком проездом и прошлись перед нашими окнами. Я случайно вышел на балкон и, увидев их, выбежал на улицу. Потом мы провели с ними полдня, и ГБ нам не препятствовало. Но пытаться провести их в квартиру я не решился – их могли бы сразу схватить. Я глубоко благодарен Мише за эту и предыдущие встречи.

Мы с Люсей часто ездили на машине в разрешенных узких пределах (как мы говорили – по «малому» или по «большому» кольцу; последнее включало небольшой участок Казанского шоссе и выезд к Волге), читали книги, смотрели по вечерам телевизор, а по утрам подолгу сидели за утренним чаем-кофе и болтали, выясняя спорные вопросы истории и литературы с помощью энциклопедического словаря. В общем оказалось, что мы хорошо выдерживаем испытание на психологическую совместимость в условиях изоляции от внешнего мира. Можно сказать, что мы были счастливы. Конечно, если бы еще у Люси было лучше с ногами, с сердцем, вообще со здоровьем!..

В отличие от прошлых лет мы могли регулярно разговаривать с детьми и Р. Г. по телефону. Еще для характеристики нашего парадоксального быта следует упомянуть, что раз в месяц Люся должна была являться в районное управление внутренних дел для отметки ссыльной. Мы отдали в МВД предписание доктора Хаттера, которое Люся привезла с собой из США, запрещающее ей

выходить из дома – и тем самым являться на отметку – в холодную и ветреную погоду, но не успели узнать, принято ли по этому поводу какое-либо решение.

В начале октября я получил повестку с просьбой явиться в областную прокуратуру к зам. Генерального прокурора СССР Андрееву, как там было написано, «в связи с Вашим заявлением». Мы поняли, что речь идет о моем февральском письме Горбачеву об освобождении узников совести. Обсуждая предстоящую встречу, мы решили, что я должен попытаться передать с Андреевым (т. е. помимо Горьковского УКГБ) письмо Горбачеву с целью добиться моего освобождения из Горького. Я долго колебался, следует ли мне писать такое письмо или ждать, пока решение об освобождении «созреет» без моего участия. Меня также останавливало, что за год до этого я писал Горбачеву, что не имею других личных просьб, кроме поездки Люси (правда, за это время ситуация во многом изменилась). Я надеялся в ближайшие месяцы наконец спокойно заняться физикой и понимал, что в Москве я долго не буду иметь такой возможности, что на нас лягут новые заботы, новая ответственность. Но я также чувствовал, что мое пребывание в Горьком или, наоборот, возвращение в Москву – это не только мое личное дело или наше с Люсей, а нечто, определяющее «стандарт» во всей проблеме прав человека в СССР. Одним из факторов, влиявших на меня, было чувство ответственности за неосторожный, как мне казалось, разговор с Линде, и я хотел кое-что уточнить. В конце концов я решил, что должен сделать все возможное для своего освобождения, прибавив свои усилия к усилиям столь многих людей, в расчете, что мое обращение, быть может, как-то повлияет на неизвестный нам баланс сил «там, наверху». Когда наше освобождение стало фактом, взаимосвязь моего освобождения с судьбами других людей, с правами человека и гласностью и трудности для меня и ответственность московской жизни проявились даже с большей силой, чем я мог то предполагать.

3 октября Люся отвезла меня на встречу с Андреевым. Она осталась ждать у кафе «Дружба» (в 1984 году, когда Люся ездила на допросы, она тоже оставляла там машину), а я пошел в прокуратуру.

Андреев действительно приехал по моему письму Горбачеву об узниках совести. «Ответом на письмо», однако, его сообщение назвать было трудно. Он сказал, что прокуратуре было поручено разобраться и что все упомянутые мною лица осуждены совершенно законно (он упомянул также о проверке медицинских экспертиз, видимо в связи с психиатрическими делами). На все

мои вопросы, которые я задавал с целью что-то конкретизировать или уточнить, он отвечал крайне расплывчато и неоднозначно. В частности, он так и не сказал, видел ли мое письмо Горбачев. Лишь в телефонном разговоре с М. С. Горбачевым я узнал, что на самом деле видел. Я упоминал в своих вопросах Марченко, но Андреев ушел от обсуждения. В конце часовой беседы я выразил неудовлетворенность его ответом, сказал, что по моему письму было необходимо общее политическое решение об освобождении всех узников совести, исправляющее несправедливость (я повторил заключительную формулировку письма). Андреев категорически отказался взять мое новое письмо, сказав, что он – не курьер.

В последующие недели я несколько переработал письмо и 23 октября отправил на имя Генерального секретаря. Люся считала, что не следует торопиться отправлять письмо, что-то ей в нем не нравилось. Однако я, приняв решение, не видел необходимости откладывать его исполнение. Возможно, это мое письмо Горбачеву и не сыграло какой-либо роли в нашем освобождении2. Существуют слухи, что вопрос дебатировался уже с лета 1986 года, а может и раньше. Но нельзя исключить и обратное – что письмо явилось тем маленьким толчком, который вызывает лавину. Впрочем, я больше склоняюсь к первому предположению.

В своем письме я писал, что семь лет назад был без решения суда, т. е. беззаконно, депортирован. Я не допускал нарушений закона и государственной тайны. Нахожусь в условиях беспрецедентной изоляции, так же как моя жена. Приговор и клеветническая пресса переносят на нее ответственность за мои действия. Далее я писал о состоянии нашего здоровья. Я счел также необходимым написать: «Я повторяю свое обязательство прекратить открытые общественные выступления, кроме исключительных случаев, когда я, по выражению Л. Толстого, не могу молчать».

Я повторил тем самым устную формулировку, содержавшуюся в разговоре с Соколовым 5 сентября 1985 года. (Сейчас, оказавшись в Москве, я могу только мечтать о меньшем объеме общественной деятельности.) В конце письма я упомянул свои заслуги в прошлом, в том числе в заключении Московского договора о запрещении испытаний в трех средах. Я напомнил о своем письме об освобождении узников совести (что представлялось мне особенно важным!) и о работах вместе с И. Е. Таммом по МТР, выразив готовность принять участие в обсуждениях программ международного сотрудничества в этой области (исправляя тем свою оплошность с Линде). Письмо я окончил словами: «Я надеюсь, что Вы сочтете возможным

прекратить мою изоляцию и ссылку жены». Отправив письмо, я больше о нем не вспоминал в течение ближайших полутора месяцев.

Меня не переставали волновать вопросы ядерной энергетики, ее безопасности. Несомненно, человечество не может отказаться от использования ядерной энергии. Поэтому необходимо найти такие технические решения, которые обеспечивали бы полную ее безопасность, полностью исключали бы возможность катастрофы, подобной Чернобыльской. Таким решением, по моему убеждению, является размещение ядерных реакторов глубоко под землей. (Глубина должна быть выбрана так, чтобы при максимально возможной аварии не могло произойти выброса радиоактивных продуктов.) Конечно, размещение реакторов под землей увеличит стоимость строительства, но при современной землеройной технике это увеличение будет, как я думаю, приемлемым (как мне сейчас известно, конкретные проекты с подземным размещением реакторов существуют и дебатируются как вполне экономически конкурентоспособные в США, во Франции, кажется в Швейцарии, возможно и в других странах). Я считаю (эту мысль мне подсказала Люся в период подготовки к Форуму в феврале 1987 г.) , что необходимо в законодательном порядке разрешить строительство новых реакторов только под землей – причем не только в рамках одной страны, но и в международном масштабе – ведь радиоактивные осадки не знают границ! Что касается старых реакторов, то их следует покрыть надежными защитными колпаками. Особенно важно в первую очередь обеспечить безопасность реакторов теплофикационных атомных станций, располагаемых обычно вблизи от больших городов (одна из таких станций строится на окраине Горького), реакторов с графитовым замедлителем, подобных по этому признаку Чернобыльскому, реакторов-бридеров на быстрых нейтронах.

Другая проблема, которая меня в эти месяцы заинтересовала, – предполагаемая возможность существенно уменьшить катастрофические последствия землетрясений с помощью специально осуществляемых в сейсмически опасных районах подземных термоядерных взрывов. В настоящее время не существует способов точно предсказать момент землетрясения, что является одной из причин гибели людей. Можно, однако, предполагать, что достаточно мощный подземный термоядерный взрыв, произведенный вблизи предполагаемого эпицентра землетрясения в момент, когда напряжения в земной коре приближаются к критическому значению, может спровоцировать мгновенный или скорый (через несколько дней или недель) разлом блоков земной коры. Если это так (и если необходимые

заряды не слишком велики), то человечество получит возможность управлять моментом землетрясения. Людей можно будет заранее эвакуировать, спасая их тем от гибели. Можно также вывезти некоторые материальные и культурные ценности. Конечно, взрыв должен быть произведен так, чтобы исключить выход радиоактивных продуктов (глубина порядка нескольких километров).

Возможно, что эта идея уже обсуждалась сейсмологами, но я не знаю, известны ли им технические и экономические возможности создания сверхмощных термоядерных зарядов (в 1961 году в СССР, как было опубликовано тогда, было произведено испытание 100-мегатонного заряда, и это, конечно, не предел). Кроме того, с течением времени прогресс в области сейсмологии может изменить оценки реальности предлагаемого метода управления моментом землетрясения и требуемой мощности взрыва.

В начале декабря я послал на имя президента АН СССР академика Г. И. Марчука письмо с изложением обеих идей и просьбой способствовать их обсуждению.

Вечером 9 декабря Люся, как всегда, крутила ручку приемника. Помехи (глушение) в этот день были очень сильными, и поймать что-либо было трудно. Как всегда в доме, мы пользовались наушниками, чтобы не привлекать внимания наших индивидуальных «глушителей». Один из сдвоенных наушников она протянула мне. Через треск в какой-то момент Люся и одновременно я услышали фамилию «Марченко». На мгновение нам показалось, что речь идет о том, что Толя Марченко освобожден. Дней за 10 до этого мы слышали, что Ларисе Богораз предложили заполнить анкеты на выезд в Израиль. Она ответила, что должна сначала поговорить с мужем (и стала добиваться свидания). Мы рассматривали предложение властей как признак того, что дело Марченко «сдвинулось», – Люся послала Ларе радостную открытку. С 4 августа Марченко держал голодовку в Чистопольской тюрьме, требуя облегчения участи политзаключенных и внимания к их судьбе, прекращения репрессий. Сам Толя был лишен свиданий 2 года 8 месяцев, много раз подолгу находился в карцерах и ПКТ. Я хочу напомнить, что в перерыве между его предпоследним и последним заключениями ГБ неоднократно предлагало Марченко эмигрировать «в Израиль в порядке воссоединения семьи». Но он отказывался, не желая уезжать из страны, где он жил и сумел стать человеком (в высоком смысле этого слова), и не желая принимать участия в гебистских «играх» и обмане. После его отказа последовал арест. Теперь, на грани гибели Толи, Ларисе

предлагали то же самое.

Через несколько минут, однако, мы поняли, что речь идет не об освобождении. Ларисе Богораз сообщили, что ее муж умер. Она с сыновьями и невесткой в тот же вечер выехала в Чистополь. Ей не разрешили увезти тело мужа для похорон дома. Толю похоронили в Чистополе. Почти никаких подробностей обстоятельств Толиной смерти и его последних дней ей не сообщили. Известно лишь, что он до вечера 8-го находился в камере. Подошел к двери и попросил врача. Его перевезли в больницу в безнадежном состоянии. На теле Толи во время похорон были видны следы побоев, возможно полученных при принудительном кормлении. Продолжал ли он голодовку до момента смерти или прекратил ее за несколько дней до этого, неизвестно. Непосредственная причина смерти – якобы инсульт. Толе было 48 лет.

Смерть Толи потрясла нас, так же как очень многих во всем мире. Это был героический финал удивительной жизни, трагической и счастливой. Сейчас мы понимаем, что это также финал целой эпохи правозащитного движения – у истоков которого стоял Марченко с его «Показаниями»!

В воскресенье мы с Люсей случайно включили телевизор днем – чего мы обычно не делаем. Показывали пьесу Радзинского «Лунин, или смерть Жака» – о декабристе Лунине. Нас поразило совпадение основных линий в пьесе и в судьбе и трагедии Марченко. Лунин в камере перед смертью – он знает, что скоро придут убийцы, – вспоминает всю свою жизнь, сопоставляя ее с жизнью другого бунтаря из прочитанной им когда-то книжки. Он вспоминает, как Константин (брат царя) предлагал ему бежать, чтобы избежать ареста, а он не воспользовался предложением, и думает словами из книги: «Хозяин думает, что раб всегда убегает» (если у него есть такая возможность). И далее: «Но всегда в Империи находится человек, который говорит: Нет!» Это Лунин! И это – Марченко!

Из моего дневника тех дней: «Все время мысли возвращаются к этой трагедии, ко всей его (Толи) жизни, к судьбе Лары и Павлика. Все время чувство вины (и у меня, и у Люси)».

По случаю Дня прав человека 10 декабря Люся (по призыву Эмнести) установила на окнах свечи – символ призыва к освобождению узников совести. На одном из окон свечей было три – в знак скорби по Толе (три свечи ставят на похоронах).

15 декабря исполнилось 25 лет со дня смерти папы. Вечером мы с Люсей, как обычно, смотрели телевизор, сидя рядом в креслах, Люся что-то штопала. В 10 или в 10.30 неожиданный звонок в дверь. Для почты слишком поздно, а больше никто к нам

не ходит. Может, обыск? Это были два монтера-электрика, с ними гебист. «Приказано поставить вам телефон». (У нас возникла мысль, что это какая-то провокация; может, надо отказаться? Но мы промолчали.) Монтеры сделали «перекидку». Перед уходом гебист сказал: «Завтра около 10 вам позвонят».

Мы с Люсей строили всякие предположения, что бы это могло быть. Может, попытка взять интервью для газеты? До этого было две попытки: в сентябре письмо из «Нового времени» и в начале ноября из «Литературной газеты» – предложение, переданное Гинзбургом в его письме. Я отказался, так как не хотел давать интервью в условиях, когда я никак не могу проконтролировать точность передачи моих слов, вообще не могу давать «интервью с петлей на шее» – это перефраз названия книги Фучика. В этот раз я также собирался отказаться.

До 3 часов дня 16 декабря мы сидели, ждали звонка. Я уже собирался уйти из дома за хлебом. Далее – на основе записи из моего дневника, с некоторыми комментариями.

В три часа позвонили. Я взял трубку. Женский голос: «С вами будет говорить Михаил Сергеевич». – «Я слушаю». (Люсе: «Это Горбачев». Она открыла дверь в коридор, где происходил обычный «клуб» около милиционера, и крикнула: «Тише, звонит Горбачев». В коридоре замолчали.) «Здравствуйте, это говорит Горбачев». – «Здравствуйте, я вас слушаю». – «Я получил ваше письмо, мы его рассмотрели, посоветовались». Я не помню точных слов Горбачева, с кем посоветовались, но не поименно, и без указаний, в какой инстанции. «Вы получите возможность вернуться в Москву, Указ Президиума Верховного Совета будет отменен. (Или он сказал – действие Указа будет прекращено. – А. С.). Принято также решение относительно Елены Боннэр». Я – резко: «Это моя жена!» Эта моя реплика была эмоциональной реакцией не столько на неправильное произношение фамилии Боннэр (с ударением на последнем слоге), сколько, главным образом, на почувствованный мной оттенок предвзятого отношения к моей жене. Я доволен своей репликой! Горбачев: «Вы сможете вместе вернуться в Москву. Квартира в Москве у вас есть. В ближайшее время к вам приедет Марчук. Возвращайтесь к патриотическим делам!». Я сказал: «Я благодарен вам! Но несколько дней назад в тюрьме убит мой друг Марченко. Он был первым в списке в письме, которое я вам послал. Это было письмо с просьбой об освобождении узников совести – людей, репрессированных за убеждения». Горбачев: «Да, я получил ваше письмо в начале года. Многих мы освободили, положение других облегчено. Но там очень разные люди». Я: «Все осужденные по этим статьям осуждены незаконно, несправедливо, они должны

быть освобождены!» Горбачев: «Я не могу с вами согласиться». Я: «Я умоляю вас еще раз вернуться к рассмотрению вопроса об освобождении людей, осужденных за убеждения. Это – осуществление справедливости. Это – необычайно важно для всей нашей страны, для международного доверия к ней, для мира, для вас, для успеха всех ваших начинаний». Горбачев сказал что-то неопределенное, что именно – не помню. Я: «Я еще раз вас благодарю! До свидания!» (Получилось, что я, а не он, как следовало по этикету, прервал разговор. Видимо, я не выдержал напряжения разговора и боялся внутренне, что будет сказано что-то лишнее. Горбачеву не оставалось ничего другого, как тоже окончить разговор.) Горбачев: «До свидания».

Через три дня состоялась встреча с президентом АН Марчуком, о которой говорил Горбачев (не в квартире, а в Институте физики, куда меня привезли на директорской машине). Разговор происходил с глазу на глаз. Я впервые видел недавно избранного президента. Это был плотный мужчина среднего возраста, деловой, хваткий, типичный организатор науки новейшей формации. Марчук сказал: «Ваше письмо Михаилу Сергеевичу произвело на него большое впечатление. Я получил из Президиума Верховного Совета тексты указов по вашему делу». С этими словами он достал из нагрудного кармана пиджака помятую бумажку с рваными краями и прочитал (я на слух записал буквально, не исправляя синтаксиса: «1. Прекратить действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 января 1980 года о выселении Сахарова в административном порядке из Москвы. 2. Указ Президиума Верховного Совета СССР о помиловании Боннэр Е. Г., освободив ее от дальнейшего отбывания наказания»). Марчук добавил, что тексты указов ему сообщили по телефону – он просит не ссылаться на него. Я заметил, что за неимением другой информации я буду вынужден ссылаться. Отвечая на мои вопросы, Марчук сказал, что он не знает даты указов и что ему ничего не известно о возвращении мне наград (возвращение наград означало бы косвенное признание неправильности действий властей в отношении меня в 1980 году, но, видимо, до такого дело пока не дошло). В целом, у меня осталось много неясностей, и среди них главная – да был ли вообще указ о моем выселении или решение было принято на уровне КГБ. Единственный указ, о существовании которого известно точно, – это о лишении меня наград.

Марчук сказал, что он хочет обсудить мое возвращение к активной научной работе, мою общественную позицию. «Я хотел бы понять ваше кредо в общественных делах. Вы обладаете большим авторитетом, к вашему мнению многие

прислушиваются.» Я ответил ему довольно развернуто – Марчук внимательно слушал. В некоторых пунктах он подчеркнул свое несогласие, в частности это касалось линии действий СССР в так называемых горячих точках (я сказал, что политика СССР иногда объективно является провоцирующей), проблемы Афганистана и принципа «пакета», связывающего соглашения по вопросам межконтинентальных и евроракет с соглашением по СОИ. Я особо выразил свою заинтересованность в судьбе узников совести. Марчук сказал: «Учитывая, что вы поднимали этот вопрос, мне сообщили из Президиума Верховного Совета следующее. Многие из интересовавших вас осужденных освобождены, или условно освобождены, или переведены на ссылку, некоторые получили разрешение на выезд за границу. Сейчас продолжается рассмотрение дел некоторых других лиц. Необходимым условием освобождения является, как мне сообщили, заявление об отказе от продолжения антиобщественной деятельности». Я резко возразил: «Это посягательство на свободу убеждений, ломка человека, это неправомерно и несправедливо». Марчук сказал: «Излишняя концентрация на негативных явлениях, которые сейчас изживаются, может привести к вашей изоляции в академической среде – это мнение многих академиков, с которыми я говорил». Он упомянул о предстоящем в Москве Форуме по проблемам разоружения – я обещал подумать о своем участии. Я также высказал мысль о целесообразности моей встречи с Эдвардом Теллером. Это была бы встреча двух независимых и авторитетных людей для выяснения разных принципиальных подходов к проблемам разоружения, СОИ и т. п. Заключительная часть беседы касалась моего участия в МТР, проблем безопасности ядерной энергетики и предупреждения землетрясений. Я сказал о желательности привлечения к работе в ФИАНе Б. Л. Альтшулера.

Вечером того же дня (19 декабря) на телевизионной пресс-конференции в МИДе, посвященной мораторию на ядерные испытания, замминистра Петровский, отвечая на (инспирированный, конечно) вопрос, сказал: «Некоторое время тому назад академик Сахаров обратился с просьбой разрешить ему перебраться (!?) в Москву. Эта просьба рассмотрена, в частности в АН СССР, с учетом того, что Сахаров длительное время находился вне Москвы. Одновременно принято решение о помиловании гражданки Боннэр Е. Г. Таким образом, Сахаров получает возможность вернуться к научной работе – теперь на Московском направлении» (почти точная, на слух, запись телепередачи). Стиль бесподобен, так же как «фигуры умолчания»! Обращают на себя внимание ссылка на Академию и

на длительность «нахождения вне Москвы» как на причину возвращения. Об указе в отношении меня – ни слова.

У нас с Люсей в те дни вовсе не было ощущения счастья или победы. Нас глубоко мучила гибель Толи. Кроме того, у меня было смутное, но неприятное чувство, вызванное моим письмом М. С. Горбачеву от 23 октября, – хотя умом я и понимал, что ни в коей мере себя не унизил и не взял на себя никаких юридических обязательств, ограничивающих свободу моих выступлений в важных вопросах, когда я «не могу молчать». Более того, я и по существу не обманывал Горбачева в отношении своих действий – я действительно хотел ограничиться только важными общественными делами. Тем не менее я очень хорошо понимаю узников совести, для которых нелегко написать в качестве условия освобождения, что они не будут заниматься «антиобщественной деятельностью» (многие не написали требуемого и остались в заключении). Но вскоре все мои «рефлексии» отошли на задний план – неумолимый поток «свободной» жизни захлестнул нас, требуя ежедневных усилий и готовности принять на себя новую ответственность. Сил же у нас обоих сейчас гораздо меньше, чем 7 лет назад.

22 декабря мы, наскоро собрав несколько сумок и оставив в квартире большую часть вещей, выехали из Горького. Впервые за семь лет мы с Люсей вдвоем сели в поезд – до этого я только провожал ее, пока и она не «застряла» вместе со мной.

Глава 2
Вновь Москва. Форум и принцип «пакета»

23-го утром мы вышли на перрон Ярославского вокзала, запруженного толпой корреспондентов всех стран мира (как потом оказалось, там были и советские). Около 40 минут я медленно продвигался к машине в этой толпе (Люся оказалась отрезанной от меня) – ослепляемый сотнями фотовспышек, отвечая на непрерывные беглые вопросы в подставляемые к моему рту микрофоны. Это неформальное интервью было прообразом многих последующих, а вся обстановка – как бы «моделью» или предвестником ожидающей нас беспокойной жизни. Я говорил об узниках совести, призывая к их освобождению и называя много имен, о необходимости вывода советских войск из Афганистана, о своем отношении к СОИ и к принципу «пакета» (ниже, в связи с Форумом, я объясню все это подробней), о перестройке и гласности и о противоречивости и сложности этих процессов.

В конце декабря и в январе (с меньшей интенсивностью и в последующие месяцы) я давал интервью газетам, журналам и телекомпаниям Англии, Бельгии, Греции, Индии, Италии, Испании, Канады, Нидерландов, Норвегии, Швеции, Финляндии, ФРГ, Югославии, Японии и других стран – по нескольку раз в день. Особенно запомнилось телеинтервью с прямой трансляцией через спутник из студии «Останкино» – вся эта космическая супертехника, множество экранов с твоим странно-чужим лицом на фоне голубого неба и самое страшное – «черная дыра» телекамеры. В первой такой передаче переводчиком был Алик Гольдфарб – когда-то переводивший пресс-конференции на Чкалова. Сама возможность таких передач поражала – как примета нового времени «гласности».

На меня и на Люсю легла в эти первые месяцы почти непереносимая нагрузка – но делать нечего, приходилось тянуть... Наша жизнь в Москве. Подготовка в письменной форме ответов почти к каждому большому интервью, иначе я не умею, печатанье их Люсей. В доме непрерывно люди – а мы так хотим остаться вдвоем, у Люси заботы по кухне – и не на двоих, как в Горьком, а на целую ораву. В 2 часа ночи Люся с ее инфарктами и байпассами моет полы на лестничной клетке – в доме самообслуживание! – а я опять что-то спешно пишу на завтра.

Кроме интервью, еще масса всяких дел: письмо Горбачеву, о котором я пишу ниже, предисловие к книге Марченко, напряженная работа подготовки к Форуму и люди, люди, люди – друзья, знакомые, просто желающие познакомиться, желающие уехать из страны, иностранцы, приехавшие в Москву и считающие своим долгом посетить Сахарова, послы всех европейских стран, посещающие Сахарова по поручению своих правительств, каждый день сумасшедшие, во время и после Форума – очень многие западные участники. Когда началось массовое освобождение политзаключенных, о чем я пишу ниже, Люся стала вести списки освобожденных, сообщая о новых освобожденных в агентства (естественно, сразу в два-три), а также сообщая о запинках на этом пути. Инкоры же – или радиокомментаторы – многое перевирают, и вот уже вместо сообщения Люси о голодовке Миколы Руденко с требованием ответить о судьбе забранного у него на обыске писательского архива мы слышим по западному радио, что академик Сахаров сообщил о голодовке Руденко с требованием эмиграции, а супруга лауреата заявила, что это дело якобы показывает обратную сторону политики кремлевских руководителей – слова, которых она не говорила и не могла сказать, это не ее стиль, мягко говоря. Подобная путаница почти каждый день, очень искажались мои высказывания по СОИ.

Таковы будни нашей жизни. Может, у меня мания величия, но мне хочется надеяться, что все же это не вовсе бесполезная суета и не игра в свои ворота, а оказывает – пусть с очень малым КПД – реальное воздействие на два ключевых дела: освобождение узников совести и сохранение мира и разоружение.

Итак, интервью первых месяцев... Во всех бесчисленных интервью декабря и января я постоянно повторял, что критерием глубины, подлинности и необратимости демократических преобразований в стране является полное освобождение узников совести, что противоречивость существующей ситуации разительно отражается в том, что люди, выступавшие за гласность, продолжают оставаться в заключении в эпоху гласности. Обычно я называл в своих интервью несколько (5–12) фамилий людей, дела которых были мне хорошо известны.

В середине января появились первые признаки того, что многие узники совести будут освобождены (интервью советского представителя в Вене и др.). Одновременно возникло опасение, что этот процесс будет далеко не таким, как мы все мечтали, – не полным и не безусловным освобождением. Я помнил также о своих беседах с прокурором Андреевым и Марчуком, они говорили о необходимости «отказа от антиобщественной деятельности».

Я решил написать М. С. Горбачеву еще одно письмо, в котором высказал свои мысли и опасения. В этом письме я, в частности, писал: «Без амнистии невозможен решающий нравственный поворот в нашей стране, который преодолеет «инерцию страха» (я использовал название известной книги В. Турчина), инерцию равнодушия и двоемыслия. Конечно, только амнистии для этого недостаточно. ... Я буду с Вами откровенен. Нельзя полностью передоверять это дело тем ведомствам, которые до сих пор осуществляли или санкционировали беззакония и несправедливость (КГБ, прокуратура, суд, органы МВД). ...Будет очень плохо, если все сведется к вымоганию покаяний и отказов от так называемой «антиобщественной деятельности», защите чести мундира упомянутых мною ведомств. ...Мне кажется целесообразным созыв специального совещания при ЦК КПСС по вопросам амнистии, возможно с приглашением на него представителей движения за права человека в СССР, представителей творческой и научной интеллигенции» (я назвал несколько имен: Каллистратова С. В., Богораз Л. И., Гефтер М. Я., Ковалев С. А.).

Ответа на это письмо я не получил.

Между тем долгожданный процесс массового освобождения узников совести начался. Сейчас, когда я пишу эти строки (апрель 1987), освобождено около 160 человек. Много это или мало? По сравнению с тем, что происходило до сих пор (освобожденных и обмененных можно пересчитать по пальцам), по сравнению с самыми пылкими нашими мечтами – очень много, невероятно много. Но это только 20–35% общего числа узников. (Дополнение, ноябрь 1988 г. Сейчас освобождено большинство известных узников совести. Лиц, известных мне по фамилиям, в заключении осталось лишь несколько человек. Но все еще многие не известные мне узники совести находятся в психиатрических больницах и в заключении по неправомерным обвинениям – таким, как отказ верующих от службы в армии, незаконный переход границы, фальсифицированные уголовные обвинения и др.) Принципиально важно: это – НЕ безусловное освобождение узников совести, не амнистия. Тем более это – не реабилитация, которая подразумевает признание несправедливости осуждения. Мои опасения оправдались. Судьба каждого из заключенных рассматривается индивидуально, причем от каждого власти требуют письменного заявления с отказом от якобы противозаконной деятельности. Т. е. люди должны «покупать» себе свободу, как бы (косвенно) признавая себя виновными (а ведь многие могли это сделать много раньше – на следствии и на суде – но отказались). То, что фактически часто можно было

написать ничего не содержащую бумажку, существенно для данного лица, но не меняет дела в принципе. А совершившие несправедливое, противоправное действие власти полностью сохраняют «честь мундира». Официально все это называется помилованием. Никаких гарантий от повторения беззакония при таком освобождении не возникает, моральное и политическое значение смелого, на самом деле, шага властей в значительной степени теряется как внутри страны, так и в международном плане. Возможно, такая процедура есть результат компромисса в высших сферах (скажем, Горбачева и КГБ, от поддержки которого многое зависит; а может, Горбачева просто обманули? или он сам не понимает чего-то?). Компромисс проявляется и на местах: как я писал, заключенные часто имеют некоторую свободу в выборе «условных» формулировок. Много лучше и легче от этого не становится. Но на большее в ближайшее время, видимо, рассчитывать не приходится.

В эти недели я, Люся, Софья Васильевна Каллистратова, разделяющая нашу оценку реальной ситуации, предприняли ряд усилий, чтобы разъяснить ее стоящим перед выбором заключенным, облегчить им этот выбор. Мы всей душой хотим свободы и счастья всем узникам совести. Широкое освобождение даже в таком урезанном виде имеет огромное значение. Наши инициативы, однако, далеко не всеми одобрялись. Однажды, в первых числах февраля, к нам приехали Лариса Богораз и Боря Альтшулер. Произошел трудный, мучительный разговор. Нам пришлось выслушать обвинения в соглашательстве, толкании людей на капитуляцию, которая будет трагедией всей их дальнейшей жизни. В еще более острой форме те же обвинения были предъявлены Софье Васильевне. Очень тяжело слышать такое от глубоко уважаемых нами с Люсей людей, близких нам по взглядам и нравственной позиции. Но в той объективно непростой ситуации, в которой мы все оказались, возникновение подобных расхождений неизбежно. Все же, мне кажется, эти расхождения носят временный характер, уже сейчас они несколько смягчились.

О некоторых событиях и встречах первых месяцев в Москве.

В первых числах января я дал интервью советской прессе, а именно «Литературной газете». Интервью, однако, не было напечатано. Произошло все это так. 30 декабря после семинара в ФИАНе ко мне подошли два корреспондента «Литературной газеты» – Олег Мороз (тот самый, которого мне «сватал» Виталий Лазаревич Гинзбург за два месяца до этого) и Юрий Рост, известный фотокорреспондент. Они попросили разрешения прийти домой и взять интервью. Подумав несколько минут, я

согласился с условием, что мне будет предоставлен на подпись окончательный, согласованный со всеми инстанциями текст, возможно с некоторыми сокращениями и исправлениями. Если я найду их приемлемыми, я подпишу интервью и после этого оно уже без всяких изменений пойдет в печать, в противном же случае вообще ничего не должно публиковаться. Только такая форма ограждала меня от возможных искажений моей позиции. Мороз и Рост согласились и тут же дали мне бумажку с предварительными вопросами. В первый день нового года, когда все нормальные люди отдыхают после новогодней попойки, я усиленно работал над этими не простыми для меня вопросами, а Люся печатала и редактировала (как мы это обычно делаем). Вопросы были в основном те же, что и у инкоров, и мои ответы тоже были такие же (Афганистан, узники совести, принцип «пакета», ядерные испытания), но хотелось для дебюта в советской прессе быть особенно ясным и логичным.

Вечером 30 декабря мне предстоял телемост, я спешил и согласился с предложением Роста и Мороза, что они подвезут меня в своей машине. Разговаривая между собой, они упомянули с уважением какого-то Яковлева и, обращаясь ко мне, заметили: «Не беспокойтесь, это не тот, которого вы, кажется, побили». Я подтвердил, что действительно побил. Эти молодые люди были в неслужебном общении, по-видимому, похожи на многих других известных мне московских интеллигентов – западное радио, во всяком случае, они регулярно слушали. Первый вариант интервью Мороз и Рост записали 3 января (задав несколько дополнительных вопросов), затем в течение января приходили еще два или три раза. Они сделали кое-какие приемлемые для меня изменения и сокращения и добавили еще три-четыре вопроса, в тексте которых содержалась полемика с моими наиболее острыми ответами. Мороз и Рост рассказали, что интервью одобрили редакторы отделов, но не одобрил главный редактор Чаковский, и теперь оно проходит все более и более высокие инстанции, дойдя до «предпоследней» ступени (намекалось, что это – Лигачев, последняя – верхняя – ступень была бы Горбачев). При последней встрече они сказали, что публикация интервью откладывается на неопределенное время, во всяком случае до январского пленума, «на котором многое должно решиться». На самом деле интервью просто не было напечатано. До такого уровня гласность не распространилась. А жаль. Появление моего интервью в советской прессе было бы крупным событием «перестройки» – с учетом того, что я в своих ответах не пошел ради «проходимости» по пути самоцензуры.

Хотя интервью и не пошло, но некоторый профит мы от него

все же имели. Люся написала от моего имени, а я подписал, письмо корреспонденту «Литературной газеты» Аркадию Ваксбергу (пишущему на моральные и юридические темы) о деле арестованного незадолго до того в Киеве человека и попросила Роста и Мороза передать письмо адресату. Библиотекарь Проценко был арестован по обвинению в составлении и хранении рукописи религиозно-исторического содержания, суд вернул дело на дорасследование, но оставил Проценко в следственной тюрьме. Ваксберг (не ссылаясь на меня) обратил внимание прокурора на это нарушение1, Проценко был освобожден, а затем дело в отношении него было прекращено.

Одним из главных вопросов всех интервью с иностранными корреспондентами и с «Литгазетой» было мое отношение к Горбачеву и к политике «перестройки». На самом деле, очень важно было выяснить все это прежде всего для самого себя, для нас с Люсей.

Еще в Горьком мы видели поразительные изменения в прессе, кино и телевидении. В той же «Литературной газете» в репортаже А. Ваксберга о пленуме Верховного суда можно было прочитать такие вещи, за «распространение» которых совсем недавно давались статьи 1901 или 70, – в том числе документальная справка, согласно которой на семидесяти процентах поступивших в Прокуратуру ходатайств о пересмотре судебного дела, получивших стандартную резолюцию «Оснований для пересмотра нет», отсутствует пометка о том, что дело затребовано – т. е. ответы Прокуратуры просто штамповались, или дело о 14 людях, сознавшихся в убийстве, осужденных и казненных, которые потом оказались полностью непричастными к преступлению, – т. е. их показания явно были даны в результате избиений или других пыток. Гласность действительно захватывает все новые области, и это производит сильнейшее впечатление, обнадеживает! Наибольшее развитие гласность получила в журналистике. Но опубликование какого-либо материала, информации или идеи не означает, что последуют реальные действия (сейчас еще в большей степени, чем в прежний период). Следует также сказать, что наиболее продвинутая область перестройки – гласность – тоже все еще имеет некоторые темы, остающиеся под запретом, такие как изложение неофициозных точек зрения в международной политике, критика крупных партийных руководителей – а министров уже можно! – большая часть статистических данных, судьба узников совести и др. (Добавление, декабрь 1988 г. Сейчас в ряде отношений гласность еще больше расширилась. Но одновременно появились новые принципиально важные ее ограничения. Большое беспокойство

вызывает неполное и одностороннее освещение драматических событий в Азербайджане и Армении и некоторых других особо острых вопросов. Тут гласность, к сожалению, «буксует» – как раз в тех случаях, когда ее общественное значение могло бы быть особенно велико. В 1988 году повсеместно имели место ограничения в подписке на «перестроечные» издания, по-видимому в результате какого-то компромисса с антиперестроечными силами; сейчас острота этой проблемы несколько снизилась.) Наряду с гласностью чрезвычайно важны другие аспекты новой политики: в социальной области, в экономике – повышение самостоятельности предприятий, в децентрализации управления, в укреплении роли местных советских органов (которые сейчас оттеснены на задний план партийными органами). (Добавление, июль 1988 г. В июне состоялся пленум ЦК КПСС, специально посвященный реформе экономики – переходу на полный хозрасчет с отменой центрального планирования и лимитного – т. е. по определенным из центра лимитам – снабжения.)

Решения по этим вопросам, исполнение которых должно, конечно, проводиться постепенно, имеют огромное, принципиальное значение. Особенную роль играют намечающиеся изменения системы выдвижения кадров и выборов на партийные, советские и хозяйственные руководящие должности (доклад Горбачева на январском пленуме, его идеи пока не отражены в каких-либо решениях). На январском пленуме говорилось о планах реформы Уголовного кодекса и другого законодательства. Новое также есть в международной политике – я потом буду говорить об этом подробней. В целом следует сказать, что реальных, а не словесных проявлений новой политики все еще мало. В них еще сильней, чем в области гласности, проявилась известная незавершенность, половинчатость, даже определенная противоречивость политики. Например, важный закон об индивидуальной трудовой деятельности (ИТД) сформулирован очень робко, неопределенно, в нем совершенно не предусмотрены меры активного стимулирования, очень ограничен круг лиц, которые могут заниматься ИТД, много других ограничений. Почти одновременно с законом о ИТД принят другой закон – о так называемых нетрудовых доходах, фактически, вопреки названию, дающий возможность преследовать именно за ИТД. В первые месяцы после принятия закона о нетрудовых доходах было множество случаев абсолютно нелепого его применения. О противоречивости и неполноте процесса освобождения узников совести я уже писал – это меня особенно беспокоит. Одновременно с принятием закона

о кооперации Министерство финансов установило столь высокий уровень налогов (до 90% дохода), что фактически это сделало развитие кооперации невозможным. Важнейший закон о государственном предприятии не содержит четких гарантий самостоятельности предприятий в планировании и в финансовой области (в особенности, в использовании дохода). Что я безоговорочно поддерживаю – это борьбу с пьянством, этим жестоким бедствием нашего народа. Жизнь, однако, выявила, что и здесь было много непродуманного.

Какова же моя общая оценка? В 1985 году, слушая в больнице им. Семашко одно из первых выступлений Горбачева по телевизору, я сказал моим соседям по палате (гебистам – больше я ни с кем не мог тогда общаться): «Похоже, что нашей стране повезло – у нее появился умный руководитель». Я рассказал об этой своей оценке в декабрьском интервью-телемосте из студии в Останкино – она отражает мою первую реакцию, в основном сохранившуюся с тех пор. Мне кажется, что Горбачев (как и Хрущев) – действительно незаурядный человек в том смысле, что он смог перейти невидимую грань «запретов», существующих в той среде, в которой протекала большая часть его карьеры. Чем же объяснить непоследовательность, половинчатость «новой политики»? Главная причина, как я думаю, в общей инерционности гигантской системы, в пассивном и активном сопротивлении бесчисленной армии бюрократических и идеологических болтунов – ведь при реальной «перестройке» большинство из них окажется не у дел. Горбачев в некоторых своих выступлениях говорил об этом бюрократическом сопротивлении – это звучало почти как крик о помощи. Но дело даже глубже. Старая система, при всех своих недостатках, работала. При переходе к новой системе неизбежны «переходные трудности» (из-за недостатка опыта работы по-новому, отсутствия кадров руководителей нового типа). И вообще: старая система создавала психологический комфорт, гарантированный, хотя и низкий, уровень жизни, а новая – кто знает! И последнее – не могу исключить, что и Горбачев, и его ближайшие сторонники сами еще не полностью свободны от предрассудков и догм той системы, которую они хотят перестроить.

Добавление 1988 г. Перестройка сложившейся в нашей стране административно-командной структуры экономики крайне сложна. Без развития рыночных отношений и элементов конкуренции неизбежно возникновение опасных диспропорций, инфляция и другие негативные явления. Фактически наша страна уже испытывает экономические трудности. Повсеместно ухудшилось снабжение населения продовольствием и

промышленными товарами первой необходимости. У меня особое беспокойство вызывают «зигзаги» на пути демократизации. Создается впечатление, что Горбачев пытается овладеть контролем над политической ситуацией путем компромиссов с антиперестроечными силами, а также укрепляя свою личную власть недемократическими реформами политической системы. И то, и другое чрезвычайно опасно! Демократизация невозможна без широкой общенародной инициативы. Но «верха» оказались к этому не готовы. Отражением этого явились, в частности, антиконституционные законы, направленные против свободы митингов и демонстраций. Все это вызывает у меня большую настороженность!

Таким образом, ситуация необычайно запутана и противоречива. Главная надежда – на постепенную смену всех кадров, на объективную необходимость «перестройки» для страны – ради преодоления застоя, на то, что «новое всегда побеждает старое» – знаменитые слова Сталина, их хорошо нам вдолбили в годы молодости.

В руках Горбачева четыре основных рычага: гласность (тут дело запущено и начинает уже раскручиваться самоходом), новая кадровая политика, новая международная политика с целью ослабления пресса гонки вооружений, общая демократизация. Во всех своих интервью на Запад в 1987 году и для «Литературки» я говорил, с разной степенью подробности и детализации, в духе этих мыслей. Кроме уже упомянутых телемостов (два с США, с Канадой и с ФРГ) мне особенно памятны хорошо получившееся интервью по телефону корреспонденту «Голоса Америки» Зоре Сафир, подробное интервью для итальянского телевидения по поводу выступления Горбачева на январском пленуме ЦК КПСС и интервью журналу «Шпигель». К последнему я также написал небольшое добавление в связи с неточностями в интервью Роя Медведева тому же журналу. В этом добавлении я сам, однако, допустил неточность. Дискутируя с Медведевым, я написал, что академик П. Л. Капица никогда не выступал в мою защиту во время ссылки в Горький. Мне передали со слов жены Петра Леонидовича, что им были написаны большое письмо на имя Андропова и телеграмма на имя Брежнева. Я ничего не знал до последнего времени об этих попытках П. Л. Капицы. Подробней я пишу об этом в «Воспоминаниях», глава 3-я второй части.

Моя позиция в отношении «перестройки» не всеми принимается, в том числе в диссидентских кругах здесь и в эмигрантских на Западе. В одной из издающихся в США на русском языке газет появилась статья под примечательным заголовком: «Прощеный раб помогает своему хозяину» (этот

образ, видимо, возник в результате моего рассказа о пьесе Радзинского, о которой я писал выше, правда автор статьи ухитрился перепутать Лунина с Лениным). Больше огорчила меня переданная на Запад статья Мальвы Ланда – об этом мужественном и честном человеке я не раз писал в книге «Воспоминания». Грустно, но что поделаешь! Надеюсь, что и это недоразумение разрешится, как и описанное выше с Ларой и Борей.

Как я уже писал, в первые месяцы после возвращения из Горького нас посетили послы большинства западных стран. Принимали мы их, так же как других гостей, в комнате Руфи Григорьевны (самой просторной в квартире, но сильно нуждавшейся в ремонте после семи лет безнадзорности). Люся устраивала вполне приличный, на мой взгляд, чай-кофе с печеньем.

Очень интересной и содержательной была встреча с группой государственных деятелей США – с Киссинджером, Киркпатрик, Вэнсом, Брауном и другими. Мои собеседники произвели на меня сильное впечатление – это несомненно острые, умные, четкие во взглядах и позициях люди, далеко не «беззубые». Сам факт их визита ко мне был нетривиальным проявлением уважения ко мне и к моему международному авторитету. Они, в основном, спрашивали и слушали меня – а я пытался наиболее четко выразить свою позицию в вопросах о горбачевской «перестройке» и о том, как к этому следует подходить Западу, о разоружении, о СОИ, о правах человека и гласности (большая часть всего этого потом вошла в мои выступления на Форуме). Одна из основных мыслей, которую я защищал в беседе, следующая: Запад жизненно заинтересован в том, чтобы СССР стал открытым и демократическим обществом, с нормально развивающейся экономикой, социальной и культурной жизнью. Именно с этим были связаны многие вопросы гостей. Киссинджер, в частности, очень четко и откровенно сформулировал свой вопрос: «Не существует ли такой опасности, что СССР осуществит демократические преобразования, возникнут условия для ускорения его научно-технического развития, экономика окрепнет, а затем он вновь усилит экспансионистскую направленность своей внешней политики и на новом уровне развития будет представлять еще большую опасность для мира во всем мире?» Я использовал кавычки, но на самом деле это вольный пересказ по памяти. Аналогичные, близкие по смыслу вопросы поставили Вэнс, Браун и другие гости. Я ответил, что вопрос, конечно, очень серьезный, но, по моему убеждению, следует опасаться не нормального развития в СССР открытого и

стабильного общества с мощной, в основном мирной, экономикой, а потери мировой стабильности и одностороннего военно-промышленного развития закрытого, экспансионистского общества.

Дополнение 1988 г. Отвечая на аналогичные вопросы сейчас, я считаю необходимым подчеркивать, что Запад должен активно поддерживать процессы перестройки, широко сотрудничая с СССР в вопросах разоружения, экономики, науки и культуры. Но эта поддержка должна осуществляться «с открытыми глазами», не безусловно. Антиперестроечные силы должны понимать, что любой их успех, любое отступление перестройки одновременно будет означать срыв поддержки Запада. Это уточнение позиции отражает мою озабоченность «зигзагами» перестройки.

Браун и Вэнс также сформулировали вопросы, относящиеся к проблеме СОИ. На мой контрвопрос, санкционирует ли Конгресс боевое развертывание системы СОИ, если СССР откажется от принципа «пакета» (подробней я разъясню суть проблемы ниже), мои гости с некоторой долей уверенности высказали мнение, что в изменившейся после отказа СССР от принципа «пакета» политической ситуации Конгресс не утвердит развертывания СОИ в космосе. Я говорил также об освобождении узников совести и свободе эмиграции. Особенно внимательно слушала и записывала эту часть беседы г-жа Джин Киркпатрик – она произвела на меня впечатление очень умной и твердой женщины.

Мы не пустили фототелекорреспондентов в дом, но разрешили им снимать на улице. Это было уменьшенное подобие встречи на вокзале, ламп-вспышек было почти столько же.

Люся к приезду американцев, кроме традиционного кофе, сделала свое «фирменное» блюдо – творожную ватрушку, она получилась удачно, гости, в том числе Джин Киркпатрик, вполне ее оценили. Генри Киссинджер сказал, что такую вкусную ватрушку делала когда-то в детстве его еврейская мама.

Другая встреча в конце января – начале февраля была с президентами американских университетов. Их приезд в Москву намечался давно, когда мы были еще в Горьком, и теперь состоялся в более нормальных обстоятельствах. Все они приехали в Москву по туристской визе на три дня и от нас направились в Вену на конференцию по правам человека. Вместе с ними в Москву приехал, тоже по туристской визе, Алеша – в качестве переводчика и, конечно, чтобы повидать нас. Это было большое событие для всех нас. Алеша уехал 9 лет назад, и все это время казалось, что он никогда уже не сможет приехать в СССР.

Его разрешение на поездку было получено в самый последний момент, после моих телеграмм в советское посольство

в Вашингтоне и послу СССР в США Добрынину. На Восточном побережье США в эти дни был сильный снегопад, самолеты не летали по погодным условиям, и Алеше пришлось срочно добираться из Бостона в Нью-Йорк на арендованной машине. 8 часов он пробивался по шоссе, покрытому тридцатисантиметровым слоем снега!

Состоялись две большие беседы с президентами и, кроме того, еще очень содержательный разговор с Германом Фешбахом, в основном посвященный проблеме СОИ. Герман давно был другом наших детей, много помогал им. Люся встречалась с ним в США в 1979 г. и в 1985–1986 гг., а я был знаком с ним лишь заочно. Я давно хорошо знал его книгу «Математические методы теоретической физики» и совместную книгу с Вейскопфом по ядерной физике.

После отъезда президентов Алеша задержался еще на шесть дней. Он много и интересно рассказывал об американской жизни – она представала перед нами уже не в перспективе постороннего наблюдателя, а изнутри. Один из его рассказов – о том, как он, будучи аспирантом, во время каникул подрабатывал через бюро найма (не знаю точно, как это у них там называется). Он приходил каждый день к 6 утра, и уже через три – три с половиной часа кто-нибудь брал его на временную (однодневную) работу – подборщиком мусора, продавцом в магазине вместо заболевшего, грузчиком, маляром, штукатуром и т. п. Скоро его заметили (Алеша всегда любую работу делает быстро и на совесть, «выкладываясь», как работнику ему цены нет) и брали одним из первых, почти сразу, как он приходил. Средний дневной заработок при этом составлял вначале 29 долларов, а потом возрос до 35 долларов. Неплохо по советским нормам. Рассказывал также Алеша и о других сторонах американской жизни – о референдумах по разным спорным вопросам городского и штатного характера, об организации здравоохранения и образования и т. п.

Очень огорчил нас Алеша в последние дни симптомами нервного переутомления: сказались систематические перегрузки и почти беспрерывный стресс той жизни, которой он – и вообще наши дети – жил последние годы начиная с момента нашей ссылки в Горький, голодовки за выезд Лизы, Люсиного инфаркта, моих голодовок с известием о смерти в 1984 году, с фальшивками КГБ и беспрерывной борьбой за нас, с поездками по всему миру и кончая страшным волнением за Люсю во время операции на открытом сердце (на расстоянии мне было легче – я обо всем узнавал задним числом, а кое-что – вообще по ее приезде), и при этом Алеша всегда напряженно работал – над диссертацией, в

офисе и по дому...

Приближался Люсин день рождения и Форум. По случаю первого приехал Эд Клайн с женой Джилл и дочкой Кэрол (также приехали приятельница Кэрол и ее друг). Я уже писал в «Воспоминаниях» об Эде, о его участии в издании «Хроники» и других правозащитных делах, о той неоценимой и постоянной помощи, которую он оказывал нашим детям. Люся много раз говорила мне, что наши дети просто погибли бы без этой помощи. С Эдом у наших детей и Люси давно крепкая дружба. Я тоже всегда считал его своим другом, заочным, так как не надеялся, что он и я когда-либо окажемся в Москве. Теперь это произошло. Мне кажется, что мы оба не разочаровались друг в друге. Что я еще дополнительно понял (или утвердился в мнении) – что Эд очень умный, тонкий и предельно деликатный человек. В первый же день его приезда я дал ему прочитать подготовленные к Форуму тексты моих выступлений. Одобрение Эда было очень важным для меня.

Так называемый «Форум за безъядерный мир, за международную безопасность» проходил в Москве 14–16 февраля 1987 г. Это было широко организованное, пропагандистское, в основном, мероприятие. Одним из «дирижеров» Форума был вице-президент АН СССР Евгений Павлович Велихов, он же пригласил участвовать меня.

Первый контакт с Велиховым был у меня в начале января. В Москву приехал итальянский физик Зикики с идеей организации «Мировой лаборатории» – некоего международного многопрофильного научно-исследовательского центра, занимающегося десятью – тридцатью особо важными научными проблемами из разных областей науки, имеющими большое практическое или теоретическое значение. Не мне судить, хорош ли этот проект с точки зрения организации науки, нет ли во всем этом элемента рекламы или политиканства. Аналогия, которая мне приходит на ум, – это Сибирское отделение АН, организованное М. А. Лаврентьевым. Элемент рекламы там несомненно был, но в целом затея, кажется, себя оправдала (впрочем, тоже не мне судить). Среди проектов Зикики была работа по МТР – именно поэтому меня пригласили. В кабинете Велихова сидели Зикики, академик Кадомцев (один из руководителей работ по МТР, физик-теоретик) и переводчик. Кадомцев кратко, но содержательно рассказал о достижениях последних лет по управляемой термоядерной реакции и о существующих проектах; это было мне крайне интересно – ведь я с конца 60-х годов совершенно не следил за этими делами. Оказывается, имеется возможность создавать в «бублике»

постоянный циркулярный ток с помощью соответствующим образом организованного высокочастотного поля, правда пока только при относительно низкой плотности плазмы (удачные эксперименты проведены в Японии). Существуют также способы непрерывной смены термоядерного горючего. Таким образом, «Токамак», по-видимому, избавляется от основного своего принципиального недостатка – импульсного режима работы.

Потом Зикики рассказал о своих проектах и обсуждал их с Велиховым. Я задавал вопросы, в основном воздерживаясь от высказывания своего мнения. В конце разговора я предложил Зикики посетить нас дома.

Велихов после встречи (которая происходила в Президиуме АН) подвез меня на своей машине, при этом впервые с ним возник разговор о предстоящем Форуме. Я в двух словах сказал о своем отрицательном отношении к принципу «пакета». Велихов заметил, что у него другая точка зрения, и предложил мне присутствовать на обсуждениях по вопросам разоружения, которые проводятся в узком составе с участием Сагдеева, Гольданского и Раушенбаха.

Вечером к нам домой приехал Зикики с женой, неожиданно для нас с ним в качестве сопровождающего был Велихов (очевидно, он не мог пустить Зикики к нам одного). Все прошли на кухню, за столом возник оживленный общий разговор. Велихов как «настоящий мужчина» откупорил бутылку вина, вообще вел себя непринужденно и почти по-свойски и в то же время тактично и даже, как мне показалось, с некоторым пиететом. Все это было довольно занятно, особенно если вспомнить, что еще не так давно Велихов, так же как другие академические начальники, не лез за словом в карман, рассказывая всякие небылицы о моем полном благополучии, в том числе во время голодовок. В разговоре с одним из наших иностранных друзей (очевидно, Велихов не знал о наших отношениях) он установил некий рекорд в этом жанре, сославшись на сведения, якобы полученные им от моей первой жены, живущей с ним в одном доме. (Клава умерла в 1969 году. Велихов живет в коттедже на одну семью.)

Через неделю секретарша оргкомитета Форума пригласила меня на совещание. Оно происходило в Институте космических исследований под руководством Велихова и Сагдеева (директора ИКИ). В небольшой комнате собралось человек 20–25. Велихов рассказал о программе Форума, большую часть остального времени я задавал вопросы, на которые отвечали присутствующие. У меня создалось впечатление, что все совещание было созвано ради меня. Информация, которую я получил, была очень полезной для подготовки выступлений на

Форуме, для большей уверенности.

По окончании Сагдеев пригласил меня посмотреть научно-документальный фильм о комете Галлея и эксперименте Вега, очень эффектный.

Через 10–12 дней состоялось второе совещание, на этот раз в Президиуме Академии, носившее, в основном, организационный характер. После совещания Велихов попросил меня остаться, так как со мной «хочет поговорить Гурий Иванович» (Марчук). Минут сорок мы ждали его приезда в кабинете Велихова. На стенах висели шутливые рисунки, видимо подаренные хозяину к какому-то юбилею, а на полках шкафов стояли всевозможные справочники и сувениры. Велихов рассказывал о своей работе в энергетической комиссии, о трудностях и бессмыслице, которые возникают из-за отсутствия разумных экономических регуляторов хозяйственной жизни. Наконец, секретарша позвонила о приезде президента, и мы поднялись к нему. Велихов кратко рассказал о предстоящем Форуме. Марчук спросил, собираюсь ли я выступить на Форуме, и если да, то он просит меня очертить контуры моей позиции. Гурий Иванович, так же как во время нашего декабрьского разговора, добавил, что я имею большой авторитет во всем мире и поэтому моя поддержка мирных усилий СССР очень важна. В какой-то форме Марчук дал понять, что речь идет о внешней и внутренней политике «Михаила Сергеевича, которому очень трудно». Я сказал, что собираюсь выступить, и очень кратко описал свою позицию, особенно подчеркнув необходимость не обуславливать соглашение о сокращении стратегических ядерных ракет соглашением по СОИ (отказ от принципа «пакета»). Этот тезис вызвал резкие возражения Велихова, с которым солидаризировался Марчук. Я сказал, что убежден в своей правоте и мое участие в Форуме имеет смысл только потому, что мое представление о том, что надо делать ради мира и разоружения, отличается от официозного. Это обсуждение также было полезно для меня, помогло ясней понять аргументы сторонников «пакета» и четче сформулировать свои.

За неделю до Форума у нас возникла идея (к сожалению, с опозданием), что полезным был бы приезд Ремы в качестве помощника и переводчика в беседах с иностранными учеными – подобно тому, как Алеша помогал в общении с президентами университетов. Но осуществить это мы не смогли, не успели – Рему не пустили.

Перед Форумом я встретился с делегацией Федерации американских ученых, возглавлявшейся докторами Джереми Стоуном и фон Хиппелем (они приехали к нам домой сразу же по приезде). Хиппель и Стоун рассказали о позиции ФАС, Хиппель

показал тезисы своего доклада.

Первые заседания Форума происходили по секциям (ученые, бизнесмены, религиозные деятели, деятели культуры, политологи и политики, может еще кто-то), затем было общее заседание в Кремле с участием и речью Горбачева и заключительный банкет. Секцию ученых возглавлял председатель ФАС фон Хиппель, а фактически – тот же Велихов. Заседания «ученой» секции происходили в гостинице «Космос».

Я оказался «главной приманкой» для многих западных участников – меня непрерывно «атаковали» и в кулуарах, и дома, во время и после Форума. После Форума я сочинил стишок, начинавшийся так: «Хоть и кончился Форум, в дверь все так же бум-бум-бум».

Но и для меня самого участие в Форуме было важным, так как оно представляло собой первое публичное появление после многих лет изоляции, давало возможность изложить позицию перед широкой аудиторией.

В секции ученых было четыре заседания по темам: сокращение стратегических ядерных арсеналов, европейская безопасность, проблемы ПРО, запрещение подземных ядерных испытаний.

Я выступал на первом, третьем и четвертом заседаниях.

Первое выступление я начал с общих вопросов. Приведу большую цитату:

«Как гражданин СССР я в особенности обращаюсь со своими призывами к руководству нашей страны, наряду с другими великими державами несущей особую ответственность за положение в мире.

Международная безопасность и реальное разоружение невозможны без большего доверия между странами Запада и СССР, другими социалистическими странами.

Необходимы разрешение региональных конфликтов на основе компромисса, восстановление стабильности всюду в мире, где она нарушена, прекращение поддержки дестабилизирующих и экстремистских сил, всех террористических группировок; не должно быть попыток расширения зоны влияния одной стороны за счет другой; необходима совместная работа всех стран для решения экономических, социальных и экологических проблем. Необходимы большая открытость и демократизация нашего общества – свобода распространения и получения информации, безусловное и полное освобождение узников совести, реальная свобода выбора страны проживания и поездок, свобода выбора места проживания внутри страны, реальный контроль граждан над формированием внутренней и внешней политики.

Несмотря на происходящие в стране прогрессивные процессы демократизации и расширения гласности, положение остается противоречивым и неопределенным, а в чем-то наблюдается попятное движение (например, в законодательстве о свободе эмиграции и поездок).

Без решения политических и гуманитарных проблем прогресс в области разоружения и международной безопасности будет крайне затруднен или вовсе невозможен.

Но есть и обратная зависимость – демократизация и либерализация в СССР и тесно связанный с ними экономический и социальный прогресс будут затруднены без ослабления пресса гонки вооружений. Горбачев и его сторонники, ведущие трудную борьбу против косных, догматических и своекорыстных сил, заинтересованы в разоружении, в том, чтобы гигантские материальные и интеллектуальные ресурсы не отвлекались на вооружение и перевооружение на новом технологическом уровне. Но в успехе преобразований в СССР заинтересован и Запад, весь мир. Экономически сильный, демократизированный и открытый Советский Союз явится важнейшим гарантом международной стабильности, хорошим и надежным партнером для других стран в совместном решении глобальных проблем. И наоборот. Если на Западе возобладает политика изматывания СССР при помощи гонки вооружений – ход мировых событий будет крайне мрачным. Загнанный в угол противник всегда опасен. Нет никаких шансов, что гонка вооружений может истощить советские материальные и интеллектуальные ресурсы и СССР политически и экономически развалится, – весь исторический опыт свидетельствует об обратном. Но процесс демократизации и либерализации прекратится, научно-техническая революция будет иметь одностороннюю военно-промышленную направленность, во внешней политике, как можно опасаться, получат преобладание экспансионистские тенденции, блокирование с деструктивными силами.»

Я, таким образом, не только повторил обычные свои общие тезисы, но и выступил с активной поддержкой начинаний Горбачева и его сторонников, за дальнейшее углубление его реформ, обращаясь не только к СССР, но и к Западу. Вторая часть выступления касалась конкретных вопросов сокращения стратегических вооружений. Поддерживая в принципе схему одновременного пятидесятипроцентного сокращения всех видов стратегического оружия СССР и США, я далее сказал:

««Пропорциональная» схема наиболее проста, и вполне оправдано, что продвижение началось именно с нее. Но она не оптимальна, так как не решает проблемы стратегической

стабильности.

Большая часть ракетно-термоядерного потенциала СССР – мощные шахтные ракеты с разделяющимися боеголовками. Такие ракеты уязвимы по отношению к предупредительному удару современных высокоточных ракет потенциального противника. Принципиально важно, что одна ракета противника с разделяющимися боеголовками уничтожает несколько шахтных ракет. То есть уничтожение всех шахтных ракет при примерном равенстве сторон (СССР и США) возможно с использованием противником лишь части его ракет. Стратегическое значение «первого удара» колоссально возрастает. Страна, опирающаяся в основном на шахтные ракеты, может оказаться вынужденной в критической ситуации к нанесению «первого удара». Это объективная военно-стратегическая реальность, которую не может не учитывать противоположная сторона. Я хочу подчеркнуть, что такое положение никем не планировалось при развертывании шахтных ракет в 60-х и 70-х годах. Оно возникло в результате разработки и принятия на вооружение разделяющихся боеголовок и повышения точности стрельбы. Но сегодня шахтные ракеты, вообще любые ракеты с уязвимыми стартовыми позициями, являются важнейшим фактором военно-стратегической нестабильности. Поэтому я считаю чрезвычайно важным при сокращении ракетно-стратегических вооружений принять принцип преимущественного сокращения ракет с уязвимыми стартовыми позициями, то есть тех ракет, которые принципиально являются оружием первого удара. Особенно важно преимущественное сокращение советских шахтных ракет, так как они составляют основу советских ракетно-термоядерных сил, а также американских ракет МХ. Возможно, целесообразно часть советских шахтных ракет одновременно с общим сокращением заменить на менее уязвимые ракеты эквивалентной ударной силы (ракеты с подвижным замаскированным стартом, крылатые ракеты различного базирования, ракеты на подводных лодках и т. д.). Для американских ракет МХ проблема замены, как я думаю, не стоит, так как они составляют менее существенную часть в общем балансе и их можно безболезненно уничтожить в процессе двустороннего сокращения.»

Последний конкретный вопрос в этом первом выступлении – об определении порога сокращения стратегических сил из условия сохранения стратегической стабильности. Я указал на трудности получения ответа. В частности, я подчеркнул, что этот вопрос (о предельно допустимом ущербе) нельзя решать исходя из психологии мирного времени. Ситуация, о которой идет речь, вообще не имеет прецедента. Уровень может быть близок или

равен уровню гарантированного взаимного уничтожения!

«Вернуться к этому вопросу целесообразно после осуществления пятидесятипроцентного сокращения.

Безъядерный мир – желанная цель. Он возможен только в будущем, в результате многих радикальных изменений в мире. Условиями мирного развития сейчас и в будущем являются разрешение региональных конфликтов, равновесие обычных вооружений, либерализация и демократизация, бЧльшая открытость советского общества, соблюдение гражданских и политических прав человека, компромиссное решение проблемы противоракетной обороны без объединения ее в «пакете» с другими вопросами стратегического оружия».

Я кончил формулой: «Кардинальным, окончательным решением проблемы международной безопасности является конвергенция, сближение мировых систем социализма и капитализма».

Зал долго аплодировал мне, как и некоторым другим выступавшим. Говорят, в этот (или следующий) день в зале находился Добрынин (бывший посол СССР в США, замминистра иностранных дел), он ушел сразу после моего выступления.

На другой день я говорил о СОИ. Я сказал, что в вопросе разоружения возникла тупиковая ситуация.

«Соглашения о разоружении, в частности о значительном сокращении баллистических межконтинентальных ракет, и о ракетах средней дальности и поля боя должны быть заключены как можно скорей независимо от СОИ в соответствии с линиями договоренности, наметившимися в Рейкьявике.

Компромиссное соглашение по СОИ может быть, по моему мнению, заключено во вторую очередь. Таким образом опасный тупик в переговорах был бы преодолен.

Я постараюсь проанализировать соображения, приведшие к принципу «пакета», и показать их несостоятельность. Я также попытаюсь показать несостоятельность доводов сторонников СОИ. Начну с последнего.

Я убежден, что система СОИ не эффективна для той цели, для которой она, по утверждению ее сторонников, предназначена.

Объекты ПРО, размещенные в космосе, могут быть выведены из строя еще на неядерной стадии войны и особенно в момент перехода к ядерной стадии с помощью противоспутникового оружия, космических мин и других средств. Так же будут разрушены многие ключевые объекты ПРО наземного базирования. Использование ракет, имеющих уменьшенное время прохождения активного участка, потребует непомерного увеличения числа космических станций СОИ. Системы ПРО

обладают особенно малой эффективностью в отношении крылатых ракет и ракет, запускаемых с близкого расстояния. Результативным способом преодоления любой системы ПРО, в том числе СОИ, является простое увеличение числа ложных и боевых головок, использование помех и различных способов маскировки. Все это и многое другое заставляет считать СОИ своего рода «космической линией Мажино» – дорогой и неэффективной. Противники СОИ утверждают, что СОИ, будучи неэффективной в качестве оборонительного оружия, является щитом, под прикрытием которого наносится «первый удар», т. к. может быть эффективной для отражения ослабленного удара возмездия. Мне это кажется неправильным. Во-первых, удар возмездия не обязательно будет сильно ослаблен. Во-вторых, почти все приведенные выше соображения о неэффективности СОИ относятся и к удару возмездия.

Тем не менее в настоящее время ни одна из сторон, по-видимому, не может отказаться от поисковых работ в области СОИ, поскольку нельзя исключить возможности неожиданных успехов и – что существенней и реальней – поскольку концентрация сил на новейшей технологии может принести важные побочные результаты в мирной и военной областях, например в области компьютерной науки. Я все же считаю все эти соображения и возможности второстепенными в масштабе огромной, непомерной стоимости работ по СОИ и при сопоставлении с негативным влиянием СОИ на военно-стратегическую стабильность и на переговоры о разоружении. Сторонники СОИ в США, возможно, рассчитывают с помощью усиления гонки вооружений, связанной с СОИ, экономически измотать и развалить СССР. Я уже говорил вчера, что подобная политика неэффективна и крайне опасна для международной стабильности. В случае СОИ «асимметричный» ответ (т. е. преимущественное развитие сил нападения и средств уничтожения СОИ) делает такие расчеты особенно беспочвенными. Неправильно также утверждение, что наличие программы СОИ побудило СССР к переговорам о разоружении. Программа СОИ, наоборот, затрудняет эти переговоры».

В дополнение к сказанному на Форуме особо следует подчеркнуть, что взаимное уничтожение системы ПРО с элементами космического базирования на неядерной стадии «большой» войны может спровоцировать переход войны в «глобальную термоядерную войну», уничтожение человечества.

Все то, что я говорил против СОИ как на Форуме, так и до него, усиленно цитировалось. В частности, в советской прессе, в прессе некоторых социалистических стран и в западной

коммунистической и левой печати отмечалась только эта сторона моей позиции (конечно, само по себе необычно, что я вообще был упомянут в советской прессе, причем уважительно). Но гораздо более важной с политической точки зрения, и не тривиальной, является другая сторона моей позиции – о принципе «пакета»! Тут освещение в прессе было гораздо более бледным, неточным. Мне даже пришлось несколько раз выступать со специальными «уточнениями-опровержениями». Выступая против «пакета», я опираюсь на предполагаемую мною малую эффективность СОИ, причем не только против «первого удара», но и против «удара возмездия», на огромные возможности так называемого «асимметричного ответа». Я исхожу также из того, что ни одна из сторон не может полностью отказаться от поисковых работ в области, которая, возможно (не наверное, конечно), сулит определенные достижения. Я предполагаю, что отказ СССР от принципа «пакета» создаст новую политическую и стратегическую обстановку, в которой США не будут осуществлять развертывание систем противоракетной обороны в космосе (насколько мне известно, в Рейкьявике Рейган уже соглашался на мораторий развертывания СОИ). В противном же случае, если после отказа СССР от принципа «пакета» в США возобладают противоположные тенденции и начнется развертывание СОИ, мир просто возвращается к существующему сейчас положению, но с политическим выигрышем СССР. Демонтаж стратегических ракет прекращается, в СССР развертываются большие силы ракет с неуязвимым стартом и создаются системы уничтожения и преодоления СОИ. Вряд ли США заинтересованы в таком ходе событий.

Таковы те аргументы в пользу разрыва «пакета», с которыми я выступил на Форуме, до и после него.

Через две недели после Форума СССР отказался от принципа «пакета» в отношении ракет средней дальности, затем выступил с предложением относительно ракет малой дальности и оперативно-тактических ракет. Я считаю эти шаги чрезвычайно важными и продолжаю надеяться на разрыв «пакета» также в отношении стратегического межконтинентального оружия. Такое действие СССР вместе с положительной реакцией США изменили бы лицо мира.

Сразу после моего выступления утром 15-го выступил Стоун от имени ФАС. Он поддержал идею отказа от принципа «пакета». Затем выступил Кокошин (заместитель директора Института Америки и Канады Арбатова). Он возражал против моего тезиса об особой опасности шахтных ракет, говорил, что и с ракетами на подлодках далеко не все в порядке – они тоже не вполне

неуязвимы (что, вероятно, само по себе правильно, но не меняет оценки шахтных ракет как оружия первого удара). Затем, уже по поводу принципа «пакета», с возражениями мне выступил Велихов. Он говорил, что ученые должны опасаться вторгаться в область политики. А зачем же тогда Форум? – мог бы я сказать. Я давно слышал «советы» не входить в политику – от Неделина, от Хрущева, от Славского – как раз тогда, когда я делал важный и правильный шаг. Я думаю, что и мои выступления на Форуме были правильным вторжением в политику.

Вечером 15-го я выступал еще раз – по вопросу о подземных ядерных испытаниях. Прекращение подземных ядерных испытаний я считаю относительно второстепенным делом, не имеющим решающего значения для прекращения гонки вооружений.

В этом же выступлении я сказал:

«Ядерное оружие разделяет человечество, угрожает ему. Но есть мирное использование ядерной энергии, которое должно способствовать объединению человечества. Разрешите мне сказать несколько слов по этой теме, связанной с основной целью Форума.

В эти дни в выступлениях участников много раз упоминалась катастрофа в Чернобыле, явившаяся примером трагического взаимодействия несовершенства техники и человеческих ошибок.

Нельзя тем не менее переносить на мирное использование ядерной энергии то неприятие, которое люди вправе иметь к ее военным применениям. Человечество не может обойтись без ядерной энергетики. Мы обязаны поэтому найти такое решение проблемы безопасности, которое полностью исключило бы возможность повторения чего-либо подобного Чернобыльской катастрофе в результате ошибок, нарушения инструкций, конструктивных дефектов и технических неполадок.»

Далее я изложил идею подземного размещения ядерных реакторов, закончив словами: «Я считаю, что мировая общественность, обеспокоенная возможными последствиями мирного использования ядерной энергии, должна сосредоточить свои усилия не на попытках вовсе запретить ядерную энергетику, а на требовании обеспечить ее полную безопасность».

Готовясь к Форуму, я сомневался в целесообразности включения этой темы. Меня убедила в этом Люся и, конечно, она была права! Она также настаивала на включении тезиса о необходимости мирового закона, обязывающего все государства строить новые ядерные реакторы с обеспечением их полной безопасности, т. е. под землей, и предусматривающего поэтапное закрытие всех размещенных на поверхности земли ядерных

реакторов. Я тогда не решился – зря! – и, конечно, теперь (не только в этой книге) всегда пишу и говорю о международном законе.

Сразу после окончания Форума состоялась специально для меня организованная пресс-конференция. Первоначально речь шла о пресс-конференции в МИДе, в пресс-центре. Я поставил условием, чтобы могли присутствовать моя жена и мой гость из США (Эд Клайн). Референт сказал, что это не составит проблемы. Но потом он подошел с несколько смущенным видом и сообщил, что присутствие кого-либо в МИДе, кроме делегатов Форума, исключается. На этот раз референт подошел за полчаса до пресс-конференции. Я несколько секунд подумал и согласился (в противном случае надо было устраивать пресс-конференцию в доме, что очень обременительно). Меня провели в большую комнату, где уже сидели другие участники – Хиппель, Визнер и Кокошин, ведущий – советский комментатор Познер и несколько десятков – до ста – западных корреспондентов, многие с фотоаппаратами и видеотелекамерами, со множеством микрофонов. Все сидячие места были заняты, многие стояли и сидели на полу. Хиппель и Визнер кратко рассказали о совещаниях секции ученых, я пересказал содержание своих выступлений, Кокошин выступил с теми же возражениями, что утром. Было несколько вопросов.

Через час все было кончено, и я поспешил домой, где уже собрались за праздничным столом гости: 15 февраля – день Люсиного рождения, впервые за 8 лет мы с Люсей встречали его в Москве.

16 февраля в Большом Кремлевском дворце состоялось заключительное заседание Форума. Выступали председатели всех секций, затем Горбачев. Хиппель в своем выступлении упомянул о моем участии. В опубликованном в «Известиях» тексте это место не было опущено, за исключением того, что я являюсь лауреатом Нобелевской премии Мира.

Я аплодировал некоторым местам из речи Горбачева, каждый раз в мою сторону устремлялось множество телекамер, в том числе советских. Люся, сидя дома, видела меня по телевизору.

После речи Горбачева состоялся большой банкет. У меня, как и у всех гостей, были билеты на определенный стол; у меня – в самом конце зала вместе с врачами. На столе стояли закуски и напитки (в том числе, несмотря на антиалкогольную политику, грузинское вино), участники Форума протискивались к столам и брали все, что им хочется. Меня сразу обступила большая толпа иностранных и советских участников, не отпуская ни на минуту. Я разговаривал то с одним, то с другим. Я не понял (не имел

времени сообразить), что в зале, в другом его конце (возможно, чем-то отделенном) были Горбачев и другие члены правительства. Я потом узнал это от Стоуна и его жены и Хиппеля – они сидели рядом с Горбачевым, жена Стоуна – с женой Горбачева. Если бы я знал все это вовремя, я бы попытался туда пробиться, быть может смог бы что-то сказать по волнующим меня вопросам (об узниках совести, о принципе «пакета»). Еще более существенно – мой личный контакт с Горбачевым имел бы политическое значение, а его отсутствие явилось некой победой «антигорбачевских сил». К сожалению, я тут оказался не на высоте, не сумел сориентироваться. Два эпизода могли бы открыть мне глаза, но я понял их смысл только задним числом. Еще до заседания я говорил со многими людьми, в их числе с писателем Даниилом Граниным и другими. Некто – по-видимому, представитель Интуриста (или МИДа, или КГБ) – подвел ко мне пожилого иностранца, представил меня и сказал: «Андрей Дмитриевич, с вами хочет поговорить мистер Хаммер». Я знал, конечно, имя этого американского промышленника, одного из самых богатых и удачливых бизнесменов, более 60 лет имеющего большие и выгодные экономические связи с нашей страной в сочетании с разнообразными гуманитарными, филантропическими и культурными делами. Хаммер за эти годы встречался со всеми руководителями СССР – от Ленина до Горбачева. Это был человек среднего роста, подтянутый. В начале разговора лицо его показалось мне устало-безразличным. Хаммер говорил со мной по-русски, четко и правильно произнося короткие фразы. Он сказал: «Я считаю, что очень важно, чтобы еще в этом году состоялась встреча Горбачева с Рейганом. Я буду говорить об этом с Горбачевым. У меня есть некоторые идеи, в частности относящиеся к прекращению войны в Афганистане. Я буду также говорить об этом с моим другом Зией (президентом Пакистана)». Я сказал: «У меня также есть идея по вопросу о встрече Горбачева и Рейгана. Хорошей основой для встречи мог бы явиться отказ СССР от так называемого принципа «пакета»» (я далее коротко пересказал свое выступление на Форуме). Хаммер явно заинтересовался, лицо его оживилось, в глазах появился острый, сосредоточенный блеск. Наш разговор, однако, быстро прервался, так как подошла известная балерина Майя Плисецкая и увлекла д-ра Хаммера с собой. У меня возникла мысль, что, так как Хаммер будет видеть Горбачева, он мог бы передать ему список 19 заключенных, судьба которых в особенности нас волновала. Перед самым банкетом я увидел того человека, который знакомил меня с Хаммером (на этот раз он привел кинорежиссера и актера Питера Устинова), и попросил еще раз

свести меня с Хаммером. «Хорошо, я попрошу его к вам подойти». – «Это неудобно, я сам к нему подойду. Вы только найдите мне его». Он ответил что-то неопределенное, а потом Хаммер действительно подошел ко мне, и я передал ему список узников для Горбачева (тут Хаммер, как мне показалось, не проявил особой заинтересованности). Я мог бы догадаться, что Хаммер сидит рядом с Горбачевым, а мне туда путь заказан (но не догадался). Перед уходом я хотел пройти в уборную, которая, как я знал, была за дверью в конце зала. Но, когда я туда направился, мне преградили путь двое плотно сложенных людей в хорошо сшитых костюмах: «Туда нельзя. Пройдите в уборную в другом конце». Это были, несомненно, сотрудники охраны Горбачева и членов правительства, но я опять этого не понял, во всяком случае я не понял, что Горбачев рядом. Конечно, неизвестно, мог ли я добиться, чтобы меня к нему пропустили (охранники – люди серьезные).

После Форума продолжалась та же напряженная жизнь. Среди многочисленных встреч я запомнил одного из участников Форума – американского «левого» Дэниела Элсберга, в прошлом эксперта Пентагона по планированию операций, получившего известность тем, что он в свое время передал прессе документы о подготовке американскими службами так называемого тонкинского инцидента (якобы имевшего место нападения вьетнамских катеров на американский флот). Разговор с Элсбергом был вполне содержательным – он рассказал много конкретно важного. Сам Элсберг произвел на меня впечатление человека искреннего, умного и эрудированного, страстного и эмоционального, быть может даже не всегда уравновешенного. Конечно, наши позиции сильно отличаются, но все же не настолько, как это можно было предполагать. Другая встреча с западными «левыми» – с «зелеными» из ФРГ Петрой Келли и Бастианом, генералом в отставке.

В марте и мае состоялись встречи с премьерами Великобритании и Франции, Тэтчер и Шираком, посетившими СССР с официальными визитами.

Люся уже встречалась с г-жой Тэтчер и с г-ми Миттераном и Шираком в мае 1986 года. Возможно, эти встречи сыграли, наряду с другими факторами, какую-то роль в нашем освобождении.

К Маргарет Тэтчер Люся и я были приглашены на ленч в посольство Великобритании. За столом, кроме нее и нас, были посол с женой – формально именно они устраивали ленч, министр иностранных дел Д. Хау и переводчица. Я говорил на свои обычные темы – об узниках совести (тут особую

заинтересованность и осведомленность проявил сэр Джеффри Хау) и о разоружении, подчеркнув необходимость использовать возможности, возникшие в связи с отказом СССР от «пакета» в отношении ракет средней дальности. Я, так же как до этого на Форуме, говорил о важности для всего мира, в том числе для Запада, поддержки политики перестройки в СССР, с сохранением позиции по вопросу прав человека. В ходе беседы за столом Джеффри Хау вспомнил, как он несколько лет назад (может, два года назад) говорил с Громыко о «проблеме Сахарова», и тот «пошутил»: «Вы знаете, я не люблю сахар, никогда его не употребляю». Видно было, что эта шутка потрясла Хау настолько, что он даже через несколько лет вспоминал о ней с недоумением.

С господином Шираком я виделся на приеме в Академии наук. Ширак беседовал минут двадцать с президентом АН Марчуком с глазу на глаз в его кабинете. Затем Ширак произнес речь перед собравшимися в зале приглашенными академиками. Это была хорошая речь, но я боюсь, что многие присутствующие ничего не поняли, т. к. не было перевода (мне дали русский текст). До своего выступления, выйдя от Марчука, Ширак около десяти минут разговаривал со мной. Вокруг толпились корреспонденты с микрофонами и кинокамерами, так что каждое слово попало в прессу. Ширак вспомнил, присовокупив комплименты, о встрече с Люсей в Париже, я передал наилучшие пожелания от нее, говорил об узниках лагеря особого режима и 190-й статьи1, особо о деле Евсюковых. В последующем интервью французским корреспондентам я много говорил об Афганистане, впервые говорил о бомбардировках советской авиацией госпиталей, развернутых французскими и немецкими врачами-добровольцами.

В начале апреля я послал письмо на имя Э. Шеварднадзе с просьбой способствовать освобождению Мераба Коставы. Через несколько недель Мераб был освобожден. В мае мне позвонил секретарь канцелярии МИДа Иванов. Он сказал: «Вы посылали письмо на имя министра иностранных дел по вопросу об осужденном Коставе. Я могу информировать вас, что Костава помилован и в настоящее время находится на свободе». Я спросил: «Сыграло ли в этом роль мое письмо?» Иванов: «Я ничего об этом не могу вам сказать». На самом деле я уверен, что сам факт этого звонка является косвенным подтверждением того, что освобождение Мераба в какой-то степени связано с моим письмом.

В мае важным событием для меня был международный семинар в Москве по проблемам квантовой гравитации. Я вновь (впервые после памятной встречи в Тбилиси в 1968 году) увидел

Джона Уилера, познакомился с Дезером. Оба они были у нас дома. Люся в прошлом году встречалась с Дезером в Бостоне, с Уилером же она до сих пор не была знакома. Мне кажется, что наша встреча была не пустой, запоминающейся и теплой – благодаря Люсе и, конечно, благодаря нашим замечательным гостям. Мы говорили и об общественных, и о научных проблемах. Среди первых, как обычно, о СОИ. Уилера глубоко волнуют принципиальные проблемы интерпретации квантовой механики и вообще философские, эпистемологические проблемы, приобретшие такую остроту благодаря революционному развитию физики и космологии в двадцатом веке. Я, вероятно, не всегда его понимал и не во всем был с ним согласен. Но общее вдохновляющее впечатление от его необыкновенно яркой научной индивидуальности, от его личности вообще – очень сильное. Уилер сказал, что собирает книги и статьи об интерпретации квантовой механики. Оказалось, что он не знает лекций Л. И. Мандельштама о косвенных измерениях. По моей просьбе Е. Л. Фейнберг выслал ему их.

Я также встретился со Стивеном Хоукингом. Я знал его работы, в том числе о квантовом излучении черных дыр (знаменитое хоукингское излучение), о его болезни, о действиях в мою защиту. Сейчас, мне кажется, между нами возникла какая-то внутренняя связь, что-то более глубокое, чем просто беглое знакомство и обмен научными сентенциями...

Я не знаю медицинской квалификации болезни Хоукинга, но вижу ее ужасные проявления – сильнейшую миопатию, приковавшую его к креслу-каталке, лишившую речи. Общение Стивена с другими людьми осуществляется с помощью компьютерного устройства. Перед его глазами на дисплее бегут строчки словарика, и он еле заметным нажатием бессильных пальцев переводит нужные ему слова на экран, набирая фразу. Затем механический голос произносит эту фразу вслух (как «говорит» Стивен, с «американским акцентом», т. к. машину делали в США). Только несколько слов, в том числе «Да» («Йес»), Стивен может сказать сразу, без набора. Так он участвует в научных дискуссиях, общается с друзьями и близкими, пишет одну за другой свои статьи, содержащие глубокие и оригинальные идеи. Стивен женат, у него есть дети. Сила духа этого человека поразительна, он сохранил дружелюбие к людям, чувство юмора и неистощимую любознательность, огромную научную активность. Хоукинг ездит по всему миру, участвуя в многочисленных научных семинарах. Я несколько раз разговаривал с Хоукингом, когда он с помощью своего механического кресла выезжал из зала заседаний, и один раз

присутствовал при общей беседе его с 10–15 участниками семинара – это было нечто вроде пресс-конференции по основным вопросам интерпретации квантовой механики и в особенности – введенной Хоукингом (вместе с Хартли) «волновой функции Вселенной». Во время первого разговора Хоукинг дал мне оттиски своих последних работ – о потере когерентности в сложных топологических структурах, о направлении стрелы времени и др. Первую работу он докладывал на семинаре и сказал, перефразируя Эйнштейна: «Бог не только играет в кости, но и забрасывает их так далеко, что они становятся недоступными». На другой день я сказал Стивену, что прочитал его лекцию о стреле времени и очень рад, что он теперь признал справедливость критики Пейджа (его сотрудника) по поводу ошибочного предположения о повороте стрелы времени в момент максимального расширения Вселенной и максимальной энтропии. Поворот стрелы времени возможен лишь в состоянии минимальной энтропии. Я не привел по робости самого простого и ясного примера – замкнутой Вселенной в состоянии ложного вакуума с положительной энергией и равной нулю энтропией. В этот момент Хоукинг сделал движение пальцами, и компьютер произнес бесстрастно: «Йес!». Я, к сожалению, не сказал, что впервые высказал идею о повороте стрелы времени (в состоянии минимальной энтропии) еще в 1966 году и несколько раз возвращался к этой теме.

Во время разговора рядом стоял неизвестный мне человек. Потом он подошел ко мне и сказал: «Я – Пейдж». Он открыл на заложенном месте Библию на английском языке. Это было Евангелие от Матфея. Пейдж, видимо, предлагал мне Библию в подарок. Я постеснялся, не решился взять – тем более, что я все же плохо читаю по-английски, а на русском Библия у нас есть, и мы знаем ее... Я все время вспоминаю лицо Хоукинга, его глаза.

В конце июня во французском посольстве состоялась церемония вручения мне дипломов Академии наук Франции и Академии моральных и политических наук и медали Института Франции. Французские ученые много лет добивались проведения этой церемонии, но она могла состояться лишь после нашего возвращения в Москву. Однако и на этот раз их несколько обвели вокруг пальца. Ширак, беседуя с Марчуком во время своего визита в СССР, просил его содействовать проведению церемонии либо во Франции, либо, если это затруднительно, в Москве. Марчук, естественно, «выбрал» второе. Управление внешних сношений Академии (УВС) санкционировало проведение во французском посольстве церемонии вручения медали и дипломов мне и замечательному математику В. И. Арнольду, тоже

избранному в Академию наук Франции (Владимир Арнольд – сын моего университетского профессора математики Игоря Владимировича Арнольда).

На церемонию были приглашены Марчук и советские ученые, ранее избранные в Академию наук Франции. Одно-временно представители УВС устно санкционировали проведение в ФИАНе научного семинара в честь Арнольда и меня, в соответствии с договоренностью Марчука и Ширака, с приглашением советских и иностранных докладчиков. Но в последний момент Марчук известил французское посольство, что проведение научного семинара невозможно, так как это создаст «нежелательный прецедент» (?!). Два члена французской делегации, физики доктор Мишель и доктор Мартэн в знак протеста против этого некорректного действия советской Академии и тех, кто стоял за ее спиной, решили отказаться от приезда в СССР и участия в церемонии. Остальные французские ученые решили все же провести долго откладывавшуюся церемонию без семинара. Среди приехавших членов делегации были известные математики А. Картан (с женой) и Л. Шварц.

Церемония состоялась 29 июня. После вручения дипломов и медалей Арнольд и я выступили с ответными словами.

Я, в частности, повторил тезис об ответственности ученых в современном мире – в проблемах мира, обеспечения необходимого человечеству прогресса и безопасности использования его достижений, в создании атмосферы доверия и открытости общества, в защите людей, ставших жертвой несправедливости.

Говоря о безопасности прогресса, я упомянул идеи подземного размещения ядерных реакторов и необходимость соответствующего международного закона.

Я поблагодарил всех тех, кто принимал участие в нашей судьбе во время горьковской депортации и изоляции и способствовал освобождению. Подчеркнул большое значение приезда в Москву докторов Мишеля и Пекера во время нашей голодовки 1981 года.

В моем выступлении содержались серьезные упреки в адрес Академии наук СССР и ее членов. В отличие от большинства зарубежных академий АН СССР не выступила против моей депортации в 1980 году. Четыре ее члена, в том числе ученый секретарь (т. е. Скрябин), опубликовали направленную против меня провокационную и клеветническую статью. Я высказал надежду, что когда-нибудь они дезавуируют ее. Я также осудил отказ Академии способствовать проведению научного семинара.

Я думаю, что отказ в проведении семинара произошел по

требованию КГБ (слишком было бы много чести для меня!). Перед церемонией мы видели около машины гебиста – через несколько минут одна из щеток оказалась украденной. Вечером, после церемонии и моего выступления, затронувшего, в числе прочего, Академию, «неизвестные лица» (безусловно КГБ) разбили на машине заднее стекло. ГБ явно давало мне понять, что я должен держаться в определенных рамках, и «защищало» Академию, персонально Скрябина.

Более неприятное, зловещее напоминание о неоднозначности нашего положения имело место за несколько дней до этого. Позвонил некто Мухамедьяров (неизвестный нам лично человек, сидевший, кажется, в 70-е годы в тюрьме и психушке и по слухам ведший какие-то малопонятные игры с КГБ). Я взял трубку. Мухамедьяров сказал: «Я говорил вчера с вашей женой. Она сказала, что обо всем можно говорить по телефону. Я бы предпочел встретиться лично, но раз вы не хотите, скажу по телефону, не называя фамилий. Мне пришлось в последнее время иметь контакты со многими работниками КГБ, в том числе с весьма ответственными. Они рассказали, что в конце 1981 – начале 1982 года было принято решение о ликвидации Елены Георгиевны (т. е. об убийстве), это решение не было утверждено на самом высоком уровне (видимо, в Политбюро. – А.С.)». Даты Мухамедьяров назвал после моего вопроса, несколько неуверенно. Я сказал, что в случае убийства Елены Георгиевны я также убью себя. Я спросил: «Кто сказал вам все это?» – «Один работник КГБ, генерал, занимается вопросами...» (я забыл, какими именно, но не имеющими отношения к нам, кажется Мухамедьяров сказал, вопросами культуры).

Звонок Мухамедьярова несомненно был инспирирован КГБ как напоминание и угроза. Что за этим последует – не знаю, скорей всего – ничего. По существу сообщения Мухамедьярова я думаю, что, возможно, на каком-то уровне КГБ на каких-то этапах действительно рассматривал план физического устранения (убийства) Люси. Как это часто бывает, те, кто распространяет клевету, начинают сами в нее верить. Поэтому в КГБ мог внедриться «яковлевский» стереотип Люсиного образа и наших отношений – властной, честолюбивой и корыстной женщины, манипулирующей безвольным, далеким от жизни «тихим старичком», в прошлом гениальным ученым, ныне склеротиком. Мы имели множество доказательств ненависти КГБ к Люсе. Вот один из эпизодов, постоянно стоящий у меня перед глазами. Однажды, когда я находился в больнице, Люся поехала за хлебом и еще чем-то в магазин (известный под названием «Стекляшка»). Выходя из машины, она поскользнулась на глинистых буграх и,

упав, больно ушиблась (потом оказалось, что она сломала себе копчик). Люся несколько минут не могла подняться и лежала на земле. Ее обступили гебисты из двух сопровождающих машин, они злорадствовали и деланно хохотали. Никто из них не сделал даже малейшей попытки помочь упавшей женщине.

Убийство Люси кому-то могло показаться способом решения «проблемы Сахарова». Очевидно, этот план, если он существовал, не был принят в простейшем варианте. Но многое из того, что я рассказывал в «Воспоминаниях», слишком сильно к нему приближается. После инфаркта могли возникнуть надежды, что все разрешится само собой, конечно при этом надо было не допускать к Люсе врачей и, тем более, не разрешать поездки за рубеж. Именно такова была принятая по отношению к ней тактика. Вероятно, не случайно милицейский пост у дверей московской квартиры, отпугивавший врачей, был установлен сразу после того, как в поликлинике Академии у нее диагностировали инфаркт. Более мелкая, но характерная деталь. В 1983 году, когда Люся ехала в Москву и ей было особенно плохо, я заказал для нее через медпункт кресло-каталку. Ее должны были встретить с ней в Москве на вокзале. Но «кто-то» отменил этот заказ.

Попыткой морального убийства Люси были «желтые пакеты», писания Яковлева, опубликованные в 1983 году в 11 млн. экземпляров, другие клеветнические публикации. Они, к сожалению, часто попадали на благоприятную психологическую почву. Людям свойственно искать слабые стороны у тех, кто находится слишком на виду («тысячи биноклей на оси!»). Многие считали Люсю инициатором голодовок, многие не верили, что из зарубежной поездки она вернется к мужу и в ссылку. И сейчас те, кто не одобряет ту или иную сторону моих выступлений (позицию по отношению к узникам совести, участие в Форуме, отношение к «перестройке» и Горбачеву, осуждение СОИ или, наоборот, принципа «пакета»), – склонны видеть в этом пагубное влияние Люси. Только вчера (написано в июле 1987 г.) один из рефьюзников говорил Люсе, что она обладает неограниченным влиянием на меня, советуя при этом мне более «политично» высказываться по проблеме СОИ, чтобы не растерять поддержку (как он сказал, бывшие мои друзья говорят: Сахаров – уже не Сахаров). На самом деле Люсино влияние огромно, но не безгранично, и лежит оно совсем в другой плоскости, чем СОИ, разоружение и т. п. – касается человеческих отношений в первую очередь. И основано оно не на ее давлении на меня, а на взаимной любви в нашей счастливой, несмотря на все испытания, жизни.

Еще одна линия событий последнего времени. В конце мая 1987 г. ко мне пришли крымские татары. Около месяца держал голодовку их соотечественник Умеров. Требование – прием Горбачевым делегации крымских татар для решения их национального вопроса. Я послал телеграмму Горбачеву, в которой обращал его внимание на сложившееся трагическое положение, и другую телеграмму – Умерову – с просьбой о прекращении голодовки. Получив мою телеграмму, Умеров снял голодовку. 7 июля ко мне пришел инструктор Ждановского (по месту жительства) райкома партии Резников и сообщил, что ему поручено передать мне следующее: «Несколько дней назад делегация крымских татар была принята товарищем Демичевым, который заверил их, что Советское правительство рассмотрит вопрос о восстановлении автономии крымских татар». Хотел бы надеяться, что это сообщение действительно знаменует поворот в судьбе крымских татар.

В феврале – мае 1987 г. Люся и, в меньшей степени, я были вынуждены уделять много сил и внимания переезду из Горького: разбору тысяч – без преувеличения – препринтов, книг, журналов, писем, упаковке вещей, ремонту двух квартир. Мне через Академию, явно по указанию высоких инстанций, дали квартиру! Вместе с квартирой Руфи Григорьевны, в которой также прописана Люся (а я до сих пор – с 1971 года – был «захребетником»), у нас две двухкомнатные квартиры на одной лестнице. Если бы у нас была такая благодать 10 – 12 лет назад! Как писал Межиров, «все приходит слишком поздно»...

6 июня из США приехала Руфь Григорьевна, ее сопровождала Таня с Мотей и Аней. У Тани с детьми была виза на месяц, фактически они уехали 2 июля. Это были дни, полные волнующих, сильных впечатлений для нее и детей. А для нас – дни большой радости общения с ними, детских голосов в нашей «двойной» квартире.

Полгода мы жили втроем. У нас за эти месяцы успел установиться некий уклад жизни, одним из центров которого была Руфь Григорьевна. Мы с Люсей надеялись, что она проживет с нами еще какое-то время, по крайней мере несколько лет. Судьба распорядилась иначе.

Вечером 24 декабря Руфь Григорьевна ужинала вместе со всеми на кухне, принимала живое участие в общем разговоре о перипетиях академических выборов. Казалось, что она спокойно провела ночь. Но утром Люсе не удалось ее разбудить... Поздно вечером Руфь Григорьевна умерла на руках Люси и Зори (ее племянницы). В течение дня на ее лице несколько раз мелькнуло что-то вроде улыбки, в последний момент она приоткрыла глаза и

вновь их закрыла...

Мне кажется, что жизнь Руфи Григорьевны, несмотря на всю ее трагичность, можно назвать счастливой. Она прожила ее с огромным достоинством, неизменно находя способы быть полезной близким и дальним, умея видеть хорошее в окружающих и красоту в мире. Ей повезло с дочерью и другими близкими ей людьми. Суждения ее были ясными и меткими. Ее уважали все, кто с ней встречался, и очень многие любили. Что касается меня, то я чувствовал в Руфи Григорьевне очень близкого человека еще с момента наших первых встреч осенью 1971 года.

Люся всегда была очень близка со своими детьми, вынужденная разлука с ними – огромная беда ее и их жизни. Та непереносимая нагрузка, которая легла на детей во время «горьковского семилетия», не прошла для них даром. Об Алеше я уже писал. У Ремы возник большой перерыв в профессиональной работе, это, конечно, создает большие трудности.

Еще трудней, трагичней с моими детьми от первого брака, особенно – с младшим сыном Дмитрием. Из-за противодействия сестер я не мог жить с ним в годы его отрочества и юности. Сестры тоже не уделяли ему достаточно внимания. Получилось так, что он не «удержался» ни на физфаке, где он дошел до середины второго курса, ни в медвузе – там он числился только один семестр. Он не удерживался долго также ни на одной работе. Как сложится его жизнь, жизнь его сына (Дима в эти годы женился, потом развелся)? Эти вопросы – самые трудные, самые мучительные для меня, для нас с Люсей.

Что еще я думаю, на что надеюсь в нашей жизни в будущем?

Конечно, есть мечта о науке. Может, она не осуществится – слишком многое упущено за годы работы над оружием, потом – общественных дел, горьковской изоляции. Ведь наука требует безраздельности, а это все было отвлечением от нее. И все же присутствие при великих свершениях в физике высоких энергий и космологии – это уже само по себе глубочайшее переживание, ради которого стоило родиться на свет (тем более, что в жизни есть и многое другое, общее для всех людей).

Возможно, я буду также принимать участие (пусть даже, в каком-то смысле, формальное) в тех делах, где играет роль мое имя, – в проблемах управляемого термоядерного синтеза, подземного размещения ядерных реакторов, управления моментом землетрясений.

Похоже, что мы – я и Люся – не сможем полностью отойти от общественных дел, даже если получат разрешение проблемы узников совести и свободы выбора страны проживания – а пока

им не видно скорого конца. Жизнь всегда что-то преподносит и требует внутренней гибкости (и одновременно – принципиальности).

Мои главные мысли по вопросам разоружения и мира отражены в выступлениях на Форуме и в других выступлениях первой половины 1987 г. Я продолжал их развивать и в дальнейшем. В 1987–1988 гг. я дополнил свою позицию принципиально важным тезисом. В настоящее время численность армии СССР значительно превосходит численность армий всех других государств. Исключительно важным было бы одностороннее сокращение срока службы в армии (ориентировочно – в два раза) с одновременным сокращением всех вооружений (но с сохранением в основном офицерского корпуса). Сокращение срока службы является эффективным и реальным сейчас способом уменьшения численности армии. Я убежден, что такой шаг будет иметь очень большое значение для улучшения всей политической обстановки в мире, для создания атмосферы доверия. Он создаст предпосылки для полной ликвидации ядерного оружия. Очень велико также будет социальное и экономическое значение этого шага.

В предисловии к выступлениям на Форуме, опубликованным в «Тайм», я писал:

«Мои взгляды сформировались в годы участия в работе над ядерным оружием, в активных действиях против испытаний этого оружия в атмосфере, воде и космосе, в общественной и публицистической деятельности, в участии в правозащитном движении и в горьковской изоляции. Основы позиции отражены в статье 1968 года «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», но изменяющаяся жизнь требовала ответных изменений, конкретного ее воплощения. В особенности это относится к последним переменам во внутренней жизни и внешней политике СССР. Главными и постоянными составляющими моей позиции являются – мысль о неразрывной связи сохранения мира с открытостью общества, с соблюдением прав человека так, как они сформулированы во Всеобщей декларации прав человека ООН, и убеждение, что только конвергенция социалистической и капиталистической систем – кардинальное, окончательное решение проблемы мира и сохранения человечества».

Глава 3
Новые обстоятельства, новые люди, новые обязательства

Продолжаю после двухлетнего перерыва. Постараюсь описать некоторые недавние события, не вошедшие в предыдущие главы, в том числе мое участие в значительнейшем событии последних лет – Съезде народных депутатов СССР.

Это было время больших изменений в общественном сознании во всей стране, во всех ее слоях. Я тоже на многое смотрю несколько иначе, чем два года назад, даже чем полгода назад.

В июле – августе 1987 года мы (Люся, Руфь Григорьевна и я) провели месяц в Эстонии, в местечке Отепя. Галя Евтушенко имеет там дом и живет каждое лето, часть весны и осень. Она подыскала нам очень удобное жилье – две небольшие комнаты с кухней (в которой был баллонный газ). Вторая половина дома сдавалась другой семье, и еще одна дачница жила в сарайчике. Сами хозяева имели другой дом в нескольких кварталах от нас и еще ферму за городом, где жили родственники хозяйки. Я пишу обо всех этих подробностях, так как уже в них – образ жизни, который сильно отличается от того, с чем обычно встречаешься, скажем, в Подмосковье.

Я впервые был в Прибалтике, если не считать двух кратковременных приездов в Таллин на конференцию и в Вильнюс на суд Ковалева.

Южная часть Эстонии с ее многочисленными озерами и покрытыми лесом холмами очень красива. Мы собирали грибы и ягоды, Люся купалась в озерах и каждый день возила Руфь Григорьевну по окрестным местам. Это лето оказалось последним в жизни Руфи Григорьевны.

Но есть какое-то удовлетворение в том, что нам удалось провести его именно так – на природе, свободно и счастливо. И главное – вместе. Еще год назад это было бы невозможно.

В Эстонии нас поразил высокий – в особенности в сравнении с Европейской Россией – уровень жизни, организованности и хозяйственной активности. Мы приехали из Москвы на нашей новой машине. Уже само состояние дорог после разбитых, годами не ремонтированных дорог в соседней Псковщине производило потрясающее впечатление. Мы видели аккуратные домики-фермы, разбросанные на больших расстояниях друг от друга,

крестьян, заготавливающих с помощью своей косилки корм для своих коров (их несколько на каждой ферме) и обрабатывающих поле с помощью своего трактора. На обочине дорог под небольшим навесом выставлены фляги со свежим молоком, специальные машины забирают их и доставляют на молокозавод.

В Эстонии нам часто приходилось слышать: мы больше и лучше работаем – поэтому лучше живем. Это, конечно, только малая часть правды, лежащая на поверхности. Более глубокая и истинная причина – та, что социализм прошелся по этой земле своим катком поздней и с гораздо меньшей силой и последовательностью, имея для своей разрушительной работы меньше времени. В республиках, входивших в состав СССР с самого начала, гораздо глубже осуществился трагический процесс уничтожения, в том числе чисто физического, активных слоев крестьянства. Одновременно сильней произошло размежевание общества с выделением партийно-государственных бюрократических, паразитических по их сути, структур. Не случайно в этих «старых» республиках так медленно развиваются арендные, кооперативные и тем более частные формы хозяйства при почти не скрываемом противодействии местных партийных и государственных органов.

Сейчас именно Прибалтика дает всей стране пример общенародного движения за истинную, а не показную перестройку, за радикальное решение национальных проблем (идеи республиканского хозрасчета и Союзного договора).

Летом 87-го года в советской прессе впервые после 60-х годов в журнале «Театр» было опубликовано интервью со мной о постановке пьесы по повести Булгакова «Собачье сердце». Эта более или менее случайная для меня публикация привлекла большое внимание. К сожалению, я, хотя и видел корректуру, не настоял на устранении некоторых неудачных мест. Получилось, что я выражаю опасения, что в космос полетят люди с собачьими (погаными) сердцами. Такой банальной красивости я не говорил. На самом деле, можно было опасаться, что у власти встанут люди с нечеловеческими сердцами; реально же я сказал, что в театральной постановке чувствуется приближение 37-го года – чего Булгаков не мог предвидеть. Из произведений Булгакова я особенно люблю «Белую гвардию» («Дни Турбиных»), не мыслю советской литературы без «Мастера и Маргариты». Многие другие произведения, в том числе «Собачье сердце», нравятся мне гораздо меньше.

Осенью 87-го года в «Московских новостях» было опубликовано второе мое интервью – о телевизионном фильме «Риск». Кажется, мне удалось там сказать что-то важное. Затем

последовало интервью для тех же «Московских новостей», но уже общественно-политического характера. В нем я впервые упомянул о необходимости и возможности сокращения в 2 раза срока службы в армии. Эта идея была поддержана в многочисленных письмах в редакцию МН. Но в декабре 1987 г. моя статья для газеты «Аргументы и факты» (тоже в форме интервью), где я более развернуто пишу о проблемах разоружения, не была напечатана1.

В октябре 1987 года мы с Люсей опять оказались в Прибалтике, а именно в Вильнюсе, на узкой встрече ученых США (во главе с Пановским) и ученых из советской группы по проблемам разоружения во главе с Сагдеевым, которая была организована при Институте космических исследований. На этой встрече Пановский отстаивал идею о необходимости открытого проведения всех работ в области новейшей техники, которые по своим параметрам могут быть использованы для создания новых типов оружия (например, разработка лазеров с высокими характеристиками). При этом Пановский подчеркивал необходимость научного анализа для определения этих параметров.

В конце 1987 года я сделал два шага, противоречащих моему обычному принципу действовать индивидуально и не принимать на себя каких-либо административных обязанностей. Я потом сожалел об этих шагах.

Речь идет, во-первых, о моем согласии принять на себя обязанности председателя комиссии при Президиуме АН СССР по космомикрофизике. Реальные организаторы этой комиссии М. Ю. Хлопов и А. Д. Линде уверяли меня, что мои обязанности будут почетными, чисто формальными и не потребуют каких-либо усилий. Все, конечно, оказалось совсем не так. Все же что-то интересное, возможно, в этой деятельности будет – в частности, поддержка важных проектов, таких, например, как создание международной космической обсерватории и создание радиоинтерферометра с космической базой. Какое-то приближение к научной работе (что давно стало для меня недосягаемой мечтой) при этом, быть может, произойдет. Космомикрофизика – новая наука, возникшая на стыке ранней космологии и физики элементарных частиц; я писал в предыдущей книге об этом направлении, в возникновении которого я сыграл некоторую роль своей работой о барионной асимметрии Вселенной.

Более печальная история произошла с так называемым Международным фондом за выживание и развитие человечества. Организация Фонда – изобретение Велихова и, возможно, его

сотрудника Рустема Хаирова. Велихов еще в дни Московского Форума (о котором я писал в главе 2) привлек к этому проекту Джерома Визнера, еще кого-то из иностранцев; состоялось несколько организационных совещаний в США и в Москве. Я узнал о проекте лишь в конце 1987 года от Визнера, приехавшего к нам домой уговаривать меня вступить в Фонд, затем эти уговоры продолжил Хаиров. Не вполне понимая, в основном чисто административно-финансовые, функции Фонда (так же как многих других фондов), я предполагал, что, войдя в Совет директоров, я наконец смогу реально способствовать проведению исследований и мероприятий в целях выживания человечества и устранения глобальных опасностей в духе развивавшихся мной на протяжении многих лет идей. Я рассматривал поэтому вступление в Фонд как логическое продолжение своей предыдущей деятельности. Это была большая ошибка. Частично она произошла из-за того, что Визнер и особенно Хаиров нарисовали передо мной вполне утопическую картину будущей работы Фонда и тех возможностей, которые возникнут при моем в нем участии.

13 и 14 января 1988 года прошли первые организационные заседания Совета директоров, а 15 января состоялась встреча с М. С. Горбачевым (заранее назначенная, что заставляло нас торопиться и скомкало весь организационный этап). На первом заседании Фонда выяснилось, что Визнер и Велихов набрали в состав Совета директоров 30 членов из разных стран – гораздо больше, чем первоначально предполагалось (вероятно, 4–5 членов было бы более чем достаточно). Такой Совет директоров с самого начала оказался крайне громоздким и неэффективным.

Хуже же всего, что у Фонда, по существу, не было задач, не дублирующих уже ведущиеся во всем мире работы по проблемам разоружения и экологии и другим глобальным проблемам. Сейчас, когда уже прошло более полутора лет с момента объявления Фонда, он все еще не нашел себе областей деятельности, которые оправдывали бы его громкое название и широковещательные заявления организаторов, сложную и дорогостоящую структуру. Провозглашенный международный характер деятельности Фонда и его организационной структуры не только не увеличил возможностей работы, но, наоборот, – крайне затруднил выбор и формулировку проектов, сделал работу более сложной, очень громоздкой и дорогостоящей.

Заседания Совета директоров должны происходить поочередно в СССР, США и в других странах, с привлечением экспертов, сотрудников аппарата Фонда и других лиц. Каждое такое заседание оказывается непомерно дорогим. В СССР, в США,

в Швеции были организованы штаб-квартиры Фонда, с раздутым аппаратом, с огромными затратами на ремонт и оборудование штаб-квартир и на жилые квартиры сотрудников (я пишу о том, что мне известно по Москве). Исполнительный директор Фонда и часть сотрудников московской штаб-квартиры – иностранцы, им выплачивается большая зарплата в рублях и в конвертируемой валюте. Большая по советским масштабам зарплата выплачивается также советским сотрудникам. При выполнении проектов Фонда потребуются зарубежные командировки исполнителей. В целом, если попытаться дать оценку Фонда, отвлекаясь от частностей и некоторых немногих полезных, но недостаточно масштабных начинаний, он выглядит как типичная бюрократическая организация, работающая сама на себя (и на своих сотрудников).

Накануне первого заседания Фонда я написал шесть заявок на проекты и передал их исполнительному директору.

Вот темы этих проектов:

1. Исследование возможностей и последствий сокращения срока службы в армии СССР.

2. Подземное расположение ядерных реакторов атомных электро- и теплостанций.

3. Разработка условий договора об открытом проведении научных и конструкторских исследований, которые потенциально могут способствовать созданию особо опасных систем оружия (в соответствии с предложением Пановского).

4. Законодательное обеспечение свободы убеждений.

5. Законодательное обеспечение свободы выбора страны проживания.

6. Гуманизация пенитенциарной системы.

К сожалению, только три последние темы были приняты Советом директоров (далеко не сразу, причем и они до сих пор еще не оформлены в качестве проектов). В январе 1988 года я надеялся, что Фонд сможет повлиять на разработку новых законов о свободе убеждений, о свободе передвижения и о гуманизации пенитенциарной системы – как я думал, в результате сотрудничества исполнителей проектов с Институтом государства и права и другими учреждениями, занимающимися разработкой проектов законов. Эти надежды оказались несбыточными. Институт государства и права оказался на практике не имеющим прямого отношения к разработке окончательных вариантов законов, проникнуть в более высокие сферы, конечно, было нереально. Но колесо по пользующейся на Западе популярностью теме «прав человека» начало крутиться, вовлекая все новых и новых людей. Из-за догмы международного

характера Фонда все три темы стали международными, и вместо участия в разработке законодательства работа по этим темам была переориентирована на сравнительное изучение законодательства и практики. Меня сделали председателем Комитета Фонда по правам человека, была организована Группа проекта (подразумевается проект Фонда по правам человека). Группа проекта содержит три подгруппы:

1. СССР и США по теме «свобода убеждений»;
2. СССР и США по теме «свобода выбора страны проживания»;
3. СССР, США, Швеция по пенитенциарной системе.

С советской стороны в Группу проекта вошли некоторые диссиденты, в том числе Сергей Ковалев и Борис Чернобыльский. То, что именно эти темы получили наибольшее развитие (хотя, в основном, пока формальное), связано с огромной заинтересованностью на Западе темой прав человека и желанием Велихова и Визнера сыграть на этом, используя мою личную популярность, и подправить таким образом дела Фонда, в особенности финансовые. Все это поставило меня в очень ложное положение, тем более что сейчас темы прав человека в их «классическом» варианте кажутся мне далеко не столь определяющими, как несколько лет назад. Появились новые возможности изменений в стране во многих областях, большинство узников совести освобождены, проблема эмиграции, оставаясь актуальной, стала менее острой и в какой-то степени двигается, в то же время многие проблемы, о которых мы ранее не смели и думать, вышли на первый план: национально-конституционное переустройство страны (в том числе многопартийная система) и весь комплекс национальных проблем, кардинальная экономическая реформа, реальное решение экологических проблем, социальные проблемы, судьба малообеспеченных людей, здравоохранение, образование. В качестве члена Совета директоров я не обязан следить за конкретной работой по проектам, в том числе за работой Группы проекта по правам человека. Но так как меня сделали также председателем Комитета по правам человека (я не уследил, как это произошло), определенные обязанности на мне лежат. Выполняю я их очень поверхностно, формально, на большее нет ни сил, ни желания. Я, быть может, виноват перед теми, кого вовлек в это дело, но что поделаешь.

15 января состоялась встреча Фонда с М. С. Горбачевым. Со стороны Фонда присутствовали директора, некоторые приглашенные Велиховым, Визнером и исполнительным директором Рольфом Бьернерстедом лица, в их числе Арманд Хаммер и Стоун, и некоторые работники аппарата Бьернерстеда.

Нас попросили подождать в комнате, соседней с той, где должно было проходить заседание. За пять минут до начала вышли Горбачев и сопровождающие его лица; он за руку поздоровался с собравшимися, обменявшись с некоторыми несколькими словами. Я сказал, что благодарен ему за вмешательство в судьбу мою и моей жены: «Я получил свободу, одновременно я чувствую возросшую ответственность. Свобода и ответственность – неразделимы». Горбачев ответил: «Я очень рад, что вы связали эти два слова». Мы прошли в зал. После выступления Горбачева с краткими речами выступили Велихов, Визнер, некоторые «рядовые» директора (в их числе Лихачев и я) и некоторые приглашенные лица. Я в своем выступлении сказал, что значение Фонда связано с его независимостью от государственного аппарата какой-либо страны, от организаций и структур, преследующих частные цели. Я рассказал о предложенных мною темах (кроме подземного расположения ядерных реакторов – я не успел об этом упомянуть в выступлении, но после собрания подошел к Горбачеву и сказал отдельно). Центральным в моем выступлении был вопрос о сокращении срока службы в армии. Я передал Горбачеву составленный в декабре – январе по моей просьбе список еще оставшихся к тому времени в заключении, ссылке и психбольницах узников совести. К сожалению, этот список был составлен несколько небрежно и неудачно – отчасти по причине очень больших трудностей.

В феврале – марте 1988 года вспыхнули события, связанные с проблемой Нагорного Карабаха. Они показали всю лживость утверждений официальной пропаганды о якобы «нерушимой дружбе народов нашей страны», выявили трагическую глубину национальных противоречий, загнанных вглубь террором и отсутствием гласности. Эти противоречия носят, как мы теперь знаем, всеобщий характер, охватывают всю страну. Более 60 лет армянское большинство населения Нагорного Карабаха подвергалось национальному угнетению со стороны азербайджанских властей. В новых условиях перестройки у армян возникла надежда на изменение нетерпимого положения. В феврале состоялось решение Областного Совета народных депутатов с призывом к Верховным Советам Азербайджана и Армении о переходе Нагорного Карабаха из Азербайджанской ССР в Армянскую ССР. Азербайджан ответил отказом, затем (очень скоро) произошел Сумгаит. Позиция центрального руководства страны представляется мне недопустимо нерешительной, постоянно запаздывающей, не принципиальной. Больше скажу. Она кажется мне несправедливой, односторонней

и провоцирующей. Столь же односторонними и тенденциозными оказались, за малыми исключениями, центральная пресса и телевидение. Гласность в этих критических условиях забуксовала (потом это много раз повторялось).

В связи с Нагорно-Карабахской проблемой, преступлениями в Сумгаите я впервые задумался о негативных сторонах политики нового руководства страны, об их возможных явных и скрытых причинах.

Примерно 20 марта я написал открытое письмо Горбачеву, в котором сформулировал свою позицию по проблеме Нагорного Карабаха (поддержать требования армянского населения Нагорного Карабаха о переходе Нагорно-Карабахской автономной области в Армянскую ССР и, в качестве первого шага, – о выводе области из административного подчинения Азербайджанской ССР), подчеркнул необходимость полной, свободной гласности, а также изложил позицию по проблеме свободного возвращения крымских татар в Крым. Я отвез один экземпляр в редакцию «Московских новостей», где после публикации интервью о фильме «Риск» у нас появился хороший знакомый Геннадий Николаевич Жаворонков. Тот сейчас же отнес письмо главному редактору Егору Яковлеву, которого мы тоже к этому времени лично знали. Другой экземпляр я отдал в отдел писем ЦК КПСС, что имело скорее формальное значение, т. к. Егор Яковлев, со своей стороны, сообщил в ЦК о моем письме и послал туда копию. На другой день утром мне позвонил начальник АПН Фалин и пригласил для беседы в связи с моим письмом к 12 часам. Он назвал номер высылаемой за мной машины. Вскоре после того, как я выехал, позвонил секретарь члена Политбюро А. Н. Яковлева. Подошла Люся. Яковлев пригласил меня приехать к нему к 5 часам. Так как Люся рассчитывала, что я успею хотя бы частично на семинар в ФИАН, она попросила заехать за мной туда. Фалин встретил меня еще в комнате секретаря. Это был человек довольно высокий, с удлиненным лицом, хорошо известным телезрителям «Девятой студии» и других программ и пресс-конференций. Он повел разговор в тоне большого дружелюбия и даже некоторой «доверительности». Он сказал, что по воле судьбы был советником многих генсеков начиная с Хрущева. То ли в последние годы Брежнева, то ли при Черненко у него возникли принципиальные разногласия с «хозяином», и ему пришлось уйти. Он получил при этом возможность целиком посвятить себя научной работе, что отвечало его склонностям. Именно в этот период он чувствовал себя, по его словам, наиболее свободным и был вполне счастлив, в остальные же годы его работа была для него трудной, нередко неприятной. В апреле

1985 года Горбачев, только что избранный на пост генсека, предложил Фалину вернуться к роли советника. Фалин сказал, что он, прежде чем согласиться, изучил программные заявления Горбачева и другие сведения о его намерениях и решил, что от него не потребуется действий и публичных высказываний, противоречащих убеждениям. Фалин сказал далее, что он начиная с 1968 года очень внимательно следит за моей деятельностью и выступлениями, читает все написанное мною. Он относится ко мне с глубоким уважением и неоднократно защищал меня от несправедливых обвинений, в том числе перед Хрущевым и Брежневым (он привел какие-то примеры). Пожалуй, наиболее интересными (хотя не обязательно точными) были его характеристики роли Горбачева и ситуации в высших эшелонах партии. Он сказал, что только Горбачев является инициатором всех без исключения принципиальных изменений во внутренней и внешней политике и фактическим автором всех программных документов начиная с апреля 1985 года. Фалин добавил к сожалению, давая этим понять, что исключительная роль одного лица делает ситуацию неустойчивой и не исключает возможности ошибок (моя интерпретация). Сейчас я знаю, что очень велика роль Лукьянова, с которым Горбачева многое связывает. Но Фалин не назвал этой фамилии. Фалин сказал, что партия по существу расколота на две противостоящие друг другу фракции, имеющие противоположные взгляды по основным, принципиальным вопросам. Но, к несчастью, Михаил Сергеевич, по словам Фалина, не хочет этого признать. Он не пояснил – то ли по наивности и доверчивости (чего от человека на таком посту ожидать трудно), то ли, наоборот, по тактическим соображениям скрытного и расчетливого политика.

По основной теме встречи – о моем письме – Фалин пытался удержать меня от публикации, ссылаясь на крайнюю остроту ситуации. Он сказал, что письмо было немедленно, в первые же часы, доставлено М. С. Горбачеву и он его прочитал.

Фалин просил меня воздержаться от публикации хотя бы до 26 марта. Якобы на этот день в Ереване намечены забастовки, демонстрации и митинги, и крайне опасно разжигать страсти. В связи с событиями в Сумгаите Фалин сказал, что «мы приняли принципиальное решение иногда задерживать опасную информацию, давать ее в неполном виде, но никогда не публиковать ложной информации» (это было, по-видимому, косвенным признанием, что ранее публиковалась и заведомо ложная информация – я вспомнил в этой связи о цифрах радиоактивного заражения после Чернобыльской аварии). Фалин (как и несколькими часами поздней Яковлев) защищал точность

официальных сообщений о событиях в Сумгаите. В дальнейшем, однако, выяснилось, что эти сообщения не были точными. Я пишу эту главу не на основании дневника – на него у меня не было времени и сил. Я, в частности, не помню, что именно я обсуждал с Фалиным, что – с Яковлевым, так что возможны некоторые ошибки.

Я, конечно, не успел в ФИАН на семинар. Люся, в одном халате, на машине срочно подвезла меня к проходной ФИАНа, где я пересел на присланную туда черную «Волгу» ЦК. С сиреной, иногда по полосе встречного движения, мы очень быстро добрались до здания ЦК на Старой площади.

Яковлев оказался невысоким, слегка полноватым человеком с округлым лицом, живой мимикой и неожиданно быстрыми движениями. Потом я узнал, что некоторые коллеги по Политбюро называли его по-дружески «Полундра», очевидно в связи с тем, что во время войны он служил на флоте. Лигачева называли «Полкан», что тоже довольно метко и забавно. Разговор сразу пошел об армяно-азербайджанских проблемах. Я спросил: «Почему нельзя было «с хода» объявить о том, что требование Совета народных депутатов НКАО (Нагорно-Карабахской автономной области) является обоснованным и будет удовлетворено? Ведь это внесло бы ясность в ситуацию. Не произошло бы Сумгаита. Такие вещи происходят, только когда можно повлиять на решение, но и сейчас не поздно вывести Нагорный Карабах из подчинения Азербайджану». Яковлев ответил: «Ничего нельзя менять в административно-национальной структуре. Это вообще необычайно опасно как прецедент – ведь у нас множество «горячих точек», где в любой момент может произойти взрыв национальных страстей. А в данном случае все еще несравненно сложней. 400 тысяч армян в Азербайджане оказываются в положении заложников. Закавказье наводнено оружием – оно в огромных количествах поступает через границу. Спички достаточно, чтобы вызвать пожар». Я сказал, что армяне в Азербайджане, как мне сообщили, готовы пойти на риск при условии ясной и твердой позиции центрального руководства. Конституционные трудности не очень принципиальны – на очередном заседании Верховного Совета их можно разрешить.

Яковлев, как показало время, был не прав во многих пунктах. Вскоре – в июле и, еще раз, в январе – пришлось пойти на серьезные шаги. Но они были сделаны слишком поздно и ничего поэтому не решили. Взрыва насилия эти шаги не вызвали. Зато начисто придуманная провокация о поругании священной рощи в населенной азербайджанцами части НКАО действительно вызвала

бурю, массовые акты насилия, 500-тысячную демонстрацию в Баку под националистическими и исламско-экстремистскими лозунгами, вынужденное бегство из Азербайджана более 130 тысяч армян. Как известно, в ответ в Армении начались акции по изгнанию азербайджанцев, сопровождавшиеся избиениями и убийствами. До этого армяне вели себя сдержанно (более 8 месяцев), однако в эти дни было убито более 20 азербайджанцев. Это огромная трагедия. Число азербайджанских беженцев, согласно выступлению Везирова на Съезде, составляет 160 тысяч. Вероятно, полная цифра армянских беженцев в целом по всем «потокам» не меньше этой цифры. То есть очевидно, что предлог всегда может быть найден или сфабрикован, если есть достаточно мощные силы, заинтересованные в кровавой анархии, при условии бездействия центральных властей и косвенной поддержке местных (будем исходить из такой модели событий в Сумгаите, Фергане и других местах, хотя существуют некоторые непроверенные факты, заставляющие предполагать несколько другую расстановку причин). Часть разговора была посвящена проблеме крымских татар. Яковлев сказал: «Почти все, что вы требуете, уже решено в результате работы правительственной комиссии». Я сказал, что это не так. Решения комиссии несовершенны и плохо выполняются. На местах в Крыму власти продолжают проводить откровенно дискриминационную политику. Я требую свободного и организованного возвращения крымских татар на родину, т. е. возвращения всех желающих с государственной помощью. Только так может быть восстановлена историческая справедливость. Организованное возвращение не должно означать, например, составления властями списков «хороших» татар. Я действительно не поставил в своем письме вопрос о восстановлении национальной Крымско-Татарской АССР, что вызвало возмущение наших друзей крымских татар и даже разрыв некоторыми из них отношений со мной. Но я убежден, что сейчас восстановление АССР невозможно хотя бы по чисто демографическим причинам, даже если все крымские татары вернутся в Крым. Может, более реально создание гораздо меньшей национально-территориальной единицы с компактным поселением там крымских татар, конечно на полностью добровольной основе.

В разговоре с Яковлевым я поднял тему судьбы Рауля Валленберга. К сожалению, я располагал в это время ошибочной информацией – это свело на нет мои усилия и, возможно, ухудшило на какое-то время психологический климат поисков.

Вернусь на год назад. В марте или феврале 1987 года мне позвонил из Женевы брат Рауля по матери Ги Дарделл и сообщил,

что у него есть крайне важная информация о том, что Рауль, по-видимому, жив, несмотря на неоднократные заверения советских властей о его смерти, и находится где-то в лагере в 300 км от Москвы. Я просил срочно прислать мне более полные сведения. В конце мая мне действительно принесли из ФИАНа распечатанное письмо Дарделла, присланное туда из шведского посольства (неизвестно, почему не принесенное мне прямо домой). В письме Дарделла содержались какие-то рассуждения об опытах с мю-мезонами (я понимал, что это только фон, маскировка) и была приписка от руки – всего несколько строк. В приписке говорилось,что Рауль Валленберг находится в лагере в поселке Мирный в 18 километрах к югу от Торжка. Он содержится там вместе с пленными поляками времен второй мировой войны. В конце 1986 – январе 1987 года в лагере вспыхнула тяжелая эпидемия гриппа, многие поляки умерли, Валленберг тоже болел, но остался жив. Неизвестно, находится ли он там под своим именем или под каким-то вымышленным. Текст письма Дарделла на машинке на немецком языке, приписка – от руки, на ломаном русском. Мне передали, что человек (до сих пор мне неизвестно его имя) написал приписку уже будучи в СССР, так как опасался перевозить ее через рубеж. В июне в СССР была Таня. Она приехала вместе с Руфью Григорьевной и детьми, как я писал в главе 2, и, оставив с нами бабушку, уехала с Мотей и Аней обратно в США в начале июля. Я передал через нее устное сообщение Дарделлу, в котором просил о дальнейших подробностях. Я также настаивал на максимально быстрой проверке правильности сообщения с тем, чтобы в случае, если первичные источники информации надежны, обязать шведское правительство предпринять решительные шаги по спасению Рауля Валленберга. Мне казалась совершенно недопустимой любая проволочка. Если Валленберг жив, то страшно даже подумать, что после стольких лет страданий по вине советских властей он останется еще какое-то время в заключении по причине нерасторопности своих друзей! Даже если это только месяц. Если же он умер, то надо в конце концов узнать все подробности его судьбы – потребовав от советских властей его дело. Только получив исчерпывающие документы и достоверные свидетельские показания, можно поставить на этом деле точку.

Мы, однако, весь остаток 1987 года и начало 1988 года не имели от Дарделла никакой информации – он вообще исчез из нашего поля зрения. Приезжал, правда, один из юристов Комитета Валленберга, но от него тоже ничего нового мы не узнали. Я тогда впервые столкнулся с тем, как неорганизованно и плохо ведутся поиски Валленберга. Потом у меня создалось очень

печальное впечатление, что вся эта сложная и дорогостоящая система комитетов и комиссий крутится, в основном, вхолостую. Конечно, они получают много свидетельств, что кто-то видел Валленберга даже много после его официальной смерти. Но среди этих свидетельств несомненно очень много ложных, данных ради вознаграждения или саморекламы, и в их массе просто теряются истинные сообщения, если такие есть.

Возвращаясь осенью 1987 года из Эстонии, мы с Люсей сделали крюк и разыскали Мирный. Это само по себе было некоторой эпопеей. Но, хотя в Мирном и были какие-то подозрительные здания, они были мало похожи на лагерь. Потом Люся еще 2 раза ездила в Мирный: один раз – с Юрой Шихановичем и Бэлой Коваль, другой раз – со мной.

В разговоре с Яковлевым я просил проверить нахождение Валленберга в Мирном. Произошел также более общий разговор о деле Валленберга. Яковлев убежден, что все слухи о том, что Валленберг жив, – ложные; он при этом сказал, что они подогреваются спецслужбами Запада для обострения советско-шведских отношений – это, конечно, вызывает у меня настороженное отношение к его мнению в целом. Яковлев также утверждал, что Валленберг был арестован потому, что осуществлял обмен евреев на шведские военные грузовики. Это, по существу, было действием на стороне врага. Яковлев заметил: «Сколько лишних советских солдат погибло в результате этого обмена, никто не считал». Он также утверждал, что шведы помогли немцам восстановить разбомбленные англичанами и американцами шарикоподшипниковые заводы, без которых Германия не могла продолжать войну (за деньги, не за жизни евреев). Я далеко не уверен, был ли реально произведен обмен евреев на грузовики, и если был, то участвовал ли в этом Валленберг. Скорей уверен в обратном. История слишком смахивает на рассказ Мешика, что Тимофеев-Ресовский якобы был замешан в нацистских опытах над людьми. Во всей литературе о Валленберге нет никаких упоминаний об обменах шведских грузовиков на евреев. Хорошо известно также, что немцы еще до приезда Валленберга в Будапешт отказались осуществить обмен евреев на грузовики. Я хочу также сказать, что, в отличие от Яковлева, я не согласен, что спасение от смерти многих реальных живых людей в обмен на предоставление немцам транспортной техники (не снарядов!) было несомненным преступлением или даже ошибкой. Тем более что война уже шла к концу. Тут надо смотреть на цифры, как ни кощунственно это звучит (впрочем, военные все время это делают). Хуже другое. Англичане и, кажется, американцы в эти же месяцы отказались

бомбить подъездные пути Освенцима, сберегая бомбы для военно-промышленных объектов.

В конце беседы Яковлев спросил меня, кем была Люся на войне, и, прощаясь, сказал: «Передавайте, пожалуйста, мой привет санинструктору и старшей медсестре». Так закончилась моя вторая беседа с членом Политбюро (первая беседа была с Сусловым за 30 лет до этого!). Я вынес из этой и следующих бесед с Яковлевым впечатление о нем как об умном, очень хорошо осведомленном во внутри- и внешнеполитических вопросах человеке, несомненно ориентированном на перестройку «чуть левее Горбачева». Я думаю, что это человек, который не будет претендовать на первое место, но на второе – может и должен. Вместе с тем, именно на фоне общей левой позиции, я почувствовал, что у Яковлева (а значит, вероятно, и у всех остальных перестроечных деятелей) остался некоторый «неприкосновенный запас» догматических истин. Мне несколько трудно сформулировать, в чем он заключается, но он есть.

Через неделю Фалин вновь позвал меня в АПН и вручил ответ по Мирному. Это была прекрасно снятая панорама поселка и документ, в котором сообщалось число жителей поселка, а также число голов рогатого и не рогатого скота. В заключение сообщалось, что старожилам района неизвестна фамилия Валленберг – человек с такой фамилией никогда в районе не проживал. Через несколько месяцев летом к нам наконец приехал Ги Дарделл. И тут выяснилась потрясающая вещь. Поселок Мирный никакого отношения к Валленбергу безусловно никогда не имел. Ги сообщили адрес лагеря по телефону, при этом он перепутал север и юг и, отмерив от Торжка на карте 18 км в сторону Калинина, увидел там кружок с названием Мирный. Эта его ошибка привела к тому, что полтора года все поиски шли по ложному следу. Совершенно нелепая ситуация и, если Валленберг жив, невероятно трагическая. Но нелепость на этом не кончается. Оказывается, Ги и членам Валленберговского комитета был известен номер лагеря, о котором шла речь в сообщении: ОН-55. Они не сообщили этого номера нам – не сочли нужным.

Вскоре мы с Люсей на нашей машине поехали (уже в четвертый раз) в район Торжка. Люся, как всегда, за рулем. Адрес и в этот раз оказался неправильным, но мы все-таки нашли лагерь, зная его номер. Мы ехали по указанному нам направлению, но уже понимали, что едем куда-то не туда. Кончился асфальт, проселок перешел в колею от телеги. Вдруг Люся увидела четырех молодых людей, у которых, как ей показалось, мы сможем что-то узнать. Действительно, среди этих людей была женщина, работник суда, которая знала, где лагерь

ОН-55. Им надо было добраться в Торжок – мы их подвезли и вместе с ними доехали до лагеря, находящегося на окраине Торжка (точней, в нескольких километрах от города по направлению к Старице, но на машине это несущественно). Я подошел к проходной и увидел на ней табличку с номером ОН-55. Группа офицеров, очевидно сменившись, садилась в машину. Я сказал, что ищу одного поляка, старого человека. Я слышал, что здесь в лагере содержатся поляки. Капитан вступил в разговор и резко сказал: «Здесь нет никаких поляков. Вы ошиблись. Вам надо куда-то еще». Дальше разговаривать было бесполезно. Я вернулся в машину, где сидела Люся и наши спутники. Мы вскоре простились с ними и поехали в Москву. Спросить у работника суда о поляках не удалось – это надо было делать наедине. Итак, мы нашли лагерь по номеру, и, хотя бы в этом отношении, информация не была чистым враньем. Внутрь лагеря мы проникнуть, конечно, не могли. Очевидно, надо вернуться к тому, что я просил Таню передать Ги два года назад – проверить надежность источника информации и требовать от шведского правительства обратиться к Горбачеву. Потеряно два года – это горько.

В марте-апреле ко мне обратились от издательства «Прогресс» с просьбой написать статью для сборника под названием «Иного не дано» – о проблемах перестройки. В сборнике участвовали многие известные авторы, главным редактором был Юрий Николаевич Афанасьев – ректор Историко-архивного института. Вскоре мы узнали его как человека четких прогрессивных убеждений, политически инициативного и смелого. Я написал статью под заглавием «Неизбежность перестройки». Люся, читая ее, говорила, что она ни в коем случае не будет напечатана как слишком острая (я, как всегда, поставил условие, что либо статья печатается целиком, либо я ее снимаю – такое обещание было дано не только мне, но и всем авторам). Люся ошиблась; книга вышла в июне, накануне партконференции, причем моя статья была далеко не самой интересной и острой. Я ясно чувствую, что, если бы я писал статью даже несколькими месяцами поздней и тем более сегодня, она выглядела бы совсем иначе. Мы все сейчас проходим путь «политпросвещения» с поистине невероятной быстротой. При этом мы как раз за эти месяцы марта – июня 1988 года почувствовали с большой остротой не только поступательный ход перестройки, в первую очередь гласности, но и противоречивый, внутренне опасный характер происходящих в стране процессов. Появилась знаменитая сталинистская статья Нины Андреевой, в конце февраля произошла Сумгаитская трагедия. Выборы на XIX

партконференцию проходили не демократическим способом, дав подавляющее преимущество антиперестроечным кандидатам. Ю. Н. Афанасьев явился инициатором коллективного письма по этому поводу. В письме, в частности, высказывалась мысль о возможном переносе партконференции на полгода с целью обеспечить более демократические выборы (на самом деле авторы письма понимали нереальность этого предложения). Я тоже подписал это письмо.

В конце апреля – мае мы с Люсей по впервые полученным (купленным, конечно, но так у нас говорят) в хозотделе Академии путевкам провели три недели в Пицунде. Это были замечательные дни, свободные, плодотворные и счастливые. Нам почти никто не мешал – мы были вдвоем. Комнатка у нас была очень маленькая, но с великолепным видом на море с высоты 12-го этажа дома-башни. Я работал за обеденным столиком, Люся выставляла на балкон ноги и тумбочку с пишущей машинкой. Так мы размещались. Люся начала там писать свою вторую книгу – о детстве, до рубежа 1937-го (несколько страниц были написаны еще в Москве). Я работал над выступлением, которое мне предстояло через месяц (чуть более) на конференции, посвященной столетию со дня рождения Фридмана. Я согласился еще давно сделать обзорный доклад о барионной асимметрии Вселенной, но, так как я сильно отстал от текущей, довольно объемной литературы, мне пришлось как следует поработать в Москве и Пицунде над статьями, которыми меня щедро снабдили друзья. В ходе этой работы я многое понял. Выступление, как мне кажется, получилось интересным и даже, в каких-то деталях, содержало новые идеи. Но в основном вопросе – за счет какого именно конкретного процесса образовалась барионная асимметрия Вселенной – все еще нет ясности.

Большую часть дня мы работали, по вечерам обычно гуляли вдоль моря. Купаться было еще холодно не только мне. На завтрак, обед и ужин надо было ходить в столовую в двух-трех сотнях метров от нашей башни. Часто я, хотя бы раз в день, ходил туда один и приносил Люсе еду в номер. Возвращаясь из столовой с тарелками, я обычно видел Люсю на балконе – она приветствовала меня с этой высоты.

В Пицунде нам пришлось вмешаться в судьбу одной молодой пары. В столовой Люся обратила внимание на расстроенный вид обслуживающей нас официантки-абхазки. Оказывается, она познакомилась с молодым человеком, отбывавшим ранее срок заключения, они собираются вступить в брак, но председатель райисполкома под разными предлогами откладывает регистрацию брака. Сейчас он вызвал к себе молодого человека

на беседу. Причина, по-видимому, заключается в том, что он не является постоянным жителем Пицунды, работает в геологической партии и имеет только временную прописку, но, став мужем местной жительницы, он получит уже постоянную прописку. В Пицунде, как во всяком курортном районе, прописочные ограничения особенно сильны. Вероятно, в соответствующих инструкциях не рекомендуется прописывать бывших заключенных. Я послал председателю райисполкома очень вежливую телеграмму, в которой напомнил, что право вступления в брак не может иметь внезаконных ограничений. Телеграмма возымела свое действие. Вскоре счастливые новобрачные пришли к нам в номер с цветами и поблагодарили нас за вмешательство.

Из Пицунды мы поездом по очень красивой дороге поехали в Тбилиси. Там проходила интересная конференция по физике элементарных частиц. В Тбилиси мы были не впервые, но в этот раз он показался нам особенно спокойным, нарядным, каким-то западным по духу. Мы смотрели на нависший над Курой балкон старинного дома и обсуждали между собой, кто же там живет. Мы, конечно, не могли представить себе, что менее чем через год окажемся в Тбилиси при совсем других, трагических обстоятельствах и жить будем именно в этом доме.

Часть июня мы провели в Ленинграде, жили и работали в огромной квартире Ленинградского дома приезжающих ученых. Там не было столовой, и мы пытались купить полуфабрикаты в кулинарии при одном из самых фешенебельных ресторанов Ленинграда. К Люсиному потрясению, ей удалось купить только полусъедобную кашу – «шрапнель»: мы оба ни разу не видели ее со времен войны. В целом в Ленинграде, как и во всей стране, уже тогда было плохо с продуктами, за год положение не стало лучше. Конференция проходила одновременно с заседаниями Фонда – мне пришлось метаться из одного конца города в другой. Я все больше разочаровывался в Фонде. После конференции я принял участие в «круглом столе» по проблемам космологии для научно-популярной телевизионной передачи и в ленинградской телевизионной программе «Пятое колесо». Участие в «Пятом колесе» было моим первым выступлением по советскому телевидению. Его смотрели не только в Ленинграде, но и в Москве и прилегающих к Ленинграду областях. К сожалению, из передачи выбросили все, что относилось к проблеме Нагорного Карабаха.

18 июля состоялось долгожданное заседание Президиума Верховного Совета по проблеме НКАО. Оно транслировалось по телевидению, что само по себе было событием. Накануне мы, с

некоторым запозданием, организовали массовую отсылку телеграмм в поддержку вывода НКАО из административного подчинения Азербайджану и введения там подчиненной лишь Москве администрации. Идея отсылки телеграмм принадлежала Люсе (как и множество других организационных идей за годы нашей совместной жизни). Мы позвонили нескольким известным нам предполагаемым единомышленникам в Москве и Ленинграде и попросили их отсылать телеграммы и, в свою очередь, позвонить другим известным им людям, с тем чтобы те тоже продолжили распространение потока телеграмм. Мы предполагаем, что в целом было несколько десятков телеграмм.

Мы с Люсей также посетили накануне Президиума только что приехавшего в Москву Расула Гамзатова, в его по-восточному богатом доме, с просьбой поддержать эту идею. Разговор был трудный, несколько уклончивый, и Люся считала, что бесплодный. Однако на заседании Президиума Гамзатов выступил прекрасно. Кстати, нам показалось, что в доме Гамзатова большую позитивную роль играет следующее поколение – дочь и зять.

Наше предложение не было принято – оно вошло в состав принципов так называемой особой формы правления, принятой через полгода. Но тогда, в январе 1989 года, уже и это предложение было недостаточным. В июле же 1988 года было принято постановление, ограничивающееся только поддержкой экономического и культурного развития НКАО и экономическими и культурными связями НКАО с Арменией. Это было бы очень важно в феврале и, быть может, помогло бы снять напряжение, но сейчас постановление Президиума отстало от произошедших в сознании людей изменений и поэтому было почти бесполезно. Все же, я думаю, наши телеграммы-обращения не были излишними.

Трансляция заседания Президиума по телевидению (ее смотрела вся страна, как в следующем году трансляцию со съезда) произвела на нас и, я думаю, на многих удручающее впечатление. Позиция Горбачева была откровенно предвзятой – было ясно, что решение им (именно им) уже принято – и откровенно проазербайджанской. Он вел заседание диктаторски, антидемократично, с пренебрежением к мнению других членов Президиума, особенно армян, зачастую просто невежливо. Он то и дело перебивал выступавших, комментировал их выступления. Одного из членов Президиума, ректора Ереванского университета С. Амбарцумяна (однофамильца президента Академии) он перебил и спросил: «Кто дал вам право говорить от имени народа?» Амбарцумян побледнел, но сумел ответить с

достоинством: «Мои избиратели» – и продолжил выступление.

Мы не знаем, чем объясняется такая антиармянская и проазербайджанская позиция Горбачева, проявившаяся даже после трагедии землетрясения. Горбачев мог бы иметь в Армении передовой отряд перестройки, самых верных и работящих друзей. Лозунги первых месяцев национального движения в Армении доказывают это со всей ясностью. Армяне быстро отработали бы все, что было упущено за время забастовок. Но он избрал другой путь. Почему? Некоторые говорят: это – большая политика, отражение огромной роли в мире (и в стране) ислама, с которым нельзя ссориться. Другие приводят тот же аргумент, что и Яковлев, – боязнь новых Сумгаитов. Наконец, говорят, что нельзя создавать прецедент территориальных изменений в стране, где столько горячих точек. Мне все эти аргументы кажутся недостаточными. Они не должны были перевесить принципиальных соображений национальной справедливости. Есть и такие, которые связывают позицию Горбачева с его предполагаемыми связями с азербайджанской (или иной) мафией или с какими-то родственными связями. В условиях, когда о подлинных биографиях высших руководителей страны ничего не известно и все, относящееся к высшему кругу нашего общества, недоступно гласности, подобные предположения возникают с равной легкостью на пустом или не на пустом месте, и их невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть.

Перед заседанием 18 июля и сразу после него я пытался позвонить М. С. Горбачеву, чтобы изложить ему от своего имени и имени моих единомышленников идею «особой формы правления» (тогда еще не было этого слова, но говорили – президентское правление). Я не мог дозвониться. Секретарь просил меня ожидать звонка у телефона. В состоянии непрерывного нервного напряжения мы провели в этом ожидании неделю. В это время в Москве была совершенно непереносимая жара и духота. Наконец, я решил, что Горбачев просто не хочет со мной разговаривать, заранее зная, о чем будет речь. Я прекратил попытки, и мы уехали из города, что было намечено неделю назад.

В июле в нашем доме начался капитальный ремонт без выселения жильцов – замена отопительных батарей и труб, штукатурные работы, окраска и побелка и т. д. Обои мы меняли год назад. Это только усугубило дело трудностями их защиты. Люся воспользовалась ремонтом для смены сантехники, ванны, отваливающихся после горьковского периода кафельных плиток. В наших условиях это была очень тяжелая эпопея – количество грязи, которое пришлось, главным образом Люсе, выгребать ежедневно, и всяческих перестановок и защитных устройств для

мебели и обоев было неописуемым. В июле и августе, после попытки позвонить Горбачеву, нам удалось все же вырваться дней на двадцать из Москвы в Протвино, находящийся недалеко от Серпухова небольшой городок, где расположены самые большие в СССР ускорители элементарных частиц – уже существующий, строящиеся и проектируемые. Меня давно уже приглашали туда посетить центр экспериментальных исследований физики высоких энергий и, когда я наконец согласился, организовали показ грандиозных залов, центров обработки информации, рассказали о проекте и возможностях будущего ускорителя и планах и перспективах работ на нем. В 1988 году предполагалось, что это будет установка для накопления двух протонных пучков с энергией 3 ТэВ (3 х 1012 эВ) в двух ускорительно-накопительных кольцах, расположенных в подземном кольцевом туннеле общей протяженностью 21 километр. Его строят метростроевцы и уже выполнили в 1988 году больше половины работы. Протоны двигаются в противоположных направлениях и отклоняются к центру колец магнитным полем специальных магнитов с обмотками из сверхпроводящего сплава. Обмотки охлаждаются жидким гелием (температура жидкого водорода недостаточно низка для существующих промышленных сверхпроводников). Накопительные кольца имеют общие прямолинейные участки, на которых происходит столкновение встречных пучков с общей энергией сталкивающихся частиц 6 ТэВ. Во время нашего визита в ЦЕРН в июне 1989 года его директор Карло Руббиа рассказал, что существует проект, согласно которому ЦЕРН поставит в Протвино разработанный в ЦЕРНе источник антипротонов и установка будет работать на столкновении пучков протонов и антипротонов; при этом исчезнет необходимость в двух ускорительно-накопительных кольцах, весь проект будет дешевле, и главное – его можно будет осуществить значительно раньше. Большую часть времени мы были свободны и работали – Люся продолжала работу над своей книгой, я тоже что-то делал. По вечерам мы выезжали в окрестности Протвино, очень живописные, и собирали грибы, потом Люся их жарила. На два дня нам пришлось прервать нашу спокойную жизнь и съездить в душную Москву в связи с ремонтом. Однажды к нам в Протвино неожиданно приехали Ю. Н. Афанасьев, Л. М. Баткин, Л. В. Карпинский, Ю. Ф. Карякин, еще два или три человека – я сейчас не помню, кто именно. Они приехали в связи с проектом организации дискуссионного клуба с задачей обсуждения основных проблем перестройки – экономических, социальных, юридически-правовых, экологических, международных. Мы придумали название клуба – «Московская трибуна». Главным аргументом необходимости

организации такого клуба как одного из зачатков легальной оппозиции была оценка существовавшего в то время политического положения в стране как очень противоречивого, с опасными симптомами сдвига «вправо», в том числе назывались прекращение свободной подписки на газеты и журналы, издание постановлений, ограничивающих свободу кооперативов и узаконивающих налоговый пресс на них, практическое замораживание экономической реформы, ограничения гласности, недемократический характер XIX партконференции, отсутствие решения проблемы НКАО, в дальнейшем (уже после первой встречи) принятие антидемократических указов о митингах и демонстрациях и полномочиях специальных войск МВД. Был принят первый вариант обращения инициативной группы «Московской трибуны», на основании которого через несколько месяцев она была организована. Я согласился войти в инициативную группу. Но фактически Баткин и другие играют в деятельности «Трибуны» гораздо большую роль, я же в значительной степени пассивен. В начальный период организации «Трибуны» не все шло гладко, но в целом она представляется интересным и важным начинанием.

В те же месяцы я оказался вовлеченным в другую общественную организацию, гораздо более массовую, с драматической историей становления и с неясными, но, возможно, большими перспективами влияния на общественную жизнь и сознание. Речь идет о «Мемориале». Еще задолго до XIX партконференции группа молодых людей, в их числе Пономарев, Самодуров, Игрунов, Леонов и Рогинский, выступила с инициативой создания мемориального комплекса жертвам незаконных репрессий – сначала, кажется, речь шла только о памятнике, потом о целом комплексе, включающем также музей, архив, библиотеку и т. п. С большой быстротой идея распространилась по всей стране. В Москве и во многих других местах сформировалось общественное движение, ставящее своей целью поддержку создания мемориального комплекса, причем не только в Москве, а и в других местах, в том числе и там, где были расположены основные сталинские лагеря рабского труда и уничтожения. Движение стало ставить перед собой не только историко-просветительские цели, но и помощь оставшимся в живых жертвам репрессий – юридическую и моральную. На XIX партконференции Афанасьевым было передано обращение движения с несколькими тысячами подписей. Конференция приняла постановление о создании памятника жертвам репрессий (только памятника, т. е. фактически это было просто подтверждение не выполненного за 27 лет решения XXII

партийного съезда). Движение стало принимать организационные формы, к нему примкнули так называемые творческие союзы – Союз кинематографистов, Союз архитекторов, Союз дизайнеров и другие, а также «Литературная газета». Они стали именоваться «члены-учредители», что, конечно, не совсем правильно, лучше бы – коллективные члены. Был открыт счет «Мемориала», на него стали поступать взносы от граждан и перечисления от концертов, лекций, демонстраций фильмов. Наконец, с помощью письменного опроса на площадях Москвы был создан Общественный совет «Мемориала». Прохожих просили назвать тех, кого они хотят видеть в Общественном совете – любое число кандидатур. Набравшим наибольшее число голосов было предложено войти в Общественный совет. В их числе оказался я и согласился, так же как большинство тех, кто получил доверие людей. Отказался от вхождения в Общественный совет А. И. Солженицын. В декабре, уже будучи в Штатах, я позвонил ему, чтобы поздравить с 70-летием. В этом разговоре Солженицын объяснил свой отказ двумя причинами. Во-первых, тем, что советские власти ответили на создание им «Архипелага ГУЛАГ» высылкой его с родины. Этот аргумент представляется мне неправильным. Общество «Мемориал» не несет ответственности за действия властей. Второй аргумент – опасение, что идеологическая линия «Мемориала» не соответствует его представлениям об исторической науке. Поясняя свою мысль, он сказал, что принципиально недопустимо ограничиваться осуждением только сталинских репрессий и, тем более, осуждением репрессий только против тех, кто на самом деле были соучастниками преступлений. Преступления режима начались в 1917 году и продолжаются до сих пор, это одна цепь физического уничтожения народа и его лучших представителей, развращения народа, обмана, жестокости, лицемерия и демагогии ради власти и ложных целей коммунизма. Эту цепь преступлений начал Ленин, поэтому его личная вина перед народом и историей огромна, но тема преступлений Ленина – все еще табу в СССР, и, пока это так, Солженицыну нечего делать в «Мемориале». Кончил Солженицын пожеланиями успеха мне в борьбе, которую я веду в СССР в соответствии с обстановкой и возможностями. Конечно, я воспроизвел тут слова Солженицына по памяти, дополняя фрагментами других его выступлений, а также используя собственную их интерпретацию. Что можно сказать по существу? В многочисленных дискуссиях на собраниях «Мемориала», в различных проектах Устава, в личных беседах все время звучит тема необходимости расширения временных рамок зоны интересов «Мемориала» за пределы эпохи сталинской власти,

необходимости более четкой и исторически верной идеологической платформы. Вместе с тем, необходимо учитывать, что «Мемориал» – массовая организация, формирующаяся на основании некоторого массива основных идей, целей и представлений, общих для всех ее членов, при условии взаимной терпимости в других вопросах. При этом «Мемориал» действует в условиях советской действительности, при крайне настороженном, а быть может – просто враждебном к нему отношении. Поэтому мне представляется правильной осторожная формулировка устава, в которой речь идет о жертвах сталинских репрессий и других жертвах террористических и незаконных методов управления государством. Что авторы устава и «Мемориал» в целом не впали в конформизм – ясно из реакции властей, ЦК, из всех трудностей легализации «Мемориала».

Чтобы больше не возвращаться к моему разговору с Солженицыным, расскажу еще о некоторых его моментах. Я позвонил из Ньютона в начале дня. Подошла Аля, жена Александра Исаевича. Мы поговорили несколько минут, потом она позвала Александра Исаевича, заметив, что он сам никогда не подходит к телефону. Произошел тот разговор, о котором я уже написал. В конце я сказал, в ответ на его пожелания успехов, о важности его писательской работы и добавил: «Александр Исаевич, между нами не должно быть недоговоренностей. Вы в своем «Теленке» глубоко меня обидели, оскорбили. Речь идет о ваших высказываниях о моей жене, сделанных как в явной форме, так и в ряде мест без указания имени, но совершенно ясно, о ком идет речь. Моя жена – совершенно не тот человек, как вы ее изображаете, и ее роль в моей жизни совсем иная. Она бесконечно верный, самоотверженный и героический человек, никогда никого не предававший, далекий от всяких салонов, диссидентских и не диссидентских, никогда не навязывавший мне никаких «наклонов»». Александр Исаевич несколько секунд молчал – очевидно, он не привык, чтобы кто-то обращался к нему с такими прямыми обвинениями. Затем он сказал: «Хотел бы верить, что это так». Эта фраза по обычным меркам не была, конечно, извинением, но для А. И., видимо, и это было большой уступкой.

Осенью 1988 года я впервые выступал на митинге. Он был созван «Мемориалом» около Дворца спорта Автодорожного института. Люся отвезла меня туда на машине, но сама не могла присутствовать, так как машину пришлось поставить на довольно большом расстоянии от места митинга и ей с ее ногами было бы трудно дойти. Собравшиеся – несколько сот человек, может больше тысячи – узнали меня, и мне пришлось, после нескольких

других ораторов, выступить. Я, конечно, заранее не готовился, но, кажется, получилось удачно, в отличие от моего следующего выступления, на конференции «Мемориала» в октябре, где я должен был говорить первым и читал по бумажке заранее подготовленный текст, вышло позорно скучно.

Эта конференция готовилась как учредительная; она должна была принять устав и объявить о создании всесоюзного историко-просветительского общества «Мемориал». Но примерно за неделю в ЦК под разными малопонятными предлогами начали возражать против проведения учредительной конференции; в частности, это произошло при встрече Юдина (какого-то начальника из ЦК) с секретарями творческих союзов-учредителей. Те испугались и потребовали от исполнительного комитета (рабочего органа «Мемориала») отложить проведение учредительной конференции. На самом деле в ЦК, конечно, просто боялись создания массовой независимой (трудно управляемой) общественной организации, в которой к тому же участвуют многие пользующиеся известностью люди. Исполнительный комитет, опасаясь разрыва с членами-учредителями, от которых мы зависели материально, и с санкции Общественного совета изменил характер конференции – вовсе отменить ее или перенести на более поздний срок было невозможно: люди с мест уже съезжались. Учредительную конференцию назначили на 17 декабря, но ее проведение опять было сорвано, и она состоялась лишь в конце января. Одновременно возникла атака на «Мемориал» по еще одному направлению – представители «Мемориала» в середине декабря были лишены доступа к банковскому счету «Мемориала» (кажется, по устному указанию того же Юдина директору банка). Формальный предлог – что «Мемориал» официально не зарегистрирован. За неделю перед назначенной в январе учредительной конференцией члены Общественного совета «Мемориала», в их числе Афанасьев, Бакланов, Евтушенко, были вызваны в ЦК. Меня первоначально не позвали, но вызванные заявили, что без меня они не поедут, и в последний момент за мной заехал на машине Пономарев. По дороге он рассказал мне ситуацию со счетом, а также предупредил, что будет оказываться большое давление с целью добиться отсрочки учредительной конференции. Но дальше откладывать мы не можем, не имеем права. На местах члены «Мемориала» подвергаются большому давлению, ситуация становится опасной. Мы должны заявить, что, если нам не будет предоставлено помещение, мы проведем конференцию на квартирах. Я сказал, что полностью с ним согласен. У подъезда ЦК я распрощался с Пономаревым и прошел наверх. Заседание проходило под председательством Дегтярева –

заместителя нового заведующего идеологическим отделом ЦК Вадима Медведева, который недавно сменил на этом посту А. Н. Яковлева. Дегтярева Медведев пригласил из Ленинграда, где он, как мне сказали, активно поддерживал «Память». Дегтярев начал свое выступление очень агрессивно. По поводу счета он заявил, что «Мемориал» не имеет права распоряжаться этим счетом, поскольку Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятое вскоре после XIX партконференции, поручает создание памятника жертвам сталинских репрессий Министерству культуры СССР, значит ему принадлежат все собранные средства. Члены Общественного совета энергично возражали, ссылаясь на то, что средства собирались целевым образом для «Мемориала» и все, кто давал деньги, знали это, что подтверждается объявлениями в прессе; передача денег Министерству культуры явилась бы совершенно незаконной и вызовет бурю протестов. Тогда Дегтярев слегка сменил тон и сказал, что «Мемориал» не может владеть счетом, поскольку он не зарегистрирован. Затем Дегтярев пустился в рассуждения о том, что вскоре будет принято постановление о создании при райисполкомах (?!) комиссий по расследованию сталинских преступлений, местные группы «Мемориала» вольются в эти комиссии, таким образом исчезнет необходимость в создании общества «Мемориал» и не надо проводить учредительную конференцию. Помощник Дегтярева добавил, что проект устава совершенно не доработан юридически и его как коммуниста поразило, что там нет слова «социализм». Мы отвечали резко, почувствовав опасность. Я, в частности, сказал, что официальная комиссия и общественная организация – это разные вещи. Значение общественной организации – именно в ее независимости, и потерять эту независимость мы не согласимся ни за что. Если нам будет отказано в поддержке и помещении, мы проведем учредительную конференцию на квартирах (я выполнил совет Пономарева). Что касается слова «социализм», то устав – не программа партии, там нет места таким теоретическим рассуждениям. Выходя с совещания, я спросил Афанасьева: «Ну как?» (Я имел в виду общую ситуацию и, в особенности, позицию ЦК; Афанасьев, конечно, именно так и понял мой вопрос.) Он ответил: «Очень плохо». Но, по-видимому, это была психологическая атака перед принятием решения, и мы ее выдержали. Такие арьергардные атаки в практике властей – обычная вещь, мы много раз с ними встречались. Накануне конференции меня вызвал в ЦК В. А. Медведев. Обсуждались те же темы, но в гораздо более дружеском тоне. Вернувшись домой, я узнал, что по указанию ЦК остановлено печатание «Вестника «Мемориала»» – издания, предназначенного для раздачи

участникам конференции. Причина – наличие там двух «крамольных» материалов: сообщения с требованием вернуть советское гражданство А. И. Солженицыну и опубликовать «Архипелаг ГУЛАГ», а также моей предвыборной программы. Я позвонил по телефону сначала Дегтяреву, затем Медведеву, говорил необычайно для меня резко (Люся утверждает, что она впервые такое от меня слышала). Я спрашивал: «Это запрет или рекомендация? Если запрет, то вы принимаете на себя большую ответственность. Если рекомендация – то мы вправе с нею не считаться». Медведев отвечал, что «мы не запрещаем вам печатать, что вы хотите, это не наша функция, но от того, как вы поступите, будет зависеть наше отношение к «Мемориалу»». Я говорю: «Мы все это уже учли, решили печатать все, как подготовлено, дайте указание отменить запрет на печатание!» Медведев: «Мы не давали такого запрета». Я: «Вы прекрасно знаете, что это не так! Отмените запрет!» Медведев ничего не ответил. Но через 20 минут печатание было возобновлено. Однако оказалось, что Афанасьев еще накануне согласился снять материал о Солженицыне, и на этом месте в газете появилось белое пятно. Учредительная конференция подтвердила ранее принятое решение.

Еще один телефонный разговор с Медведевым у меня произошел в апреле. Четыре женщины в Иванове объявили голодовку, требуя возвращения верующим храма, отнятого в 30-е годы и занятого под склад. Я позвонил Медведеву и просил его вмешаться. Он ответил, что ему ничего не известно об этом деле. Однако какой-то работник ЦК (я не знаю, до моего разговора или после) позвонил в горисполком Иванова и потребовал ни в коем случае не уступать «экстремистам» (этот термин фигурировал в местной прессе). При помощи обмана и угроз удалось заставить женщин прекратить голодовку. Председатель Комитета по делам церкви, склонный уступить верующим, был вскоре вынужден уйти в отставку (возможно, что тут были и другие причины).

Положение «Мемориала» продолжает оставаться крайне сложным и неопределенным и после учредительной конференции. «Мемориалу» до сих пор отказывают в регистрации на том основании, что единственный закон о правилах регистрации общественных организаций, принятый в 1932 году, относится не к общесоюзным организациям, а не более чем к республиканским. Все существующие общесоюзные организации созданы по постановлениям правительства и в регистрации якобы не нуждаются. «Мемориал» по-прежнему не имеет доступа к своему счету в банке. Местные организации и их члены подвергаются преследованиям. Некоторые мемориальцы хотели

пикетировать Президиум Верховного Совета – с трудом удалось их отговорить. Я говорил во время Съезда с Медведевым и Лукьяновым, они ссылаются на то, что вскоре новый Верховный Совет примет закон о регистрации. Но когда это будет и не возникнет ли какого-либо противоречия с уставом «Мемориала»? Такое противоречие могут устроить нарочно...

В октябре я впервые присутствовал на Пагуошской конференции по приглашению Виталия Гольданского (руководителя советской секции). В качестве гостя была также приглашена Люся. Конференция проходила в местечке Дагомыс, недалеко от Сочи. Участники и многочисленные гости были размещены в фешенебельной интуристской гостинице. Там же проходили заседания. Все это, включая питание, конечно, за счет хозяев конференции. Так же был оплачен проезд участников (но Люся свой билет оплатила). Шел конец курортного сезона – море и бассейн были к услугам приехавших. По вечерам – виски-водка парти с обильной бесплатной выпивкой, некоторые не вполне соблюдали меру.

Для меня и Люси главное было понять, что происходит на секциях (по вопросам экологии, сокращений стратегических вооружений, равновесия обычных вооружений в Европе, запрещения химического оружия, контроля над сокращением вооружений, проблем развития Третьего мира, контроля над ядерными испытаниями) и на пленарных заседаниях. Моя позиция тут такова – если коэффициент полезного действия работы пагуошцев очень мал, но отличен от нуля, то в силу огромного значения глобальных проблем существование Пагуошского движения в конечном итоге оправданно. Мы были свидетелями довольно низкого уровня обсуждения проблем (в особенности, это относилось к экологии); по-моему, это следствие того, что многие стали профессионалами борьбы за... (мир, среду обитания, разоружение, все равно за что) – это не способствует объективности и научному подходу. Еще более меня огорчило, что Движение как бы работает само на себя, не имея прямых выходов в правительственные круги и в масс-медиа. Все же я думаю, что есть косвенный положительный эффект – через личные контакты участников Движения в научных и правительственных кругах. Так что – пусть работают. Но без меня! На конференции я выступил по докладу секретаря Движения, особенно уделив внимание экологическим проблемам, в том числе опасности для генофонда, вызванной накоплением вредных мутаций в результате химизации жизни на Земле. С очень интересным предложением, касающимся сохранения тропических лесов, выступила Люся. Она предложила, чтобы все страны

отчисляли определенный процент своего национального дохода в пользу стран – хозяев тропических лесов, которые прекратят вырубку лесов (и начнут их восстановление). Это была бы справедливая плата за кислород, в конечном счете за жизнь. Сумма отчислений должна быть такова, чтобы сделать вырубку лесов экономически невыгодной не только для государства – хозяина лесов, но и для всех его граждан. Пока идея Люси не получила должной поддержки и распространения.

Еще в июле я был приглашен принять участие в «круглом столе» в редакции журнала «Век XX и мир» на тему «Мировая революция, конвергенция и другие глобальные концепции» (название темы было сформулировано как-то иначе – я не помню). Я заранее подготовился к своему выступлению – мне кажется, что получилось удачно. Я говорил о взаимосвязи основных глобальных проблем и о том, что единственным кардинальным решением, обеспечивающим выживание человечества, является конвергенция – совокупность встречных плюралистических изменений в капиталистической и социалистической системах. Я утверждал, что сейчас беспредметно спорить, возможна ли конвергенция, – она уже идет, в социалистическом мире это – перестройка. В январе или феврале материалы «круглого стола» были опубликованы в журнале «Век XX и мир».

Другой «круглый стол», в котором я принял участие, состоялся в ноябре по инициативе «Огонька». Тема – «Политические, культурные и экономические аспекты перестройки». Были американские и советские участники – последние явно выступали на более высоком уровне.

Осенью 1988 года ко мне дважды обращалась редакция «Нового мира» (редактор С. П. Залыгин) с просьбой о поддержке.

В первый раз это был вопрос о публикации «Чернобыльской тетради» Григория Медведева. Я написал предисловие к этой волнующей документальной повести, написанной специалистом-атомщиком, ранее работавшим в Чернобыле и находившимся там сразу после аварии. Публикация встречала очень большое сопротивление со стороны ведомств, причастных к аварии. Я подписал составленное С. П. Залыгиным письмо к М. С. Горбачеву с просьбой о разрешении публиковать повесть. Я обычно редко подписываю документы, составленные не мной, но тут отступил от этого правила, хотя стиль письма был мне совершенно чужд.

Другой раз это было еще более громкое дело – о публикации в «Новом мире» «Архипелага ГУЛАГ» А. И. Солженицына. Залыгин добился разрешения публиковать это главное произведение Солженицына в журнале начиная с январского номера 1989 года.

На обложке одного из осенних номеров при этом предполагалось напечатать соответствующее объявление. Но политическая конъюнктура «в верхах» в который раз изменилась, и от ЦК поступила команда отменить публикацию. Залыгин отказался. Тогда команда была передана непосредственно в типографию, где уже печатали обложки. Большая часть тиража обложек была уничтожена. Таковы нравы «телефонного права». Я тогда подписал совместное письмо от имени Залыгина и моего, адресованное, конечно, опять Горбачеву.

В обоих случаях был, правда далеко не сразу, положительный результат. Произошло ли новое изменение конъюнктуры или сработало наше письмо, вряд ли мы когда-нибудь узнаем.

В середине октября 1988-го ко мне подошел Е. Л. Фейнберг и сказал, что по просьбе Сагдеева он хочет обсудить со мной, согласен ли я стать членом Президиума Академии. Он добавил, что Сагдеев почему-то стесняется говорить на эту тему сам. По мнению Е. Л., было бы очень важно, чтобы в Президиум вошел человек, способный удерживать теперешних членов от всяческих их безобразий. Я сказал, что подумаю, но в душе склонялся к тому, что это во всяком случае гораздо важней, чем Фонд, и менее обременительно. Я, конечно, обсудил этот вопрос с Люсей. Она как-то пассивно (но скорей отрицательно) отнеслась к этому и не дала мне определенного совета. На другой день я сказал Е. Л., что был бы согласен. Вскоре после этого позвонил сам Сагдеев, я повторил ему то же самое, он поблагодарил меня за это решение и добавил, что он сам выдвинут в члены Президиума, но в силу ряда причин не может войти в Президиум и хочет предложить мою кандидатуру. Сагдеев не упомянул о Е. Л. Фейнберге, не сослался на него. Через несколько дней, 20 октября, состоялись довыборы членов Президиума, взамен ушедших по возрасту, по списку, составленному Президиумом. Сагдеев отказался от баллотировки и предложил мою кандидатуру, вызвав аплодисменты зала. При этом он поставил в трудное положение другого кандидата в члены Президиума, академика Гапонова-Грехова, который за несколько дней до этого уступил свое место Сагдееву, но совсем не был готов уступить его мне. В результате он до перерыва не отказался (не решился), а после перерыва, когда уже было поздно отказываться, так как были составлены списки и отпечатаны бюллетени, призвал всех вычеркивать его фамилию и голосовать за меня. Свыше 80 человек его не послушались и голосовали против меня. Но все же я получил большинство голосов – числа не помню.

На первом же заседании Президиума, на котором я присутствовал, я «уцепился» за выборы нового директора

Института водных проблем АН СССР. Этот институт и его бывший директор ответственны за многие экологические преступления, и было неясно, какова будет позиция нового директора. По моему предложению Президиум рассмотрел на одном из своих заседаний (к сожалению, без меня) этот вопрос. В дальнейшем я несколько раз пытался добиваться более правильной позиции Президиума в ряде ключевых вопросов – как эколого-экономических, так и организационных. Это были, в частности, два обсуждения вопроса о целесообразности строительства канала Волга – Чограй, о строительстве Крымской АЭС и других особо опасных станций, ряд вопросов выборов директоров институтов АН и, наконец, – выборы от Академии наук народных депутатов. К сожалению, мне не хватает умения организовать поддержку и, в еще большей степени, – информации. Я все же надеюсь, что что-то полезное сумею сделать.

Глава 4
За рубеж

20 октября также, по совпадению, получил разрешение еще один относящийся ко мне вопрос – Политбюро ЦК КПСС отменило запрет на мои поездки за рубеж. В таком решении были крайне заинтересованы Велихов и другие руководители Фонда. Велихов дважды обращался к Горбачеву с письмами по этому поводу и наконец решился напомнить ему об этом лично во время приема президента Бразилии. Горбачев сказал, что вопрос будет поставлен на Политбюро. Но, вероятно, самое главное, что к этому времени по просьбе Велихова Юлий Борисович Харитон дал письменное поручительство за меня (кажется, он потом повторил его устно на заседании Политбюро 20 октября). Я не знаю, что именно написал Ю. Б. в своем поручительстве – то ли что я не могу знать ничего, что представляет интерес после 20 лет моего отстранения от секретных работ, то ли что я человек, которому безусловно можно доверять и который никогда ни при каких условиях не разгласит известных ему тайн. Во всяком случае, поручительство возымело свое действие. Это необычное действие Харитона безусловно было актом гражданской смелости и большого личного доверия ко мне.

6 ноября я впервые в своей жизни выехал за рубеж для участия в заседании Совета директоров Фонда. Меня также использовали для многочисленных выступлений на собраниях потенциальных или реальных донаторов Фонда. Визнер придавал особое значение такого рода деятельности. Фонд крайне нуждался в материальной поддержке (ведь он со своими дорогостоящими поездками через океан постоянно находится на грани банкротства) и не менее – в моральной поддержке. Мне многие говорили, что весь авторитет Фонда основывается на моем личном участии в нем. Было также много встреч по ранее полученным мною приглашениям, по моей инициативе и встреч с государственными деятелями. В эту первую поездку я поехал без Люси. Мы многократно ранее заявляли, что не претендуем на совместную поездку – чтобы не затруднять принятия решения обо мне. Сейчас мы не могли отступать от своих слов. Кроме того, Люсе было необходимо поработать над ее второй книгой. После моего отъезда несколько дней ей пришлось пробивать поездку правозащитной группы (Ковалева, Чернобыльского и др.). Сотрудники Московской конторы Фонда оказались совершенно неспособными к подобного рода несложной организационной

деятельности.

Сразу по прибытии в Нью-Йорк, а затем в Бостон меня встретили толпы корреспондентов с лампами-вспышками и микрофонами. На пресс-конференции в Бостоне я говорил о противоречивом характере происходящих в нашей стране процессов, об августовских указах, о дефектах реформы Конституции и выборной системы. Я также говорил о крымских татарах, о Нагорном Карабахе, об оставшихся в заключении узниках совести – Мейланове, Кукобаке (теперь они на свободе). Все эти темы потом вошли в большинство моих публичных выступлений в эту и следующую зарубежные поездки. На фондовых встречах я говорил о своих сомнениях относительно Фонда (выступая в Метрополитен-Музеум, я сравнил Фонд с многоножкой из известной притчи, у которой так много ног – я имел в виду директоров и аппарат – что она не знает, с какой ноги начать, и поэтому не может сдвинуться с места; к слову сказать, в Метрополитен в это время как раз проходила замечательная выставка Дега, и нам с Таней показали ее). Визнер был очень разочарован тем, что я недостаточно рекламирую Фонд. Но я не мог говорить не то, что думаю. Велихов и Визнер рассчитывали собрать несколько миллионов долларов, до 10. Собрали очень мало, менее миллиона, и я был, видимо, плохой приманкой для донаторов. Заседание Совета директоров тоже разочаровало меня. Там не было никаких ярких тем или обсуждений. Единственная новая тема – о создании устройства для уничтожения ракет с ядерными зарядами, если обнаружится, что они запущены по ошибке. Но это тема не для финансируемых Фондом исследовательских групп, а для дипломатов и научно-конструкторских бюро, занимающихся ракетами, их управлением и средствами связи с ними. На заседании был решен вопрос о создании Группы проекта для рассмотрения проблем свободы передвижения и свободы убеждений в СССР и США и пенитенциарной системы в СССР, США и Швеции. Как я уже писал, меня удручает сугубо академический характер этих работ в сочетании с торжественным преувеличением их значения. Может быть, я чего-то не понимаю? В моих встречах с государственными деятелями – Рейганом, Бушем (тогда вновь избранным президентом), Шульцем, Маргарет Тэтчер – тоже было много вопросов о правах человека. Похоже, что я пожинаю плоды собственной активности в семидесятые – восьмидесятые годы. Вполне законным был вопрос об условиях проведения в СССР международной конференции по правам человека. Этому, в основном, были посвящены встречи с Шульцем и Маргарет Тэтчер. Но эти встречи проходили до новых событий в СССР, в

особенности до ареста членов комитета «Карабах». Правда, еще через полгода их освободили (до суда) из-под стражи. Эти изменения наглядно показывают противоречивость и малую предсказуемость происходящих в нашей стране процессов, необходимость осмотрительности, в особенности при принятии долгосрочных решений.

Рейган произвел на меня впечатление обаятельного человека. Я пытался говорить с ним о проблеме СОИ в широком аспекте проблем международной стратегической стабильности и общих перспектив разоружения. Мне кажется, что Рейган как-то отключался от моих аргументов и повторял то же самое, что он всегда говорит, – что СОИ сделает мир более безопасным. К сожалению, то же самое я услышал от Теллера. Я встречался с ним в день его юбилея. Минут тридцать мы поговорили с ним до начала торжественного заседания в огромном зале, где множество людей в парадных туалетах уже собрались за столиками, готовые слушать ораторов. Теллер сидел в глубоком мягком кресле в полумраке. Я сказал несколько слов о параллелях в нашей судьбе, о том уважении, которое я чувствую к нему за занимаемую им принципиальную позицию, вне зависимости от того, согласен я с ним или нет. Потом я это повторил в публичном выступлении другими словами. Теллер заговорил о ядерной энергетике – тут у нас не было разногласий, и мы быстро нашли общий язык. Я навел разговор на СОИ, поскольку именно ради выяснения глубинных основ его позиции в этом вопросе я приехал. Как я понял, основное, что им движет, – принципиальное, бескомпромиссное недоверие к СССР. Технические задачи всегда могут быть решены, если возникает настоятельная необходимость. Сейчас стала в повестку дня задача создания системы защиты от советских ракет, и она может и будет решена. Щит лучше, чем меч. За всем этим стоит подтекст: мы должны сделать такую защиту первыми – вы пытаетесь нас запутать, отвлечь в сторону, сбить с правильного пути и сами втихомолку делаете то же самое уже много лет. У меня уже не было времени отвечать – нас позвали в зал. Теллеру было трудно идти, кто-то его поддерживал. В зале меня ждала Таня, она сказала: «У вас на выступление только 15 минут, иначе мы опоздаем на последний шаттл». Я действительно уложился в 15 минут: 5 минут о судьбе и принципиальности, вспомнил, что Теллер поддерживал Сцилларда в вопросе о Хиросиме; 5 минут о роли идеи гарантированного взаимного уничтожения; 5 минут о военно-экономической и технической бесполезности СОИ, о том, что она только поднимает порог стратегической стабильности в сторону больших масс оружия.

Я также сказал, что СОИ провоцирует переход неядерной войны в ядерную, что она увеличивает неопределенность стратегической и научно-технической ситуации и тем способствует возможности трагически опасных действий – от авантюризма или от отчаяния, что она затрудняет переговоры о разоружении. По окончании выступления Таня и Рема схватили меня под руки и буквально выволокли из зала. Я только успел попрощаться с Теллером и помахать рукой залу. Потом какая-то газета писала, что Сахарова уволокли приставленные к нему агенты КГБ. При выходе из зала меня приветствовал военный в парадной форме, весь в орденах и аксельбантах, пожелал успеха. Я чуть было не ответил ему тем же. Это был генерал Абрахамсон, руководитель программы СОИ.

При встрече с Бушем я говорил о том, как важно, если США примут доктрину отказа от применения ядерного оружия первыми. СССР при этом тоже должен будет подтвердить в законодательном, конституционном порядке свой прежний отказ. При этом возникнет гораздо большее доверие и создадутся предпосылки для достижения стратегического равновесия в области обычных вооружений. Сейчас наличие ядерного оружия, которое якобы может быть в случае необходимости применено первым, создает только иллюзию безопасности. Ядерная война – самоубийство человечества, и никто не решится ее начать, ведь ясно, что при вступлении на этот путь неизбежна эскалация, остановить ее будет невозможно. Нельзя угрожать тем, что никогда не будет применено. Но иллюзия ядерной безопасности от гарантированного уничтожения имеет и другую сторону. У Запада нет достаточного внимания к обычным вооружениям. Буш достал из кармана групповую семейную фотографию – люди разных поколений на каких-то скалах на берегу моря. Он сказал: «Вот гарантия того, что мы никогда не применим ядерное оружие первыми. Это – моя семья: жена, дети, внуки. Я не хочу, чтобы они погибли. Такого не хочет ни один человек на Земле». Я: «Но, если вы исходите из того, что не будете первыми применять ядерное оружие, об этом необходимо официально заявить, закрепить в законе». Буш промолчал.

Я не перечисляю всех других встреч и бесед в Вашингтоне и Нью-Йорке – их было много. Упомяну лишь беседу в Институте Кеннана, которую вел П. Реддавей.

Вторую часть своего срока пребывания в США я пытался избегать официальных встреч, поочередно жил в домах Тани-Ремы и Лизы-Алеши в Ньютоне и Вествуде (около Бостона), общался с детьми и внуками. Я впервые увидел дочь Лизы и Алеши Сашу. Она мне очень понравилась – живая, умная, смелая

и в то же время ласковая. Появление Саши, напомню читателю, стало возможным в результате борьбы за приезд к мужу ее будущей мамы (можно ли так сказать? будущей ведь была Саша).

Я за эту вторую («тихую») часть своего пребывания в США много работал над книгой – я надеюсь, что в какой-то мере приблизил ее затянувшийся выход в свет. Встречался с людьми из Эмнести, дал им телеинтервью о смертной казни.

В это время вновь обострились азербайджанско-армянские проблемы. Начались погромы и насилия в Кировабаде. Ситуация там была ужасающей – сотни женщин и детей скрывались в церкви, которую с трудом обороняли солдаты, вооруженные лишь (так писалось в сообщениях) саперными лопатками. Солдатам действительно было трудно, и вели они себя героически. Среди них были погибшие. Вскоре поступили сообщения о большом числе убитых армян. Как потом выяснилось, сообщения поступали от одного человека, не вполне точного и ответственного, скажем так. Но в Москву они поступали уже по разным каналам и выглядели как независимые и достоверные. Люся, поверив этим сообщениям (да и трудно было не поверить), передала по телефону их мне в США, и я использовал сообщенные цифры в телефонограмме Миттерану (он как раз приехал в Москву с официальным визитом, и я звонил ночью во французское посольство) и в публичном заявлении. Это была одна из нескольких допущенных мною в последние годы досадных ошибок. Конечно, не надо было, по крайней мере, использовать конкретные цифры.

В первые дни декабря в США приехал М. С. Горбачев. Он выступил на Генеральной Ассамблее с большой речью, в которой сообщил о решении советского правительства сократить свои вооруженные силы на 10% и вывести часть войск из Восточной Европы. Это, конечно, было необычайно важное заявление, акт большой государственной смелости. Вместе с тем я продолжаю думать и настаивать, что вполне возможно гораздо большее сокращение армии (с несравненно большими внешне- и внутриполитическими последствиями) – на 50%, причем реальное сокращение такого масштаба возможно лишь в результате уменьшения срока службы в армии.

Сегодня, когда я пишу эти строчки, поступило сообщение о том, что Верховный Совет принял решение отозвать из армии студентов, призванных со второго курса в прошлом году (в этом году уже не призывали)1. Это очень радостное известие. Среди демобилизованных будет мой племянник Ваня Рекубратский, сын Маши.

7 декабря, в дни пребывания Горбачева в США, произошло

ужасное несчастье – катастрофическое землетрясение в Армении, сопровождавшееся огромными человеческими жертвами и разрушениями. Горбачев прервал свою поездку и вскоре из Москвы вылетел в район бедствия.

В те же дни, а именно 8 декабря, я должен был по приглашению Миттерана лететь в Париж, на торжественную встречу, посвященную 40-летию Всеобщей Декларации прав человека. Я заранее, еще 7-го числа, узнав от Люси по телефону о землетрясении, написал обращение с призывом о международной помощи Армении, раздавал его корреспондентам в аэропортах и зачитывал на пресс-конференциях. Я прилетел в Париж утром 9 декабря (вместе с Эдом Клайном и его женой Джилл). Вечером туда же прилетела Люся из Москвы по приглашению жены президента Даниэль Миттеран. До ее приезда я успел дать краткое интервью в аэропорту, потом состоялась пресс-конференция в советском посольстве (я согласился на ее проведение еще в США, по телефону) и вечером телеинтервью по популярной французской телепрограмме Антенн-2. Еще в аэропорту меня встретила Ирина Алексеевна Иловайская-Альберти, редактор «Русской мысли». Люся ее знала еще с 1975 года и была с ней в очень хороших отношениях. Я познакомился с Ириной Алексеевной в США, куда она специально приезжала. Впоследствии, когда я узнал ее ближе, я тоже вполне оценил ее. Я пригласил Ирину Алексеевну присутствовать на пресс-конференции – она пошла туда, заметив, что впервые идет в советское посольство. На пресс-конференции я был в центре внимания, но кроме меня там был Бурлацкий и кто-то из его группы – они тоже приехали на 40-летие Всеобщей Декларации. Я говорил то же самое, что всегда, быть может даже чуть-чуть резче, чем обычно. Я говорил, что сотрудничество Запада с СССР должно вестись с открытыми глазами, с тем чтобы оно способствовало перестройке и поддерживало новые силы. Тут произошел такой эпизод. Бурлацкий, как бы резюмируя мое выступление, сказал, что Запад должен поддерживать перестройку всеми средствами безусловно. Мне пришлось перебить его и сказать, что смысл моего выступления прямо противоположный – никакой (долгосрочной) безусловной поддержки, только такая политика, при которой ясно, что поворот от перестройки будет означать конец сотрудничества Запада и нашей страны. Из группы Бурлацкого выступал какой-то медик и говорил страшные вещи про нашу педиатрию – большая детская смертность, отсутствие лекарств, хороших больниц, одноразовых шприцев и т. п. На пресс-конференции мне был задан вопрос об использовании в СССР психиатрии в политических целях. Отвечая на этот вопрос,

я, в частности, обращаясь к редактору «Русской мысли» (в этой газете были по этому поводу напечатаны два письма Подрабинека), сказал, что в моей статье в сборнике «Иного не дано» есть неудачная формулировка: не имея точной и представительной статистики, я не должен был утверждать (основываясь лишь на личном впечатлении и личном опыте), что большинство людей, преследуемых по политическим причинам, не являются здоровыми. Эта моя фраза – ошибка.

На следующий день была большая официальная программа. Мы с Люсей имели содержательные, неформальные беседы с премьером Франции и президентом. Нас принимали как гостей Республики – так нам объяснили – с исполнением «Марсельезы» и великолепием церемониала. Трудно было сохранить достаточно важный вид, когда нас вели между двумя рядами гвардейцев в парадной форме, с обнаженными палашами, опущенными к нашим ногам. Основными темами бесед были – трагедия Армении и важность международной помощи, проблема Нагорного Карабаха, вопрос о судьбе иракских курдов. Последний вопрос мы считали необходимым обсуждать, так как знали, что Ирак направил часть своих военных сил, освободившихся после прекращения военных действий ирано-иракской войны, против курдов. В особенности нас волновали сообщения о применении против курдских деревень отравляющих веществ. Мы говорили о курдской проблеме во Франции, учитывая ее тесные связи с Ираком. Премьер-министр Рокар и президент Миттеран подтвердили, что правительство Франции озабочено событиями в иракском Курдистане. Правда, Рокар выражал сомнения в точности сообщений о применении отравляющих веществ (Миттеран – нет). Рокар сказал, что проблема является очень деликатной, затрагивает сложные международные отношения и интересы. Лидер иракских курдов Барзани-младший (сын известного в прошлом лидера) во время войны якобы сотрудничал с Ираном. Рокар и Миттеран заверили нас, что вопрос находится в центре внимания, уже принято (или готовится – не помню) решение о приостановке военной помощи Ираку. Что касается других санкций, то это дело очень сложное, неоднозначное по своим последствиям. Разговоры продолжались во время обеда у Миттерана и во время ужина после торжественной церемонии во дворце Шайо. На ужине я сидел с госпожой Даниэль Миттеран – она говорила о своих планах помощи жертвам землетрясения и беженцам армяно-азербайджанского конфликта. Люся сидела между Миттераном и Генеральным секретарем ООН Пересом де Куэльяром. Она пыталась использовать предоставившуюся ей возможность

контакта с Генеральным секретарем ООН для разъяснения ему армяно-азербайджанских проблем. Переводчица находилась около меня, так что Люсе пришлось изъясняться по-английски самой, и она после мне сказала, что безумно устала за эти полтора часа. В конце ужина Перес де Куэльяр и Люся подошли к нашему столу, и Куэльяр сказал, что, если бы он знал об армянских проблемах то, что рассказала ему моя жена, он мог бы поставить эти вопросы перед Горбачевым во время их встреч в Нью-Йорке. Но он ничего не знал. Позже Алеша высказал некоторые сомнения относительно его незнания, так как незадолго до этого Генеральному секретарю были посланы армянскими организациями в США материалы о Нагорном Карабахе.

Еще до приезда Люси я вместе с Эдом и Джилл и приставленными ко мне сотрудниками французских сил безопасности совершил небольшую поездку по Парижу. Мы видели Собор Парижской богоматери, зашли внутрь. Это действительно удивительное создание человеческого труда и духа. Можно представить себе, что чувствовал человек XII или XIII века, входящий под эти великолепные, вознесенные ввысь своды, так отличающиеся от того, что окружает его в повседневной жизни. Конечно, мы все в детстве читали Гюго, и образы его книги тоже присутствуют в нашем воображении.

11 декабря мы с Люсей продолжили осмотр Парижа. Люся в 1968 году провела в Париже около месяца, она была одна и свободно ходила, где хотела. Сейчас у нас не было и малой доли тех возможностей, больше же всего сковывало наличие «секьюрити». Все же мы поднялись на Монмартр, посмотрели церковь Сакре-Кэр и видели знаменитых уличных художников. Хотели спуститься на Пляс Пигаль и купить там чулки с люрексом (я говорю в шутку – с люэсом) для наших московских девиц-модниц, но «секьюрити» не разрешили, опасаясь большой толпы и уголовников. Действительно, когда мы проходили по соседней улице, в подворотне мы видели весьма специфическую группу молодых людей со злыми, наглыми лицами, с руками в карманах, где вполне можно было предполагать все что угодно – кастет, свинчатку, складной нож с пружиной. Чулки мы купили в безумно дорогом магазине и не совсем такие, как хотели. Проезжая по улице, где расположены секс-магазины и кинотеатры, демонстрирующие картины соответствующего содержания, мы вдруг увидели в окно машины мирно идущую по тротуару знакомую пару. Это были Булат Окуджава с женой. Потребовалось приехать в Париж, чтобы их увидеть... Мы пообедали в итальянском ресторанчике с Ирой Альберти и

Корнелией Герстенмайер, которая специально приехала из ФРГ, чтобы нас повидать (я видел ее впервые). К слову сказать, мы выяснили, что цены во Франции, вообще говоря, выше, чем в США, и это не компенсируется уровнем зарплаты. В дни нашего пребывания в Париже на всех улицах города были страшные пробки. Причина – забастовка работников метро; все, кто обычно им пользовался, ехали на собственных машинах. Нас выручала полиция сопровождения – бравые мотоциклисты с жезлами, которые на большой скорости лавировали между машинами, наклоняясь иногда больше чем на 45 градусов.

Вечером мы встретились с нашими друзьями – французскими учеными (в основном, математиками и физиками) в доме одного из них, не помню кого именно. Приехал также Юра Орлов. Вероятно, французы больше других помогали нам в наши трудные годы – я глубоко им благодарен. Квартира, в которую нас привезли, находилась на пятом или шестом этаже старого парижского дома. Было приятно оказаться там среди друзей. Мы очень интересно поговорили «за жизнь», т. е. о положении в Советском Союзе и «куда мы идем». Когда расходились уже поздно ночью, Юра сказал: «Мне приятно, что мои представления оказались не совсем оторванными от действительности». В этот же (или следующий) вечер мы встречались с Володей Максимовым. Он, как всегда, в пылу борьбы с «носорогами» и их пособниками и пособниками пособников. Зашла речь о Горбачеве. Володя сказал: «Его «вычислило» КГБ, учитывая его положительные и отрицательные качества. Сейчас Горбачеву нет альтернативы, и мы обязаны с этим считаться». Состоялись у нас также встречи с Лехом Валенсой, с министром Франции по правам человека и с Гарри Каспаровым.

Глава 5
Азербайджан, Армения, Карабах

13 декабря мы вылетели в СССР. В Москве к нам пришла группа ученых, имея на руках проект разрешения армяно-азербайджанского конфликта. Это, конечно, сильно сказано, но, действительно, у них были интересные, хотя и далеко не бесспорные идеи. Они – это три сотрудника Института востоковедения (Андрей Зубов и еще двое, фамилии которых я не помню). Вместе с ними пришла уже знакомая нам Галина Васильевна Старовойтова, сотрудница Института этнографии, давно интересующаяся межнациональными проблемами. Зубов, развернув карту, изложил суть плана. Первый этап: проведение референдума в районах Азербайджана с высоким процентом армянского населения и в районах Армении с высоким процентом азербайджанского населения. Предмет референдума: должен ли ваш район (в отдельных случаях сельсовет) перейти к другой республике или остаться в пределах данной республики. Авторы проекта предполагали, что примерно равные территории с примерно равным населением должны будут перейти в подчинение Армении из Азербайджана и в подчинение Азербайджану из Армении. Они предполагали также, что уже само объявление этого проекта и обсуждение его деталей повернет умы людей от конфронтации к диалогу и что в дальнейшем создадутся условия для более спокойных межнациональных отношений. При этом они считали необходимым на промежуточных этапах присутствие в неспокойных районах специальных войск для предупреждения вспышек насилия. От Азербайджана к Армении, по их прикидкам, должны бы, в частности, отойти область Нагорного Карабаха, за исключением Шушинского района, населенного азербайджанцами, и населенный преимущественно армянами Шаумяновский район. Мне проект показался интересным, заслуживающим обсуждения. На другой день я позвонил А. Н. Яковлеву, сказал о том, что мне принесли проект, и попросил о встрече для его обсуждения. Встреча состоялась через несколько часов в тот же день в кабинете Яковлева. Я за вечер накануне подготовил краткое резюме достаточно пухлого и наукообразного текста проекта трех авторов. Именно мое резюме я первым делом дал прочитать Яковлеву. Он сказал, что как материал для обсуждения документ интересен, но безусловно при нынешних крайне напряженных национальных отношениях совершенно

неосуществим. «Вам было бы полезно съездить в Баку и Ереван, посмотреть на обстановку на месте...» В это время зазвонил телефон. Яковлев взял трубку и попросил меня выйти к секретарю. Через 10–15 минут он попросил меня вернуться в кабинет и сказал, что говорил с Михаилом Сергеевичем – тот так же, как и он, считает, что сейчас невозможны какие-либо территориальные изменения. Михаил Сергеевич независимо от него высказал мысль, что будет полезно, если я съезжу в Баку и Ереван. «Практически вы могли бы взять кого-либо из вашей «Народной трибуны» (Яковлев нарочно перепутал название) и кого-то из авторов проекта». Я сказал, что я хотел бы в качестве члена делегации иметь мою жену, остальные фамилии я согласую. Если нам будут оформлены командировки, мы могли бы выехать очень быстро. «Конечно, конечно. Резюме, я понял по приписке о комитете «Карабах», писали вы?» – «Да». Речь в приписке шла о членах комитета «Карабах», арестованных в Армении. Как известно, этот Комитет был создан в Ереване для организации поддержки требований армян Нагорного Карабаха и приобрел огромное влияние в республике; фактически именно он проводил грандиозные митинги и, когда выявилась односторонняя, проазербайджанская позиция центрального руководства, участвовал в организации забастовок. В ноябре, когда в ответ на действия Азербайджана началось изгнание азербайджанцев из Армении, члены комитета «Карабах» удерживали людей от эксцессов; там, где они на местах были вовремя, не было ни избиений, ни убийств. В первые часы и дни после землетрясения, в обстановке всеобщей растерянности Комитет сделал очень много для организации спасательных работ, для помощи пострадавшим. Только Комитет не забыл о деревнях и стал посылать туда помощь. Характерен рассказ одного из моих сослуживцев. Его сын, студент, вместе со многими товарищами с первых часов трагедии добивался возможности выехать в Армению для участия в спасательных работах, но им отвечали, что там и так слишком много народу (то же самое происходило в Харькове, Киеве и других городах). Они связались с членами Комитета в Москве и все же выехали с их помощью. Получилось так, что сын моего сослуживца лично участвовал в спасении трех засыпанных в Спитаке; участники спасательных работ все с горечью говорили, что, если бы помощь была организована раньше и правильно, тысячи людей были бы спасены. Поездка Горбачева в район бедствия не прошла гладко. Ему пришлось выслушать много упреков от несчастных, доведенных до последней степени горя и отчаяния людей, которым уже больше нечего было терять. Он, возможно, считал,

что трагедия землетрясения снимет карабахский вопрос, но этого, конечно, не произошло. К сожалению, реакция Горбачева была слишком раздраженной (я бы даже сказал – инфантильно-обидчивой) и недостаточно тактичной в этих трагических обстоятельствах. Он раздраженно говорил о каких-то бородачах, но борода в Армении – знак горя. Сразу после его отъезда члены комитета «Карабах» были арестованы. Арест был произведен 10 декабря в Доме писателей Армении, где в это время шла подготовка к отправке посылок для деревень в районе бедствия. Арест членов комитета «Карабах» вызвал огромное волнение и возмущение во всей Армении (даже у тех, кто не согласен с их программой). В дальнейшем очень активна была «Московская трибуна». Первоначально в газетах сообщалось, что причина ареста в том, что их деятельность вносила дезорганизацию в спасательные работы. Потом этот аргумент исчез, стали приводиться другие.

В разговоре с Яковлевым я пытался доказать ему, что освобождение членов Комитета совершенно необходимо для успокоения, насколько это возможно, людей в Армении. Он отвечал, что дело в руках органов правопорядка и что никто не вправе вмешиваться. Я спрашивал об августовских указах о митингах и демонстрациях и полномочиях специальных войск – он пытался их оправдать. Особенно интересной была реакция Яковлева на мой вопрос по поводу поправок к Конституции и нового избирательного закона – почему такая спешка? «Московская трибуна» сформулировала 4 вопроса и предложила провести по ним референдум. Яковлев воскликнул: «Мы не можем тратить время на референдум. Если мы не будем спешить, нас сомнут!» Он не объяснил, кто, но подразумевалось, что правые противники перестройки и Горбачева. Яковлев добавил, что сначала он возражал против некоторых деталей проекта изменений Конституции и выборных правил, но потом согласился с Горбачевым, что на данном этапе, в данной конкретной обстановке наличия правой опасности и недостаточного политического опыта выборов в условиях демократии предложенный Горбачевым путь – единственно возможный. Но, добавил Яковлев, в будущем, несомненно, необходимо многое изменить – это никем не запрещено. В частности, он упомянул двухпалатную систему, прямые выборы президента, правило «один человек – один голос». В заключение беседы Яковлев дал мне оттиск своей речи в Перми, произнесенной несколько дней назад и не напечатанной в центральных газетах. Он, очевидно, хотел, чтобы я понял, что его позиция является наиболее «перестроечной» во всем высшем руководстве.

В состав группы, которой предстояла поездка в Азербайджан и Армению, вошли Андрей Зубов, Галина Старовойтова и Леонид Баткин от «Трибуны», Люся и я. Встреча с Яковлевым состоялась в понедельник. Во вторник мы оформили командировки и получили билеты в кассе ЦК и уже вечером в тот же день (или, может, все же на следующий?) вылетели в Баку.

В Бакинском аэропорту нас встретил президент Академии наук Азербайджана и кто-то из его вице-президентов, кажется директор Института физики. Меня и в Азербайджане, и в Армении по звонку из ЦК формально принимали как гостя Академии, быть может даже с повышенным почетом. Был также представитель военной комендатуры, который оформил нам пропуска для проезда в ночное время в условиях комендантского часа, объявленного во время митингов и волнений в ноябре. Было уже поздно – комендантский час начался. На двух машинах мы поехали по направлению к городу. Наш спутник (директор Института физики) сказал: «9 месяцев у нас было спокойно, но мы в конце концов не выдержали – в ноябре обстановка обострилась и пришлось ввести особое положение и комендантский час. Особенно тщательно охраняются районы с армянским населением». По дороге до гостиницы более 12 раз нас останавливали патрули. Это были стоящие напротив друг друга, один на 5–10 метров дальше другого, танки или боевые машины пехоты, около каждой – группы солдат с автоматами и офицеров, все в касках и в бронежилетах. Офицеры подходили к нам, тщательно проверяли пропуска, потом махали рукой, давая проезд. Солдаты молча стояли рядом. У всех – усталые русские лица, странно много белобрысых парней средней полосы России.

Нас поселили почти единственными постояльцами в большой, явно привилегированной гостинице. Ужинали мы в заново отделанном, сверкающем золотом зале (там же происходили и последующие трапезы, все бесплатно – за счет Академии). На другой день – встреча с представителями Академии, научной общественностью и интеллигенцией. Она произвела на нас гнетущее впечатление. Один за другим выступали академики и писатели, многословно говорили то сентиментально, то агрессивно – о дружбе народов и ее ценности, о том, что никакой проблемы Нагорного Карабаха не существует, а есть исконная азербайджанская территория, проблему выдумали Аганбегян и Балаян и подхватили экстремисты, теперь, после июльского заседания Президиума Верховного Совета, все прошлые ошибки исправлены и для полного спокойствия нужно только посадить Погосяна (нового первого секретаря областного комитета КПСС Нагорного Карабаха). Собравшиеся не хотели

слушать Баткина и Зубова, рассказывавшего о проекте референдума, перебивали. Особенно агрессивно вел себя академик Буниятов как в своем собственном выступлении, так и во время выступлений Баткина и Зубова. (Буниятов – историк, участник войны, Герой Советского Союза, известен антиармянскими националистическими выступлениями; уже после встречи он опубликовал статью с резкими нападками на Люсю и меня.) Буниятов, говоря о Сумгаитских событиях, пытался изобразить их как провокацию армянских экстремистов и дельцов теневой экономики с целью обострить ситуацию. Он при этом демагогически обыгрывал участие в Сумгаитских бесчинствах какого-то человека с армянской фамилией. Во время выступления Баткина Буниятов перебивал его в резко оскорбительной, пренебрежительной манере. Я возразил ему, указав, что мы все – равноправные члены делегации, посланные ЦК для дискуссии и изучения ситуации. Меня энергично поддержала Люся. Буниятов набросился на нее и Старовойтову, крича, что «вас привезли сюда, чтобы записывать, так сидите и пишите, не встревая в разговор». Люся не выдержала и ответила ему еще более резко, что-то вроде «Заткнись – я таких, как ты, сотни вытащила из-под огня». Буниятов побледнел. Его публично оскорбила женщина. Я не знаю, какие возможности и обязанности действовать в этом случае есть у восточного мужчины. Буниятов резко повернулся и, не произнеся ни слова, вышел из зала. Потом, в курилке, он уже с некоторым уважением говорил Люсе: «Хоть ты и армянка, но должна понять, что все-таки ты не права». Конечно, никакого сочувственного отношения к проекту Зубова и других в этой аудитории не могло быть, вообще никакого отношения, просто отрицалось существование проблемы.

В тот же день была не менее напряженная встреча с беженцами-азербайджанцами из Армении. Нас привели в большой зал, где сидело несколько сот азербайджанцев – мужчин и женщин крестьянского вида. Выступавшие, безусловно, были специально отобранные люди. Они рассказывали, один за другим, об ужасах и жестокостях, которым они подвергались при изгнании, об избиениях взрослых и детей, поджогах домов, о пропаже имущества. Некоторые выступали совершенно истерически, нагнетая опасную истерию в зале. Запомнилась молодая женщина, которая кричала, как армяне резали на куски детей, и кончила торжествующим воплем: «Аллах их покарал» (о землетрясении! мы знали, что известие о землетрясении вызвало прилив радости у многих в Азербайджане, на Апшероне даже якобы состоялось народное гулянье с фейерверком). Мы просили выступавших говорить только о том, чему они сами лично были

свидетелями, но бесполезно – атмосфера накалялась все больше. Мы пытались вести диалог с залом, спрашивали – есть ли среди вас желающие вернуться? Дружное нет, не хотим было ответом. Мы спрашивали всех выступающих в этом и в меньшем зале, куда мы вскоре были вынуждены перейти: «Что вы сейчас хотите? Какие у вас трудности?» Типичные ответы – помогите получить компенсацию за пропавшее имущество, за дом, помогите получить документы, которые не смогли взять или пропали при изгнании, помогите с жильем и устройством на работу, помогите найти родственников. Пожилой милиционер просил помощи в оформлении пенсии с учетом тех 35 лет, которые он проработал в Армении (его тоже избивали, по его словам). Очень многие говорили об участии местных армянских властей – милиции, партийных работников – в акциях изгнания, в жестокостях и угрозах. В целом, несмотря на явно подстроенный характер многих рассказов, у нас было несомненное впечатление большой, массовой беды множества людей.

В тот же день у нас состоялась встреча с военным комендантом Баку генерал-лейтенантом Тягуновым. Сам Тягунов имел возможность говорить с нами недолго – менее получаса, из которых он часть потратил на любезности в адрес Гали, после него мы еще столько же говорили с замполитом. До введения особого положения было много эксцессов как в самом Баку, так и в других местах республики. Нам приводили как примеры насилий и жестокости в отношении армян, так и примеры жестокости противоположной стороны по рассказам беженцев. Сейчас в Баку, в основном, спокойно, но работы много, офицеры и солдаты устали спать на броне. Очень напряженно было во время митингов, в которых участвовало до 500 тысяч человек. Митинги шли под антиармянскими и националистическими лозунгами, но были также зеленые мусульманские знамена и панисламские лозунги, портреты Хомейни, правда их было немного. Нам показали красный пионерский галстук, превращенный в косынку с вышитым на ней портретом Хомейни.

Вечером к нам в гостиницу пришли два азербайджанца, которых нам охарактеризовали как представителей прогрессивного крыла азербайджанской интеллигенции, не имевшего возможности выступить на утреннем собрании, и будущих крупных партийных руководителей республики. Наши гости с восторгом говорили о ноябрьских митингах (фактически они продолжались до 5 декабря), об их высокой организованности и народности, о национальном подъеме. Вокруг митингующих стояли две цепи: внутренняя – афганцы (вернувшиеся из Афганистана солдаты) в полной парадной

форме, с орденами на груди, и внешняя – милиция. Было несколько проходов, по которым люди уходили и приходили. Кое-где на площади по шиитскому обычаю резали баранов, горели костры и варился плов. Лозунги, по утверждению наших гостей, в основном были прогрессивные – против коррупции и мафии, за социальную справедливость. Личная позиция наших гостей по острым национальным проблемам несколько отличалась от позиции Буниятова, но не столь кардинально, как хотелось бы. Во всяком случае, Нагорный Карабах они считали исконно азербайджанской землей и с восхищением говорили о девушках, бросавшихся под танки с криком: «Умрем, но не отдадим Карабах!»

На другой день нам устроили встречу с первым секретарем республиканского комитета КПСС Везировым. Большую часть встречи говорил Везиров. Это был некий спектакль в восточном стиле. Везиров актерствовал, играл голосом и мимикой, жестикулировал. Суть его речи сводилась к тому, какие усилия он прилагает для укрепления межнациональных отношений и какие успехи достигнуты за то недолгое время, которое он находится на своем посту. Беженцы – армяне и азербайджанцы – уже в своем большинстве хотят вернуться назад. (Это полностью противоречило тому, что мы слышали от азербайджанцев и, вскоре, – от армян. На самом деле, проблемы недопустимого насильственного возвращения беженцев, их трудоустройства и обеспечения жильем продолжают оставаться очень острыми до сих пор – написано в июле 1989 г.)

Мы спросили его, каково его отношение к нашему проекту. Он сначала высказался отрицательно – никаких проблем нет, все уже решено, ошибки исправляются; потом как бы перестроился и воскликнул: пусть будет один проект, тысяча проектов – мы все их рассмотрим. В конце встречи Люся сказала: «Сейчас у армян, о дружбе с которыми вы говорите, огромная национальная трагедия. Тысячи людей лишились близких, всего необходимого. Само существование нации находится под угрозой. Восточные люди славятся своей широтой, благородством. Так сделайте широкий шаг – отдайте им Нагорный Карабах – как дар другу в беде. Весь мир будет восхищен, на протяжении поколений этот поступок не забудется!» Лицо Везирова сразу изменилось, стало холодным и отчужденным. Он процедил: «Землю не дарят. Ее завоевывают». (Может быть, он добавил: «кровью» – я не утверждаю, что так было сказано.) Мы просили Везирова организовать нам встречу с Панаховым – одним из лидеров на митингах, рабочим. Панахов был арестован, находился под стражей. Везиров сказал, что организация подобной встречи – вне

его компетенции. Мы просили его также дать нам возможность после Азербайджана посетить Нагорный Карабах, с тем чтобы уже потом полететь в Армению. Везиров ответил, что наш полет в Нагорный Карабах из Баку – нежелателен; мы должны прибыть туда из Еревана.

Везиров распорядился обеспечить нам билеты на самолет, и вскоре мы уже прибыли в Ереван. Формально у нас там была программа, аналогичная азербайджанской, – Академия, беженцы, первый секретарь. Но в действительности вся жизнь в Ереване проходила под знаком случившейся страшной беды. Уже в гостинице все командированные были прямо или косвенно связаны с землетрясением. Только накануне уехал Рыжков – он руководил правительственной комиссией и оставил по себе добрую память. Все же, как мы вскоре поняли, в начальный период после землетрясения было допущено много организационных и иных ошибок, которые очень дорого обошлись. Конечно, не один Рыжков в том повинен. Одна из проблем, в которую мне нужно было в какой-то степени войти: что делать с Армянской АЭС? Проблема эта была техническая, сейсмологическая, экономическая – поскольку АЭС играла, к сожалению, важную роль в энергетическом балансе республики и ее энергоподаче в соседнюю Грузию. Это также было острейшей психологической проблемой. Армянский народ находился в состоянии шока, стресса, почти что массового психоза – в результате страшной трагедии землетрясения, на фоне предыдущих драматических событий. Страх аварии АЭС в огромной степени усиливал этот стресс, и его совершенно необходимо было устранить. В холле гостиницы мы встретили Кейлис-Борока, которого я уже знал по дискуссиям о возможности вызвать в нужный момент землетрясение с помощью подземного ядерного взрыва (за 2 месяца до этого я ездил на конференцию в Ленинград, где обсуждался этот вопрос), а также потому, что он был связан по работе с родителями первой Алешиной жены. Кейлис-Борок спешил по каким-то делам, но все же коротко объяснил мне сейсмологическую обстановку как на севере Армении, где проходит один широтный разлом, на пересечении которого с другим долготным разрывом расположен Спитак, так и на юге, где другой широтный разрыв проходит недалеко от АЭС и Еревана. Честное слово, надо быть безумцем, чтобы в таком месте строить АЭС! Но это далеко не единственное безумство ведомства, ответственного за Чернобыль. Все еще не решен вопрос о строительстве Крымской АЭС. В кабинете президента Армянской Академии наук Амбарцумяна я продолжил разговор об АЭС с участием Велихова и академика Лаверова. При беседе

присутствовала Люся. Велихов сказал: «При остановке АЭС решающая роль перейдет к электростанции в Раздане. Но там тоже сейсмический район и возможно землетрясение с выходом станции из строя». Люся спросила: «Сколько времени потребуется, чтобы вновь запустить в этом случае остановленные реакторы АЭС?» Велихов и Лаверов посмотрели на нее, как на сумасшедшую. Между тем ее вопрос был не бессмысленным. В острых ситуациях пересматриваются границы дозволенного – Люся знала это из своего военного опыта.

На заседании в Академии проект, доложенный Зубовым, не имел сколько-нибудь заметной поддержки. Уже передача Азербайджану района Шуши (населенной азербайджанцами части НКАО, на самом деле оставление ее в пределах Азербайджана) вызвала серьезные возражения присутствующих. Армяне говорили, что в трагической ситуации, в которой оказался народ, все так же критически важен вопрос об Арцахе (армянское название Нагорного Карабаха), но нельзя даже ставить вопрос о передаче Азербайджану каких-то других территорий. Лишь Амбарцумян говорил о необходимости искать компромиссы. Все говорили о недопустимости ареста членов комитета «Карабах», о том, что их немедленное освобождение во многом будет способствовать снятию напряжения в стране. Очень хорошо и эмоционально выступила Сильва Капутикян, армянская поэтесса, давняя знакомая Люси. Говорили о необходимости закрытия АЭС, о сейсмической опасности в Ереване. В конце собрания меня провели в заднюю комнату, где я имел возможность встретиться с одним из активных членов комитета «Карабах» Р. Казаряном. Он физик, член-корреспондент Академии, уже немолодой человек. Был арестован вместе со всеми 10 декабря, но затем отпущен с подпиской о невыезде. Через несколько дней после нашего разговора вновь арестован. Он рассказал о позиции и работе Комитета, особенно после землетрясения. Казарян особенно убедительно высказался по поводу обвинений в адрес комитета «Карабах», который якобы стремится к захвату власти и отстранению существующих органов власти: «Неужели можно поверить, что мне или другим, имеющим интересную работу и отложившим ее временно в сторону ради интересов нации, может даже прийти в голову мысль добиваться власти?». Баткин и Старовойтова вечером того же дня сумели тайно встретиться с лидерами «Карабаха», находившимися в подполье. Это был целый детектив с паролями, явками, переходами по тайным проходам. Их впечатления не отличались от моих, вынесенных из беседы с Казаряном, но были более детальными.

В это время мы – Зубов, Люся и я – встречались с беженцами.

Их рассказы были ужасными. Особенно запомнился рассказ русской женщины, муж которой – армянин, о событиях в Сумгаите. Проблемы беженцев были аналогичны проблемам азербайджанцев: жилье, работа, которая оказалась невозможна без прописки, брошенные квартиры, утерянные документы, пропавшее имущество. Пожалуй, проблемы были еще более болезненными из-за одновременного потока беженцев из района бедствия, а также потому, что большинство среди беженцев составляли городские жители. Никто из них не хотел возвращения в Азербайджан – сама мысль оказаться вновь в атмосфере ненависти и насилия, угроз и реальной опасности для жизни взрослых и детей была непереносимой. На другой день я встретился с первым секретарем ЦК Армении1 Арутюняном. Он не стал обсуждать проект. Разговор шел о беженцах, о том, что якобы некоторые готовы вернуться (я отрицал это), о трудностях устройства их жизни в республике после землетрясения. Арутюнян также говорил об актах бесчинств и убийствах в районах, где проживают азербайджанцы, называл цифру 20 или 22 убитых азербайджанца, не считая 8 человек (целая семья с детьми), которые замерзли на перевале, так как шли без теплой одежды. Все эти эксцессы произошли в конце ноября, когда хлынул поток беженцев из Азербайджана. При разговоре присутствовал Баталин (член правительственной комиссии). Я поднял вопрос об АЭС. Я также (или вернувшись в Москву, или, наоборот, до поездки – не помню) позвонил академику А. П. Александрову и просил при решении вопроса об Армянской АЭС учесть мое мнение о необходимости ее остановки. На беседе с Арутюняном был только я, без Люси и других. Около 12 дня мы все пятеро вылетели в Степанакерт (Нагорный Карабах), к нам также присоединились Юрий Рост (фотокорреспондент «Литературной газеты», с которым у нас установились хорошие отношения) и Зорий Балаян (журналист, один из инициаторов постановки проблемы Нагорного Карабаха).

В Степанакерте нас у трапа самолета встретил Генрих Погосян, первый секретарь областного комитета КПСС (это его хотели арестовать азербайджанские академики), человек среднего роста, с очень живым смуглым лицом. На машине он отвез нас в здание обкома, где мы встретились с Аркадием Ивановичем Вольским, в то время уполномоченным ЦК КПСС по НКАО (после января – председатель Комитета Особого Управления). Вольский кратко рассказал о положении в НКАО. Он сказал: «В 20-х годах были сделаны две большие ошибки – создание Нахичеванской и Нагорно-Карабахской автономных национальных областей и их подчинение Азербайджану. Из Нахичевани вышла вся алиевщина,

которая овладела рычагами власти в Азербайджане. Нагорный Карабах стал неразрешимой проблемой для живущего здесь населения». Он рассказал о столкновениях азербайджанцев и армян, о фактической блокаде армянских районов, о продовольственных трудностях (перекрывалась даже вода, источники которой находятся в азербайджанском районе Шуши), о том запустении, которое возникло в Шуше после того, как оттуда летом 1988 г. были изгнаны армяне – строители, мастера. (В начале века Шуша была третьим по значению городом Закавказья, теперь это захолустная деревня.) Мы встречались с представителями армян и азербайджанцев в Степанакерте и в Шуше – эти встречи были во многом похожи на аналогичные встречи в Ереване и Баку. Перед выездом в Шушу Вольский спросил меня и Люсю, не откажемся ли мы от этой поездки: «Там неспокойно». Мы, конечно, не отказались. Вольский сел с нами в одну машину, мы сидели втроем на заднем сиденье, а рядом с водителем – вооруженный охранник. Баткин и Зубов поехали в другой машине, тоже с охраной; Старовойтову и Балаяна Вольский не взял как слишком «одиозных». У здания райкома, когда мы уезжали, толпилась группа возбужденных азербайджанцев. Вольский вышел из машины, сказал несколько слов и, видимо, сумел успокоить людей. Во время самой встречи Вольский умело направлял беседу и сдерживал страсти, иногда напоминая азербайджанцам, что они не без греха (например, напомнил о том, как женщины забили палками одну армянку, но этому делу не было дано хода; была еще страшная история, как мальчики 10–12 лет пытали электрическим током в больнице своего сверстника другой национальности и как он выпрыгнул в окно). Люся в начале встречи сказала: «Я хочу, чтобы не было неясностей, сказать, кто я. Я жена академика Сахарова. Моя мать – еврейка, отец – армянин» (шум в зале; потом одна азербайджанка сказала Люсе: «Ты смелая женщина»). Люся также сказала, говоря об истории мальчиков: «Я не знаю, кто больше жертва в этой истории – тот, которого пытали, или те, которые пытали. Ужасно, что межнациональная ненависть переходит детям и уродует их души».

Мы совершили поездку в район Топханы, где якобы армяне стали уничтожать священную заповедную рощу и строить экологически опасный завод. Эта провокационная выдумка была напечатана в азербайджанских газетах и вызвала в октябре – ноябре новое обострение азербайджанско-армянских отношений. Мы увидели красивые холмы, справа – дачи азербайджанского начальства. Все эти годы большие начальники (и академики в их числе) проводили тут свои отпуска. Это и была их заповедная

роща, ради которой они готовы стоять насмерть (не свою, разумеется). Прямо перед нами был большой холм, без всякой рощи, на котором предполагалось построить лагерь для детей работников небольшого штамповочного заводика, расположенного далеко внизу в долине. Ни в настоящем, ни в будущем не было и речи ни о чем-то экологически вредном, ни о порубке отсутствующей рощи. Горный воздух, огромный кругозор были, однако, великолепны. Люся высказала мысль, что тут разумнее всего устроить всесоюзный или международный центр для детей-астматиков, реабилитационный центр для детей, пострадавших при землетрясении, а также, возможно, сеть санаториев для взрослых. Все это могло бы быть создано с международной помощью, так щедро поступающей в Армению, дало бы работу и армянам, и азербайджанцам, подняло бы экономику района, сняло бы остроту национальных проблем.

Когда мы прощались с Вольским, он еще раз сказал, что единственным приемлемым выходом из положения является введение особой формы управления, а также совершенно необходима борьба с мафией. Он сказал: «Мафия интернациональна. Они легко находят друг с другом общий язык» (он имел в виду азербайджанцев и армян). Он добавил, что в Азербайджане капитал подпольной экономики составляет 10 млрд. рублей, в Армении – 14 млрд. Его помощник, уже без Вольского, заметил, что, по его мнению, освобожденные члены комитета «Карабах» могли бы способствовать устранению мафии из партийно-государственной структуры Армении.

Вечером того же дня в общежитии шелкоткацкой фабрики, где нас поселили, мы встретились с местными руководителями, входящими в «Крунк» (по-армянски «журавль» – символ стремления на родину; комитет «Карабах» в Армении – организация, параллельная «Крунку» в Нагорном Карабахе). За ужином они говорили, какие большие опасения вызывает у них план создания особой формы управления. Комитет отстранит все ныне существующие партийные и государственные структуры, но неясно, сможет ли он при этом противостоять давлению Азербайджана. Нельзя также допустить отделения от Нагорного Карабаха Шуши.

Утром мы вылетели в район бедствия. Первоначально предполагалось, что мы на самолете вылетим в Ленинакан, а оттуда поедем на машинах в Спитак. Но в Ленинакане по погодным условиям посадка самолета была невозможна, и план пришлось изменить. Мы долетели до Еревана и там прямо на аэродроме пересели на вертолет для полета в район бедствия. Люся и я первый раз в жизни летели на этой удивительной

машине, как бы пришедшей со страниц научно-фантастических повестей. Но сейчас это была реальность, и к тому же трагическая. Мы подождали 15–20 минут, пока студенты-добровольцы, работавшие на аэродроме, загрузили вертолет ящиками с продовольствием и теплыми вещами. Мы взяли курс на Спитак. Незаметно влетели в зону землетрясения. По снегу кое-где прошли полосы, под которыми скрыты трещины. Вдруг я увидел разрушенную деревню. Сверху это выглядело обыденно и не страшно. Нет, очень страшно. Полуразрушенные дома и хозяйственные постройки, все покрыто свежевыпавшим снегом, из-под которого торчат разбросанные, как спички, бревна. Совсем не видно людей.

Мы подлетаем к Спитаку и делаем над ним круг. Внизу видны остовы многоэтажных домов, обрушившихся при землетрясении. На обширных площадях не осталось вообще ни одного целого дома, видны только очертания кварталов, сплошь заполненных обломками. Между кварталами – улицы, большей частью целые. В некоторых местах копошатся группы людей, разбирающих развалины. Их очень мало, на большей части пространства под нами никого нет. В двух-трех местах работают краны. В целом – впечатление смерти и запустения. Вертолет резко разворачивается и летит в сторону деревни, куда мы должны доставить наш груз. Недалеко от города мы пролетели большую деревню, где все разрушено полностью. Балаян говорит: «Это эпицентр землетрясения. 11 баллов. Здесь погибло две с половиной тысячи человек».

Наконец мы у цели. Вертолет опускается на большое заснеженное поле – метрах в 100–150 от разрушенной деревни. Мы видим, как по полю бегут, размахивая руками, какие-то люди. Очевидно, они заметили вертолет еще в воздухе. Впереди бежит несколько вполне крепких на вид мужчин. Вертолетчики разгружают ящики прямо на снег. В это время люди, их уже человек сорок, стоят плотной группой. Прибежавшие первыми мужчины – впереди. Мы заговариваем с некоторыми женщинами. В их деревне, как и повсюду, погибли почти все дети школьного возраста (землетрясение произошло за пять минут до звонка на перемену), в том числе внуки и внучки наших собеседниц. В домах жить нельзя – люди по ночам спят в стогах сена.

В это время вертолетчики, закончив разгрузку, отходят в сторону, и люди с криками, расталкивая друг друга, бросаются к вещам и продуктам. Происходят безобразные сцены, кто-то нахватывает слишком много, кому-то не достается ничего. Наши собеседницы хватают охапки теплых одеял и с хохотом (это слушать ужасно) бегут с ними к деревне. Подъезжает грузовая

машина. Двое здоровых парней забрасывают туда ящики с продуктами. Мы пытаемся их устыдить, и они нехотя отдают ящики, но потом кто-то подает им ящики с противоположного борта. Какой-то мужчина открывает банку с детским питанием (дефицит даже в Москве), пробует пальцем на язык. Ему все это ни к чему, и он отбрасывает банку в снег. Поодаль стоит мужчина с красными от слез глазами. Кто-то из нас говорит ему: «Вы плохо одеты, почему вы не возьмете себе чего-нибудь?» – «Я два дня как похоронил жену, я не могу лезть в драку». И отошел в сторону. Женщина с маленькими детьми, которой ничего не досталось, стала громко матерно ругать начальников и советскую власть. Как сказали вертолетчики, подобные сцены повторяются в каждой деревне ежедневно. «Вас они еще стесняются. Бывают настоящие драки. Нигде нет списков, кто остался в живых, кто в чем нуждается. Начальство растерялось или разбежалось, и само ворует больше всех.» Когда вертолет поднялся в воздух, Балаян, потрясенный увиденным, заплакал.

В Спитаке мы опустились на окраине города. У разрушенного дома работали на разборке студенты-добровольцы из Москвы. Они жили тут же в вагончике. Метрах в ста от них работали солдаты. Они доставали трупы из-под развалин, делая глубокие подкопы. Шел 17-й день после катастрофы. Большая часть засыпанных оставалась еще под развалинами; вероятно, большинство из них погибли сразу, другие еще несколько дней подавали голос, потом голоса затихли. Ужасная смерть. В воздухе чувствовался трупный запах. Солдаты и некоторые студенты работали в защитных масках-фильтрах. Все же несколько дней назад одному из солдат удалось найти живую женщину.

Еще с вертолета мы увидели яркие пятна – разбросанные детские вещи, разноцветные пальтишки, рукавички, портфели и ранцы, школьные тетрадки. Ветер шевелил листки тетрадей, мы прочли в одной из них отметку 5 под домашней или классной работой и дату – 5 декабря 1988 г. Смотреть на это без слез было невозможно. А в нескольких шагах дальше лежали куклы и другие игрушки и опять детские разноцветные вещи. Нам сказали, что в школе и в детском саду, которые тут находились, погибли почти все дети. Люся потом говорила в Ереване, что необходимо собрать эти детские вещи и тетради и, может, устроить что-то вроде музея, а не оставлять их гнить под снегом. Люся зашла в палатку, в которой жили муж и жена. Жену и сына спасли в первые дни грузины из части гражданской обороны, прибывшие под командованием инициативного полковника в первые часы катастрофы. Этого полковника поминают многие добрым словом. Дочь у них погибла. Сына отправили в Грузию

для лечения. Все – и жители, и спасатели – жалуются на плохое снабжение, даже воду подвозят с большими перебоями. Денег (обещанные 50 или 100 рублей компенсации – не помню) еще никому не выплатили.

На аэродроме, куда мы вернулись из Спитака, удручающее впечатление произвела на нас плохая организация распределения и хранения предметов помощи пострадавшим, которые поступают со всего мира. В этом было что-то барское и безнравственное...

На другой день перед отлетом в Москву мы с Люсей были у зам. председателя Совета Министров Армении. Мы рассказали ему о том, что мы видели в деревне и Спитаке, предлагали ряд мер по исправлению положения. В частности, мы настаивали на том, чтобы в деревни были посланы толковые люди из институтов и с предприятий, лучше всего студенты старших курсов, которые могли бы на местах организовать составление списков нуждающихся и распределять помощь. Это нормализовало бы весь конвейер помощи, которая сейчас в значительной степени или попадает не в те руки, или вовсе пропадает. Зампред слушал нас внимательно. Но боюсь, что из наших советов мало что было реализовано. В частности, как рассказал нам Рост, оставшийся в Армении дольше нас, при распределении прибывших палаток повторилось то же безобразие. А часть палаток вообще попала на черный рынок, так же как медикаменты и др.

По прибытии в Москву я немедленно позвонил Яковлеву, рассказал ему о том, что мы видели в Азербайджане, Армении и Нагорном Карабахе. Потом я и другие члены экспедиции представили наши впечатления в письменной форме. Кажется, они не очень заинтересовали руководство. Я высказал желание еще раз поехать в Армению вместе с Люсей, исключительно для того, чтобы участвовать в организации помощи. Я сказал об этом Рыжкову по телефону, и он вроде бы склонялся нас взять, но потом, возможно под давлением Горбачева, передумал.

Глава 6
Перед Съездом

В конце декабря я выступал на общем собрании Академии наук СССР, посвященном вопросам экологии. Я говорил о всевластии ведомств как основной причине неблагополучного экологического положения в нашей стране. Я назвал такие ведомства, как Минводхоз, Минэнерго, Министерство лесной и бумажной промышленности. Я сказал об ответственности Академии наук, которая не занимает принципиальной, научно обоснованной позиции по защите среды обитания и по существу является послушной частью административно-командной ведомственной системы, о необходимости независимой от ведомств научно обоснованной экологически-экономической экспертизы крупных проектов и государственных планов в целом как одной из главных задач Академии. Я говорил о двух конкретных проблемах: о необходимости закрытия Армянской АЭС и о прекращении строительства и финансирования канала Волга – Чограй. О первой проблеме и своем участии в ней я уже писал. Как раз в эти дни на заседании специальной комиссии вопрос о закрытии Армянской АЭС был решен – я хотел бы думать, что и мое вмешательство сыграло тут роль. Во всяком случае, в перерыве общего собрания ко мне подошел Александров и сказал, что он полностью передал мое мнение, хотя он сам и придерживается другой точки зрения. Что касается строительства канала Волга – Чограй, то этот проект бессмыслен с экономической точки зрения (стоимость строительства 4 млрд. рублей – за эти деньги можно построить элеваторы и дороги и сделать многое другое, что в совокупности гораздо важнее возможной выгоды, к тому же в Ставропольском крае нет большого недостатка воды) и крайне вреден и опасен экологически (в Калмыкии велика опасность засолонения, отвод воды из Волги окончательно губит осетровое стадо и в перспективе может сделать необходимым уже ранее отвергнутый экологически опасный поворот стока северных рек, которого все еще добивается из своих ведомственных интересов Минводхоз). Проект обсуждался на Президиуме АН. Не доверяя академической бюрократии, четыре академика (Яблоков, Голицын, Яншин и я) послали телеграмму Горбачеву и Рыжкову с изложением нашей точки зрения.

В начале января 1989 года (кажется, 6-го) состоялась встреча М. С. Горбачева с приглашенными представителями

интеллигенции – известными писателями, учеными, артистами. Такие встречи уже проводились до этого – в этот раз впервые был приглашен и я. Кроме Горбачева, на встрече присутствовал Рыжков, но не выступал. Встреча началась с довольно длинного выступления Горбачева. Он говорил, что перестройка вступает в самый ответственный период, когда нужно последовательное решение ее задач и в то же время недопустима излишняя поспешность, перескакивание через необходимые промежуточные этапы. Опасность справа и опасность слева одинаково серьезны. В этих условиях важна консолидация всех здоровых сил в стране, объединение вокруг основных целей, при этом вполне допустимо и даже полезно различие в понимании более частных вопросов, если оно не перерастает в склоку, личную вражду. Горбачев, по-видимому, пытался как-то помирить различные группировки в писательской среде, в других областях культуры. Но уже из первых выступлений писателей русофильско-антиинтеллигентского крыла и их идейных противников было видно, что противоречия зашли слишком далеко, чтобы их можно было так просто устранить. Выступавшие далеко не ограничивались вопросами культуры, затрагивая экономические, социальные, межнациональные, правовые вопросы. Краткое содержание выступлений было потом опубликовано в газетах, но более острые места, как общеполитического, так и личного характера, были опущены. Я собирался выступить, но колебался, не вполне понимая, что и как говорить. Когда же я наконец решился, в списке было слишком много ораторов и я не получил слова. В речи академика Абалкина давалась впечатляющая картина экономического кризиса и делался вывод: «Кавалерийская атака на административно-командную систему не удалась, и мы должны перейти к планомерной осаде». Эта фраза не вошла в опубликованный отчет. Примерно то же говорил Абалкин на XIX партконференции. Мне казалось, что позиция Абалкина неприемлема для Горбачева как слишком радикальная и критическая. Через несколько месяцев я понял, что ошибался.

Ульянов в своей речи затронул вопросы «Мемориала» – в частности, судьбу счета. Виктор Астафьев говорил о том, что указы о митингах и демонстрациях и полномочиях специальных войск антидемократичны, содержат возможность расширенного толкования, расправ над мирными демонстрациями и митингами – как это произошло в Минске, в Куропатах, в Красноярске и других местах. Это было одно из наиболее важных выступлений на встрече. Оно «задело за живое» Горбачева. Он стал возражать Астафьеву, приводя в пример события в Сумгаите, как

доказывающие необходимость быстрого и решительного реагирования. «Мы опоздали в Сумгаите на 3 часа, и произошла трагедия. Рабочие требуют от нас, чтобы мы не допускали анархии». Как мне было ясно, Горбачев смешивал две совершенно различные вещи – преступные акты убийств, насилий, зверств в Сумгаите и конституционные мирные демонстрации и митинги, в которых находит свое выражение мнение народа. Без демократического движения снизу перестройка невозможна, и бояться этого нельзя. Ссылка на рабочих явно была придумана. Я стал пробираться к трибуне со своего места, расположенного в самом заднем ряду, надеясь получить слово. Но, когда я услышал, что «в Сумгаите мы опоздали на 3 часа», я не выдержал и громко крикнул: «Не на 3 часа, а на 3 дня. На автовокзале стоял батальон, но не имел приказа вмешиваться. До Баку полчаса езды...» Горбачев явно был недоволен моей репликой и воскликнул: «Вы, видимо, наслушались этих демагогов» (он как-то так сказал, что было сначала ясно, что речь идет об армянах-демагогах, потом немного изменил формулировку). Я тут же отдал заранее составленную заявку на выступление, надеясь сказать и об указах, и о «Мемориале», но, как уже писал, не получил слова. Армянский писатель хорошо говорил о Нагорном Карабахе, литовский – о республиканском хозрасчете.

Я подошел во время перерыва к Горбачеву и Рыжкову и говорил об армяно-азербайджанских проблемах – о том, что никак нельзя толкать беженцев на возвращение назад – сейчас нет для этого условий, возможны новые трагедии, о необходимости освобождения членов комитета «Карабах». Горбачев слушал с явным раздражением, Рыжков, как мне показалось, – с интересом. Но возражал мне именно Рыжков, ссылаясь, как и Яковлев, на невозможность вмешиваться в работу следствия. Рыжков также сказал, что он не может взять меня с собой в Армению – это вызовет нежелательную реакцию в Азербайджане (речь шла об организации помощи). Рыжков сказал, что он получил телеграмму четырех академиков о канале Волга – Чограй. Он не знал, что стоимость строительства канала составляет 4 млрд. рублей, – он думал, что около 2 млрд. Я заметил, что если реально обеспечивать отсутствие фильтрации воды по ходу канала, что абсолютно необходимо с экологической точки зрения, то стоимость возрастет еще больше, чем до 4 млрд. Весь разговор с Рыжковым был очень доброжелательным.

Теперь я, кажется, выхожу на финишную прямую этой главы и воспоминаний в целом – к выборам на Съезд народных депутатов и к самому Съезду. Сначала – летом и осенью 1988 года – я отказался от предложений стать кандидатом на выборы в

Верховный Совет (это было еще до принятия поправок к Конституции). Потом, в январе, когда в очень многих институтах моя кандидатура была выдвинута на Съезд, причем часто с наибольшим числом голосов, я решил, что не могу отказываться. Возможно – я этого не помню – я согласился даже несколько раньше. Не помню же я потому, что в то время я был уверен, что выдвижением моей кандидатуры все и ограничится и я не буду допущен не только на Съезд, но к выборам. В последнем я как в воду глядел, но всего хода событий предугадать не мог. В моем согласии стать кандидатом присутствовала также мысль, что участие в Съезде может оказаться реально важным для поддержки прогрессивных начинаний.

Принятый в декабре 1988 г. закон о выборах очень сложен. Все же мне придется кое-что разъяснить, иначе многое в дальнейшем будет непонятно. Из 2250 делегатов на Съезд треть (750 человек) выбирается по территориальным округам, треть – по национально-территориальным округам и треть – от так называемых общественных организаций, к которым в числе прочих причислены КПСС (100 мест) и Академия наук СССР (30 мест). Формально выдвижение кандидатов происходит на собраниях трудовых коллективов, но на самом деле закон составлен так, что кандидатом человек становится только после утверждения его окружным собранием в случае территориальных и национально-территориальных округов и так называемым Пленумом центрального органа в случае общественных организаций. Этот пункт закона весьма реакционен, дает возможность аппарату, местным партийным и советским органам осуществлять во многих случаях «селекцию» (отбор) нежелательных кандидатов. К счастью, им это удалось не всегда. Все же очень важно добиться отмены этого пункта. Что такое «Пленум» – из закона о выборах неясно. В декабре и январе Президиум Академии наук принял постановление, согласно которому состав Пленума – это члены Президиума Академии наук и члены бюро (руководства) всех Отделений Академии. Сформированный так Пленум должен был 18 января утвердить кандидатуры на 25 мест для выборов на Съезд. Сами выборы были назначены на 21 марта; в них должны были, по решению Президиума, принимать участие все академики и члены-корреспонденты (около 900 голосов), а также около 550 «выборщиков» – по одному от каждых 60 сотрудников институтов Академии. Число мест было 25, а не 30, т. к. 5 мест было выделено научным обществам. Результат был ошеломляющий: только 23 человека получили требуемое большинство голосов. Не получили большинства голосов, в частности, все пользующиеся

общественной известностью кандидаты, в их числе я, Сагдеев, Лихачев, Попов и другие, выдвинутые наибольшим числом институтов (я был выдвинут почти 60 институтами). Для того, чтобы число мест не превышало числа кандидатов, Пленум решил передать еще 5 мест научным обществам, т. е. мест в Академии стало 20. Сообщение о результатах Пленума вызвало во всех институтах Академии бурю негодования. Сотрудники Академии справедливо считали, что Пленум проявил неуважение к мнению институтов (по закону Пленум обязан «учитывать» мнение трудовых коллективов, в данном случае институтов, но он проигнорировал это мнение). На собраниях в институтах высказывалось мнение, что результаты Пленума – проявление общего бюрократического отрыва руководства Академии, ее Президиума, от «рядовых» работников научных учреждений, от тех, кто реально делает науку. В общем, возникло общественное движение, переросшее породившую его проблему (как это часто бывает). В московских институтах возникла Инициативная группа, которая взяла на себя координацию всех усилий, связанных с выборами от Академии. От Физического института туда вошли, в частности, Анатолий Шабад и Александр Собянин.

Такие же драматические события, как в Академии, происходили в других общественных организациях и почти во всех территориальных и национально-территориальных округах. Кроме работников аппарата и выбранных им «послушных» кандидатов почти всюду были выдвинуты альтернативные кандидаты, обладающие собственной программой, яркой и независимой позицией. Завязалась, впервые за долгие годы в нашей стране, острая политическая предвыборная борьба. И тут выявилось то, на что даже мы, ведшие в предшествующую эпоху одинокую и внешне безнадежную борьбу с очень ограниченными целями, не решались, не смели надеяться. Многократно обманутый, живущий в условиях всеобщего лицемерия и развращающей коррупции, беззакония, блата и прозябания народ оказался живым. Свет возможных перемен только забрезжил, но в душах людей появилась надежда, появилась воля к политической активности. Именно эта активность народа сделала возможным избрание тех новых, смелых и независимых людей, которых мы увидели на Съезде. Не дай Бог обмануть эти надежды. Исторически никогда не бывает последнего шанса. Но психологически для нашего поколения обман надежд, вспыхнувших так ярко, может оказаться непоправимой катастрофой.

На Съезд прошла, конечно, лишь малая часть прогрессивных кандидатов. Аппарат, опомнившись от неожиданности первых

недель, стал применять все находившиеся в его распоряжении средства – вплоть до подлогов, подмены бюллетеней, не говоря уж о регулировании допуска к средствам массовой информации. Зато те, кто прошел, были уже закаленные борцы.

После 18 января меня (и некоторых других не прошедших в Академии кандидатов) стали выдвигать по территориальным и национально-территориальным округам. У меня нет полного списка этих округов – назову лишь некоторые. Физический институт АН СССР выдвинул меня «по месту работы» в Октябрьском территориальном округе г. Москвы, мое выдвижение поддержали другие расположенные в этом районе институты. Я выступал на предвыборном собрании в ФИАНе, потом на собрании в Октябрьском райкоме КПСС, где встретился с другими кандидатами, выдвинутыми по этому району, в том числе с Ильей Заславским, молодым инвалидом, предвыборная программа которого включала защиту прав инвалидов СССР. Парадоксально, но Общество инвалидов не вошло в число общественных организаций, имеющих право выдвижения кандидатов. Перед собранием в ФИАНе я, как и все кандидаты, написал предвыборную программу, потом ее несколько раз уточнял .

Другое очень важное выдвижение моей кандидатуры имело место в Московском национально-территориальном округе № 1, границы которого совпадают с границами Москвы. Выдвинул меня сначала «Мемориал», а затем множество учреждений и организаций Москвы. Я присутствовал и выступал на собрании, организованном «Мемориалом». Оно проходило в Доме кино. Уже подъезжая, я увидел протянувшуюся на несколько сотен метров очередь людей, желающих пройти внутрь здания. Это были, в значительной части, знакомые по типажу лица – те, что так же простаивают очереди на выставку Шагала или на кинофестиваль, честные и умные, все понимающие, в большинстве своем стесненные материально пролетарии умственного труда. Но были там, без сомнения, и новые действующие лица исторической сцены. Это они через несколько месяцев заполнят гигантскую площадь стадиона в Лужниках. Это люди, выведенные из сна пассивности надеждами перестройки, рабочие и служащие, самая широкая масса интеллигенции. Меня узнали и бурно приветствовали. Я прошел в зал, был представлен Пономаревым собранию, зачитал свою программу и отвечал на многочисленные, иногда трудные вопросы. Затем состоялось голосование по моему выдвижению в кандидаты – свыше 600 человек в зале и несколько тысяч в других помещениях и на улице, где были установлены динамики и можно было подписывать листы поддержки моего выдвижения. В этот день,

как я это ощутил, я получил нравственный мандат на деятельность депутата.

Второй раз я его получил на митинге институтов Академии 2 февраля. Но до этого произошло еще несколько событий. Одно из них – собрание в Московском университете, где я выступал и был выдвинут от МГУ по тому же Московскому национально-территориальному округу № 1. Одно-временно со мной был выдвинут от МГУ по этому же округу ректор МГУ Логунов. Всего же по округу № 1 было выдвинуто около 10 человек, среди них – Б. Н. Ельцин. Ельцин в эти дни позвонил мне и сказал, что мы не должны переходить друг другу дорогу. Я согласился с ним, но добавил, что окончательное решение, где баллотироваться, я приму только после того, как пройдут окружные собрания по всем округам, где я выдвинут. Несколькими днями позже я сам, по совету Пономарева, позвонил Ельцину и сказал, что готов выступить в его поддержку по тому округу, где он будет баллотироваться, с тем, чтобы он тоже выступил в мою поддержку. Это был, конечно, излишне политиканский шаг, и я скоро стал о нем сожалеть. К счастью, как видно из дальнейшего, этот шаг не имел практического продолжения. Меня выдвинули еще по двум московским территориальным округам и по двум областным, по одному из ленинградских территориальных округов, на Камчатке, на Кольском полуострове и еще в ряде мест – у меня нет полного списка. В частности, меня выдвинули в коллективе объекта. Адамский и другие активисты приезжали, чтобы взять у меня программу и автобиографию. Они заверяли меня, что утверждение моей кандидатуры на окружном собрании практически гарантировано. Но мне казалось неправильным, если я буду избран фактически за мою работу на объекте, во всяком случае с использованием моей известности в этом мире.

2 февраля состоялся беспрецедентный митинг сотрудников научных учреждений Академии наук. Митинг был организован Инициативной группой по выборам в Академии. Группа добилась в Моссовете разрешения на проведение митинга перед зданием Президиума, в большом сквере, где собралось более 3000 человек (по некоторым оценкам более 5000). На ступеньках старого дворцового здания Президиума были установлены микрофоны, перед которыми выступали ораторы и организаторы митинга. Президент Марчук, председатель избирательной комиссии академик Котельников и некоторые другие находились на втором этаже здания и изредка выглядывали из окна, отодвинув занавеску. Мы с Люсей приехали на академической машине, я прошел вперед и встал вблизи трибуны, но не выступал. Люся стояла вдалеке от меня. Цель митинга, как она была

сформулирована Инициативной группой, – выразить отношение научной общественности к решениям Пленума Академии от 18 января, к позиции Президиума АН и руководства Академии в целом, довести до людей возможность и необходимость исправления создавшегося нетерпимого положения. Сотрудники институтов приходили целыми колоннами, неся транспаранты с лозунгами. Чувствовалась удивительная раскованность, радостное возбуждение тысяч людей, которые вдруг осознали себя некой мощной силой. Это была атмосфера освобождения! В начале митинга Толя Шабад стал читать лозунги на транспарантах, а собравшиеся – громко повторять последние ключевые слова. «На съезд – достойных депутатов!» – Депутатов!, «Бюрократам из Президиума – позор!» – Позор!, «Сахарова, Сагдеева, Попова, Шмелева – на съезд!» – На съезд!, «Президиум – в отставку!» – В отставку!, «Президент – в отставку!» – В отставку!, «Академии – достойного президента!» – Президента!. На митинге было принято несколько обращений, было решено добиваться срыва выборов 21 марта, с тем чтобы были назначены новые выборы (первоначально предлагалось бойкотировать выборы, затем была принята тактика призвать голосовать против всех кандидатов). После митинга, еще в машине, Люся сказала: «Я была уверена, что ты выступишь и объявишь, что будешь добиваться выдвижения своей кандидатуры в Академии и откажешься от всех выборов по территориальным и национальным округам, чтобы поддержать митинг». Я ответил: «Я понимаю, что очень важно поддержать борьбу в Академии, поддержать резолюцию митинга (мы оба знали, что и в прессе, и на собраниях говорят: зачем беспокоиться о том, что Сахарова и Сагдеева нет в списках кандидатов от Академии? – их уже выдвинули по территориальным округам). Но я чувствую ответственность также и перед теми, кто меня выдвигает и поддерживает по территориальным округам. Поэтому мне трудно принять то решение, о котором ты говоришь». Еще несколько дней я колебался в ту или иную сторону, даже устроил панику в Канаде, куда мы должны были вскоре ехать, отказавшись от поездки, чтобы принять участие в предвыборной кампании. Все фиановцы – Шабад, Файнберг, Фрадкин, Пономарев, а также и некоторые другие просили меня не отказываться от территориальных округов. Лишь за сутки до отъезда на Запад я принял окончательное решение, согласившись с Люсей, и написал письмо в «Московские новости», где сообщал об отказе избираться по территориальным и национально-территориальным округам.

Одновременно я должен был развязать еще один «узелок». В

начале января я согласился встретиться с французским писателем Бару, который в прошлые годы выступал в нашу защиту; я долго откладывал эту встречу, но в конце концов дальше откладывать показалось мне неудобным. Мы довольно долго проговорили на кухне, большей частью говорил я, но несколько раз принимала участие в разговоре Люся. Разъясняя нашу общую точку зрения о необходимости прямых выборов главы государства, она употребила какое-то образное выражение, из которого следовало, что положение не выбранного прямым способом главы государства очень неустойчиво. Все это было не более чем попытка популярно изложить концепцию. Но дальше произошло следующее. Бару опубликовал в ряде газет фрагменты нашей беседы как интервью. Из этого текста многочисленные комментаторы сделали вывод, что мы предсказываем скорое падение Горбачева. Сейчас, спустя полгода, этот эпизод кажется пустяковым. Но тогда нам было неприятно. Редакция «Известий», возможно по просьбе самого Горбачева, попросила меня написать разъяснение. Я это сделал и через Жаворонкова передал его редакции «Известий» и одновременно для «Московских новостей».

В тот же день мы, на этот раз вместе с Люсей, выехали во вторую в моей жизни зарубежную поездку. Вечером мы прилетели в Рим, где нас встретила Ирина Алексеевна Иловайская-Альберти. В Италии мы пробыли шесть дней; за это время я встречался в Риме со многими политическими деятелями (с бывшим президентом республики Пертини, который много раз выступал в нашу поддержку, с бывшим премьером – лидером Социалистической партии Беттино Кракси и с нынешним премьером), посетил знаменитую Академию деи Линчеи, где меня давно дожидался диплом иностранного члена. Это одна из старейших академий в мире, с именем которой связано начало отхода от умозрительной схоластики средневековой науки, переход к экспериментальному изучению природы. «Линчеи» означает рысь; как писали основатели академии, это животное обладает остротой взгляда, жаждой поиска и исследования. Чучело рыси стояло в том зале, где мне вручали диплом, и я не преминул использовать этот образ в моем ответном слове.

Центральным моментом в нашем кратком пребывании в Риме было посещение Папы. Люся уже была у Папы в декабре 1985 г. – тогда она просила способствовать моему освобождению из горьковской ссылки. Она была глубоко тронута человечностью и отзывчивостью этого человека. Сейчас наши личные обстоятельства были гораздо более благополучными. Мы говорили с Папой о сложных и противоречивых проблемах нашей жизни, я пытался сформулировать основные принципы политики

в отношении перестройки и страны. Я говорю о том же самом при всех встречах с государственными деятелями и в публичных выступлениях. Но в беседе с Папой я почувствовал самую большую, неподдельную заинтересованность и интуитивное глубокое понимание.

Сильным впечатлением было само посещение Ватикана, этого удивительного города-государства, его дворца, в котором сосредоточены большие художественные ценности. Привез нас в Ватикан на своей машине и провез по его прекрасным садам священник, отец Серж. При беседе с Папой присутствовала и переводила Ира Альберти. Во всех наших встречах в Италии роль Иры была огромной. Она прекрасно и умно, с полным пониманием переводила мои не всегда простые и гладкие выступления и ответы на вопросы. Мне кажется, что иногда ее перевод был даже улучшением подлинника. Натерпевшись от многочисленных полузнающих язык переводчиков, мы особенно оценили Ирину помощь. И, конечно, главное, что это была помощь друга, со взаимной симпатией.

После Папы мы встретились с кардиналом украинской католической церкви, затем выехали во Флоренцию. По дороге мне удалось посмотреть собор Франциска Ассизского в Ассизи и фрески Джотто. Было уже поздно, но меня узнал монах-привратник, позвал начальство, и двери собора открылись. Зато во Флоренции не удалось в этот первый приезд посмотреть ни Уффици, ни Питти. Жили мы во Флоренции, конечно, у Нины Харкевич. Из Флоренции выезжали на машине в Болонью и в Сиену, где мне вручили дипломы почетных докторов университетов; я также провел там пресс-конференции и встречи со студентами и преподавателями, было много интересных вопросов. Сами церемонии вручения дипломов в этих старых университетах (Болонский – вообще старейший в мире) с процессиями докторов в средневековых мантиях, с герольдами и жезлами, старинной музыкой и торжественными речами – были незабываемыми.

В Италии на каждом шагу – ощущение истории, прикосновения к истокам нашей (европейской все-таки) цивилизации. Не всем, конечно, можно гордиться, но это – было и как-то преломилось в настоящем. Даже милая история о том, что члены городского самоуправления Сиены постоянно работали и жили в квестуре, верша дела города, но рядом на площади каждый день казнили преступников и их предсмертные крики мешали работать и спать отцам города – пришлось перенести место казни в другое место. Никому не пришло в голову, что следовало бы отменить такие казни, как колесование, и вообще

поменьше казнить. В Риме мы видели Форум, Колизей («Ликует буйный Рим... торжественно гремит Рукоплесканьями широкая арена...»).

Из Италии мы вылетели в Канаду, в совсем другой мир – благополучного, с высоким уровнем жизни, но никак не самодовольного, не замкнутого в себе настоящего и не очень богатого событиями, трудового, иногда сурового и даже жестокого (индейцам в прошлом веке якобы давали отравленные одеяла) прошлого. Я там сказал в одном выступлении, что Канада в ее сегодняшнем виде могла бы быть образцом для других стран – но как трудно следовать каким-либо образцам.

В Оттаве Люсе и мне вручили дипломы докторов наук; Люся произнесла от нашего имени прекрасное ответное слово, упомянув двуязычие Оттавского университета как пример решения таких трудных для всех проблем. Там равноправны французский и английский языки. Есть фотография – мы оба в мантиях, ей вручают квадратную докторскую шляпу с кисточкой.

В Оттаве на пресс-конференции меня спросил приехавший из Москвы корреспондент АПН: «Завтра вы встречаетесь с премьером и министром иностранных дел Канады. Собираетесь ли вы просить их способствовать освобождению наших парней, находящихся в плену в Афганистане и Пакистане?» Я ответил: «Освобождение военнопленных – не дело Канады. Только признание моджахедов воевавшей стороной, прямые переговоры с ними об обмене военнопленными – ведь в Кабуле и Ташкенте есть пленные моджахеды – могут привести к освобождению советских военнопленных! Наша страна вела в Афганистане жестокую, страшную войну. Мы называем наших противников бандитами, не признавая их воюющей стороной. А у бандитов не военнопленные, а заложники. Были сообщения, что наши вертолеты расстреливали окруженных советских солдат, чтобы избежать их попадания в плен». Моя последняя фраза была процитирована в советской прессе (сначала, кажется, в «Красной звезде»), вызвала очень резкие отклики крупных советских военачальников, многих читателей, бывших участников войны в Афганистане. Читатели сообщали о фактах героизма советских вертолетчиков, идущих на смертельный риск, иногда гибель, ради спасения попавших в окружение товарищей (что само по себе не противоречит возможности событий обратного рода). Я якобы оскорбил советскую армию, память советских солдат, погибших при исполнении интернационального долга. Потом эти же обвинения были мне предъявлены на выборах в Академии и на Съезде.

Западная пресса почти не заметила этого эпизода на пресс-

конференции. Гораздо большее внимание привлекла другая история, произошедшая тогда же. Люся отвечала на вопрос о еврейской эмиграции из Советского Союза, об отказниках. Она сказала, уже в самом конце: «Есть тенденция, требование всех евреев-эмигрантов из СССР считать политическими беженцами. Это неправильно, несправедливо. Мы всегда боролись за право каждого на свободу эмиграции и свободу возвращения в свою страну. Но далеко не каждый эмигрант-еврей из СССР, тем более избравший США или Канаду, а не Израиль, – политический беженец. У людей могут быть другие, вполне законные мотивы – желание жить лучше, лучше реализовать свои способности (как они надеются). Но почему эти люди имеют больше прав называться политическими беженцами (и получать связанные с этим преимущества), чем многие беженцы из Вьетнама, Камбоджи и разрушенной Армении?» Это Люсино заявление, которое я излагаю своими словами, обошло западные газеты и вызвало бурю. Люсю обвиняли в антисемитизме и в других смертных грехах. Нас предупреждали, что в Виннипеге, куда мы направлялись, так как я был приглашен участвовать в семинаре по ядерно-резонансному сканированию, нас встретит демонстрация возмущенных евреев. Но обошлось без демонстрации. Что касается семинара, то он действительно был интересным. В Виннипеге мы были также на двух данных в нашу честь обедах. На одном из них в очень богатом частном доме во время обеда на скрипке играл уже не молодой человек. Разговорились. Он еврей из Одессы, там преподавал в знаменитой школе Столярского, играл в большом оркестре. После эмиграции оказался в Канаде. Долгое время был вообще без работы. «Тут нет ни нашей музыкальной культуры, ни традиций. Мне еще повезло, в конце концов меня взяли давать уроки музыки в одной из городских школ», – сказал он с горечью. Мы с Люсей чувствовали себя неловко, сидя за парадным столом, в то время как артисты – скрипач и его компаньон баянист – играли, стоя в нескольких шагах от нас (в ресторане – другое дело, не знаю почему).

Вторую часть нашей зарубежной поездки мы провели частным образом у наших детей и внуков в США. Пять дней мы с Люсей провели со всеми четырьмя внуками во Флориде, точней на курорте Амелия-Айленд у северной оконечности полуострова. Это были прекрасные дни свободного общения с этими маленькими гражданами США, среди природы, на берегу Атлантического океана. Кстати, мы видели там аллигатора в природных условиях.

В США я увидел английский перевод этой лежащей сейчас перед вами книги – многое на беглый взгляд показалось мне не

вполне точным. 18 марта я вернулся в СССР, чтобы участвовать в выборах в Академии, и взял с собой часть переведенных глав. В Москве я просмотрел их и отметил не удовлетворяющие меня места (на всю книгу у меня не было ни времени, ни сил). Люся осталась еще на месяц – чуть больше – в США с детьми и внуками. Она работала там (интенсивно и, я думаю, плодотворно) над своей книгой о детстве. В Москве, особенно при мне, у нее нет ни минуты и для более простых и «механических» дел.

В первый день выборного собрания были дискуссии по процедуре и обсуждению кандидатур. Во второй день – собственно выборы и подсчет голосов. При подсчете голосов произошел инцидент – у одного из счетчиков в его пачке бюллетеней было гораздо больше голосов «за», чем у остальных счетчиков. Члены Инициативной группы, присутствовавшие при подсчете голосов в качестве наблюдателей, обратили на это внимание. Они заметили также, что рядом с этим счетчиком на столе, где были разложены бюллетени, стоял его портфель (что, конечно, противоречит всем правилам). Спешно вызванный председатель комиссии акад. Котельников сказал, что подобные отклонения от средних величин бывают и не следует этому удивляться.

К вечеру стали «по знакомству» известны результаты голосования – восемь кандидатов набрали необходимую норму 50% голосов и стали депутатами, 15 получили менее половины и не прошли. (Возможно, один или два из восьми обязаны своей победой счетчику с портфелем.) Таким образом, остались незаполненными 12 мест. На другой день результаты голосования были объявлены на собрании. Было принято решение о проведении новых выборов 13 апреля, с новым выдвижением кандидатов по институтам. В составе Пленума решено было иметь только членов Президиума, без членов бюро отделений (что уменьшало возможность каких-либо неожиданностей). Президиум должен был назначить новую избирательную комиссию. Институты начали новый цикл выдвижения кандидатур – Инициативная группа наблюдала за этим процессом. Она составила список кандидатов, получивших поддержку нескольких институтов (по группам: более одного, более 10, более 20 и т. п.), и передала этот список в Президиум. В этот раз я получил поддержку почти всех научных учреждений Академии – от более чем 200 учреждений. Президиум пытался еще раз взять контроль над ситуацией в свои руки, разослав новые правила выдвижения «выборщиков» от институтов – число их стало меньше на 140 человек. Но это уже не имело большого значения. Пленум (Президиум) показал, что он работает как

послушная машина голосования в руках президента, утвердив все предложенные им кандидатуры и отвергнув все кандидатуры, предложенные мной и другими участниками собрания. Но Марчук в своем списке, не желая опять попадать в конфликтную ситуацию, в значительной мере учел рекомендации Инициативной группы (хотя и с некоторыми далеко не случайными исключениями).

12 или 13 апреля состоялось Общее собрание членов Академии, на котором обсуждались утвержденные Пленумом кандидатуры. Кандидаты говорили о своих программах, отвечали на вопросы, были довольно острые выступления. У входа в здание Университета стояла группа молодых людей, призывавших голосовать против академика Арбатова. В поддержку Арбатова выступил Ю. Карякин, который сказал, что Арбатов в прошлые годы, когда он пользовался доверием руководства, помогал невинно осужденным. Это ему лично известно. Он также добавил, что те, кто сейчас на улице призывают голосовать против Арбатова, принадлежат к «Памяти». Выступил также Сагдеев; он изобразил прошлую кулуарную деятельность Арбатова в высших сферах как очень прогрессивную и полезную, при этом Арбатову, в качестве цены, приходилось публично выступать с поддержкой официальных заявлений, иногда принимая на себя тяжелый груз позора (то же самое ответил мне Сагдеев, когда я спросил его за несколько дней до этого, почему он поддерживает Арбатова). Арбатова спросили из зала, правда ли, что он уволил недавно нескольких научных сотрудников Института США и Канады, как его в этом обвиняют. В числе уволенных Яковлев. Тот ли это Яковлев, которому когда-то нанес известный урон Сахаров? Арбатов ответил: «Да, тот самый». К сожалению, я никак не вмешался в эту дискуссию, не успев сообразить, как мне надо реагировать. На самом деле, как я думаю, этот эпизод был хорошо разыгранным спектаклем. Меня больше всего смущала позиция Сагдеева. Выступить против Арбатова означало бы, что я не доверяю Сагдееву.

Другой эпизод произошел в связи с моей кандидатурой. После многих хвалебных в мою честь выступлений к трибуне вышел академик Коптюг, член Президиума Академии. Он сказал: «Меня часто спрашивают избиратели, голосовал ли я на Пленуме 18 января против Сахарова. Я не скрываю этого. Я голосовал против и объясню, почему. Я уважаю академика Сахарова за его научные заслуги. Но некоторые пункты в его предвыборной программе являлись, по моему мнению, неправильными и опасными. Он писал о свободном рынке рабочей силы. По существу этот пункт означает призыв к созданию резервной

армии безработных, что повлекло бы за собой тяжелейшие социальные потрясения. Сахаров писал также о необходимости передать в аренду землю убыточных колхозов немедленно, еще до начала посевной кампании. Совершенно ясна нереальность этого требования (посевная кампания уже идет). Это опасный экстремизм. В дальнейшем Сахаров изменил эти пункты, тем самым признав их ошибочность. Но первоначально эти пункты были именно такими»*. Один из выступавших после Коптюга сказал: «Мы должны быть благодарны академику Коптюгу за его выступление. Несомненно, на выборах будут голоса, поданные против Сахарова. Если бы вслух все только хвалили его, наличие голосов против выглядело бы недостойно». Я только вечером сообразил, что ссылки Коптюга на то, что ему не понравилась моя программа, не могут быть правильными. 18 января у меня еще не было никакой написанной программы – я ее составил только через несколько дней перед собранием в ФИАНе.

На другой день состоялись выборы. Избранными оказались 12 депутатов, получивших более половины голосов и больше остальных кандидатов. Я был избран, но далеко не с наибольшим числом голосов – я оказался где-то в середине списка избранных. Почти в конце списка был Арбатов. В целом же было избрано много достойных, энергичных людей.

После выборов Инициативная группа не распустилась. Она взяла на себя некоторые функции организационной помощи депутатам-академикам, пыталась, в частности, организовать связь академических депутатов с прогрессивными депутатами из других регионов страны, составила и разослала письмо с изложением тезисов как базы для объединения. В Доме ученых во время Съезда постоянно дежурили представители группы, проходили совещания.

Еще до академических выборов, с конца марта, в Доме политпросвещения на Трубной площади стала собираться группа депутатов Москвы и Московской области. Первоначально их было человек 20–30. После выборов в Академии я тоже (с некоторым запозданием) примкнул к этой группе. В группу вошли многие радикальные экономисты (Попов, Шмелев, Емельянов, Тихонов, Петраков и другие). Они пытались подготовить для предложения делегатам Съезда документы, содержащие концепцию экономических и социальных реформ и предложения по неотложным экономическим и социальным шагам с целью предотвратить надвигающуюся экономическую катастрофу. Другие депутаты занимались разработкой проекта повестки дня Съезда, предложений по конституционным правилам Съезда и Верховного Совета, порядку выборов депутатов Верховного Совета

и по другим процедурным и концептуальным вопросам, которые необходимо будет обсудить на Съезде. Я принял участие в этих дискуссиях и написал документ, фактически содержавший основные мои идеи о необходимости сосредоточения в руках Съезда всей законодательной власти и по национальному вопросу.

Однако я должен вернуться назад и рассказать о событиях в Грузии, которые также вошли в нашу судьбу. В первых числах апреля в Тбилиси проходили митинги, поводом для которых послужили требования абхазцев об отделении Абхазии от Грузии (и, по-видимому, переходе в состав РСФСР). Абхазцы составляют в Абхазии меньшинство – как они утверждают, в значительной мере в результате политики «грузинизации». Абхазцы недовольны существующим положением и выразили свои требования на многотысячном митинге в древнем центре Абхазии Лыхны. Но большинство грузин (мы имели возможность в этом убедиться) считают недопустимым изменение существующего положения – как по экономическим причинам, так и из-за опасений за судьбу грузинского большинства в Абхазии. Я скорей считаю оправданной позицию абхазцев. Мне кажется, что с особенным вниманием надо относиться к проблемам малых наций – свобода и права больших наций должны осуществляться не в ущерб малым. Но в данном случае наиболее существенно, что проходившие в Тбилиси митинги носили мирный и конституционный характер. Тем не менее они стали объектом необычайной по своей жестокости акции. Хочу также отметить, что, по утверждениям многих, лозунги митингов далеко не сводились к абхазской проблеме и отошли от нее в сторону. Главный тезис свелся к слову «суверенитет» (как нас уверяли, не в смысле выхода Грузии из СССР, а в смысле культурной и экономической независимости). Но даже призыв к выходу из СССР не противоречит Конституции... И вот в ночь на 9 апреля произошли потрясшие весь мир события... Как известно, утром 8 апреля по улицам Тбилиси прошли прибывшие в город накануне ночью воинские части, с танками, в устрашающей боевой форме. Этот парад привел к результату, быть может, противоположному замыслу его устроителей – на площадь вечером вышло более 10 тысяч человек, ранее было менее тысячи. В 4 часа утра войска напали на митингующих, разделили толпу на части и начали экзекуцию. Людей били саперными лопатками по голове и спине, нанося тяжелые рваные раны, были также применены отравляющие вещества. Особенно сильно пострадали девушки, голодавшие «за суверенитет». При этой акции был убит или получил смертельные повреждения или отравление 21 человек,

из них 16 девушек. Среди погибших большинство имели поражение дыхательных путей отравляющими веществами; у двоих, по крайней мере, не было никаких внешних повреждений – таким образом, отравление было единственной причиной их смерти. На предвыборном собрании Академии приехавший в Москву академик Гамкрелидзе спросил меня, согласен ли я принять участие в организованной в Грузии Общественной комиссии по расследованию событий 9 апреля. Я согласился. Вскоре я получил сообщения, что находящиеся в больнице люди объявили голодовку, требуя, чтобы военные назвали, какое отравляющее вещество было против них применено, а также требуя приезда делегации Красного Креста. Я позвонил А. Н. Яковлеву и, рассказав ему об этих требованиях, естественно, спросил, кто распорядился вызвать войска. Яковлев ответил, что войска вызвал Патиашвили, бывший первый секретарь ЦК Грузии, так как он паникер, и что наряду со слезоточивым газом «Черемуха» был применен газ Си-Эс, «неизвестно каким образом попавший из Афганистана». Я передал сообщение о Си-Эс через брата Гамкрелидзе, но, видимо, никто в те дни не придал моему сообщению значения.

3 мая я был приглашен в Моссовет для участия во встрече народных депутатов от Москвы с руководителями партии и правительства. На встрече присутствовали Горбачев, Лукьянов, Зайков, кто еще – не помню. Я кратко выступил в защиту предложенной группой депутатов, заседавших в Доме политпросвещения, повестки дня, подразумевавшей сначала широкое обсуждение основных, принципиальных проблем, а затем уж выборы в Верховный Совет и его председателя. Как сказал В. И. Кириллов (депутат от Воронежа) – правда, не на этом заседании, где были только москвичи: «Американский ковбой сначала стреляет, затем думает. Нам бы надо наоборот – сначала подумать, потом стрелять, настрелялись за 70 лет». Я также говорил о необходимости отмены указов о митингах и демонстрациях и полномочиях специальных войск и о несовершенной формулировке указов от 8 апреля, которые были призваны заменить статьи 70 и 1901 УК. Я повторил свой главный тезис, что недопустимо уголовное преследование за убеждения и связанные с убеждениями действия, если это ненасильственные действия и нет призыва к насилию. «Антиконституционные действия» – недостаточно однозначная формулировка. (Потом на Съезде я вновь выступил по этому вопросу.) Отвечая мне, Горбачев сказал: «Демократия должна себя защищать». Я с места заметил: «Даже нарушая демократию?» Горбачев очень неодобрительно на все это прореагировал.

Прекрасно, содержательно выступали экономисты – Попов и Шмелев. Шмелев, в частности, едко возразил одному из выступавших, предлагавшему создать новые ЧК для борьбы с нетрудовыми доходами и злоупотреблениями кооператоров: разрушителями экономики являются те, кто контролирует 95 ее процентов; ЧК начала с борьбы с мешочниками, а кончила 37-м годом. Горбачев, выступая с ответом, сказал, что КГБ будет поручена борьба с рэкетом.

Драматичным завершением собрания было выступление Гдляна. Я должен дать некоторые пояснения. Внедрение в Узбекистане монокультуры хлопка создало в республике очень тяжелую обстановку. Одним из следствий этих трудностей было возникновение так называемой узбекистанской мафии – группы взяточников, казнокрадов и коррумпированных партийно-государственных функционеров во главе с первым секретарем ЦК Узбекистана Рашидовым и садистом-палачом министром внутренних дел республики Яхъяевым. Основой доходов преступников были приписки к количеству произведенного в республике хлопка (сами по себе приписки представляли собой некую форму компенсации за низкие, установленные государством, закупочные цены, и только таким образом производители имели возможность кое-как сводить концы с концами; но приписки были незаконными и создавали поэтому условия для существования целой мафиозной иерархии взяточников, присваивавших себе часть «незаконных» денег). Конечно, преступники имели очень большую поддержку в Москве, иначе они не могли бы быть безнаказанными многие годы. Расследование этого дела было поручено старшему следователю Прокуратуры СССР Тельману Гдляну, который возглавлял целую группу подчиненных ему следователей. Как писали в наших газетах, работа этих следователей, во всяком случае в начале их деятельности, была достаточно опасной.

Следствие в СССР проходит фактически бесконтрольно. Одна из причин та, что следствие проводится прокуратурой, которой также поручен весь контроль за соблюдением законов в СССР. Результат – систематические нарушения законности и элементарной гуманности в работе следственных органов. Следователи часто добиваются нужных им показаний, применяя варварские методы. В делах политических случаи такого рода более редки (все-таки к ним приковано общественное внимание), но тоже иногда имеют место. Можно предполагать, что у Гдляна были особо большие полномочия и, соответственно, нарушения законности и гуманности тоже были велики.

Широкий общественный интерес к расследованиям Гдляна

возник в связи со сведениями, что в ходе следствия его группой собраны материалы, изобличающие высокопоставленных московских покровителей «местных» преступников. Впервые об этом было сообщено в журнале «Огонек» незадолго до XIX партконференции, затем были и другие публикации, создавшие Гдляну и его помощнику Иванову огромную популярность, особенно в среде рабочих, как смелым борцам с коррупцией. Я присутствовал в ФИАНе в начале апреля на выступлении О. Г. Чайковской, постоянного автора «Литературной газеты». Она рассказывала, основываясь на предоставленных в ее распоряжение документах, что Гдляну разрешалось многолетнее содержание подследственного под стражей в необычайно тяжелых условиях подземной тюрьмы. Шестеро подследственных умерли за время следствия, шестеро покончили жизнь самоубийством. Несомненно, публикации были санкционированы на высоком уровне, так же как нарушения сроков содержания подследственных в тюрьме. В то же время Чайковской не разрешали ничего публиковать. Положение резко изменилось в конце апреля. Некоторые высказывают предположение, что это связано с прошедшим в эти дни пленумом ЦК, на котором многие высокопоставленные противники перестройки были вынуждены уйти в отставку.

Если именно среди них были взяточники, то необходимость держать их под угрозой разоблачения отпала; не исключено даже, что с ними было заключено нечто вроде «джентльменского» соглашения (слово «джентльмен» не случайно тут поставлено в кавычки). Так или иначе, над Гдляном начали сгущаться тучи.

В этих условиях состоялось его выступление в Моссовете 3 мая. Он начал с того, что отверг обвинения в нарушениях закона и в клевете. «Меня обвиняют в государственных преступлениях. Смотрите – перед вами стоит государственный преступник!» – патетически воскликнул Гдлян. «Очень может быть!» – крикнул с места Пуго, председатель комиссии партийного контроля, сменивший на этом посту Соломенцева, которого в числе других Иванов упомянул как «проходящего по делу» (не очень однозначная формула). Гдлян далее рассказал, что несколько дней назад (уже после апрельского пленума) в камеру подследственного (не помню фамилию) бывшего председателя Совета Министров Узбекистана ночью тайно пришли Генеральный прокурор СССР Сухарев, его заместитель Васильев и полковник КГБ Духанин. Они долго беседовали с подследственным. Утром подследственный написал заявление, в котором отказался от части данных им ранее показаний, а именно – от показаний о даче им крупных взяток

высокопоставленным лицам в Москве. Гдлян далее сказал: «У меня имеются документы, доказывающие факты преступлений многих высших работников партийного и государственного аппарата. Я прошу вас, Михаил Сергеевич, принять меня, чтобы я мог ознакомить вас с этими документами. Я прошу назначить комиссию, состоящую из депутатов Съезда, которая рассмотрела бы материалы дела и выдвинутые против меня обвинения. Никакой другой комиссии я не доверяю и показаний давать не буду». Горбачев слушал молча, не перебивая, с мрачным видом. Потом он сказал: «Это чрезвычайно серьезное дело. Я приму вас. Но, если у вас нет доказательств ваших утверждений, я вам не завидую».

На другой день мы с Люсей вылетели в Тбилиси. Там нас, как я уже писал, поместили в апартаменты над Курой. Справа нам был виден Метехский замок и нависший над водой головокружительный обрыв. Перед революцией в этом замке, превращенном в тюрьму, сидел отец Люси Геворк Алиханов. Ему удалось бежать из заключения, спустившись по канату в ожидавшую внизу лодку. Большевики, действительно, были отчаянные люди. Но сейчас вся страна стоит перед гораздо более страшным обрывом...

Мы посетили заседание Общественной комиссии и комиссии Президиума Верховного Совета Грузии. Слышали много ужасных рассказов очевидцев событий 9 апреля. Врач скорой помощи показал, что беременную женщину, медсестру, дежурившую в санитарной машине (с красным крестом, конечно), солдаты вытащили из машины и избили до смерти. Она даже не была участницей митинга, просто присутствовала на случай, если кому-либо станет плохо. Мать этой женщины, узнав о гибели дочери, умерла в тот же день от инфаркта. После заседания мы беседовали с бывшим участником афганской войны, который присутствовал при расправе на площади. Он рассказал, что один из солдат, пытаясь оказать помощь двум избитым девушкам, донес их до ограды и перебросил. Офицер крикнул ему: «Андреевский, назад!». Солдат вернулся – его тут же сбили с ног и начали избивать.

Министр внутренних дел Грузии рассказал, что он возражал против вызова войск, обещал справиться с ситуацией собственными силами. Но Патиашвили и его замы, в том числе Никольский (второй секретарь ЦК Грузии; во всех союзных республиках эту должность занимает «человек Москвы»), не согласились.

Мы посетили одну из больниц, где содержались пострадавшие от отравления и избиений. Состояние многих было

тяжелое. У многих, конечно, если не у всех, большую роль играл при этом психогенный фактор. Но в основе лежало реальное отравление, реальные травмы. Мы вошли в палату девушки, лежащей с капельницей. Это была одна из наиболее тяжелых больных. Доктор рассказала ее историю. Ее сильно ударили солдаты, но она частично пришла в себя и полубессознательно поползла в их сторону. Тогда они закричали «Ты еще жива, стерва» и стали бить ее ногами, особенно в живот. Один из солдат приложил баллончик с газом прямо к ее лицу и опрыскал в упор. В больнице мы встретились также со студентами, которые в качестве «заместителей» больных продолжали их голодовку. Была угроза распространения голодовки на другие города Грузии. Мы сумели уговорить больных и студентов прекратить голодовку, обещав приложить все усилия для удовлетворения их просьб – в особенности, присылки врачей с Запада. Еще в первую половину дня по Люсиной инициативе мы дозвонились в посольство США и попросили посла США Мэтлока навести справки о газе Си-Эс. Через 2 дня от посла поступила информация. Люся хорошо знала французских врачей из организации «Медицина без границ», которые выезжают во все районы мира, где происходит какое-нибудь бедствие. Через Иру Альберти она связалась с ними. Я позвонил в МИД СССР помощнику Шеварднадзе, и он обещал помочь с оформлением поездки. Конечно, все в нашем бюрократическом мире происходит совсем не гладко, и нам (главным образом, Люсе) пришлось еще много раз звонить Ире, в МИД, в грузинское постпредство. Не менее сложно было организовать приезд американских врачей аналогичного профиля (среди них были крупные специалисты-токсикологи), тоже по Люсиной инициативе. Приезд этих двух групп врачей (а кроме них, независимо от нас, приехали врачи из Красного Креста) был очень полезным, успокоил людей и тем значительно разрядил атмосферу. Американские врачи подтвердили применение отравляющих веществ. Наряду с ранее идентифицированными они предполагают применение хлорпикрина.

Перед отъездом из Тбилиси мы имели встречу с патриархом Илией и новым первым секретарем ЦК Грузии Гумбаридзе, сменившим Патиашвили.

Патриарха я спросил, правильны ли сведения – их также повторил Горбачев 3 мая, – что, когда он пришел на площадь уговаривать митингующих разойтись, они оскорбляли его. Патриарх категорически это отрицал.

Я задал Гумбаридзе вопрос, кто ответствен за то, что события 9 апреля приняли такой трагический оборот. Он ответил: «Читайте материалы пленума». Он говорил об апрельском

пленуме ЦК и тем самым давал понять, что ответственны консервативные члены ЦК, ушедшие в отставку. Мне тогда этот ответ казался искренним, теперь все для меня не так однозначно.

В Москве продолжались предсъездовские совещания. Меня выбрали так называемым представителем, т. е. я вошел в число 1/5 всех депутатов, которые должны были обсуждать повестку Съезда, – до самого последнего дня не было ясно, когда это произойдет, и эта неясность заставила меня отказаться от давно намеченной поездки во Францию на конференцию по нарушению CP-инвариантности. Поездка хотя бы на один день была бы хоть каким-то знаком вежливости по отношению к пригласившим меня французским ученым (они больше многих заступались за нас в горьковские дни). Что нельзя поехать на всю конференцию, стало ясно, как только была назначена дата начала Съезда. Потом, конечно, оказалось, что аппарат Президиума Верховного Совета СССР «обошел» нас в вопросе о повестке и сумел навязать без обсуждения разработанную им еще давно повестку дня Съезда, начинавшуюся с выборов Председателя Верховного Совета. Заранее этого предугадать было нельзя.

После одного из заседаний Президиума Академии ко мне подошел академик Кудрявцев, директор Института государства и права, и сказал, что он сейчас работает в комиссии Верховного Совета, которая разбирает заявления, поступившие по делу Гдляна. В этих заявлениях – их очень много – сообщается о серьезнейших нарушениях Гдляном законности. Я спросил: «Избиения подследственных?» – «Нет, об этом данных нет. Но есть большие нарушения сроков содержания под стражей и другие тяжелые нарушения, бездоказательность многих обвинений. Я хотел бы, чтобы вы были в курсе дела. Вероятно, наша комиссия будет распущена и будет назначена депутатская». Кудрявцев не делал мне никаких предложений, но явно этот разговор был не случайным.

19 мая я слетал на день в Сыктывкар (главный город Коми АССР), где я хотел поддержать кандидатуру Револьта Пименова, того самого человека, с дела которого (вместе с Б. Вайлем) началось 19 лет назад мое знакомство с диссидентскими судами. В связи с этим делом я встретился впервые с Люсей. Отбыв срок ссылки, Пименов остался в Сыктывкаре, работая по специальности (он математик). Он был выдвинут кандидатом в депутаты; после первого тура выборов осталось два кандидата. Я выступил в Сыктывкаре на нескольких многолюдных собраниях, в том числе и на самом большом заводе города. На собраниях мне задавали много вопросов, не только о Пименове. Постоянными были вопросы о Гдляне, всех волновало, не будет ли в связи с

кампанией против него (в эти дни было опубликовано сообщение об отстранении его от следствия) свернуто расследование дел о взяточничестве. Конечно, были также вопросы о том, как я отношусь к Ельцину и Горбачеву. Я был в телецентре, мое выступление о Пименове было записано, но не транслировалось, как можно предполагать – по указанию секретаря обкома Мельникова, одного из самых консервативных ораторов на апрельском Пленуме ЦК. На втором туре выборов, состоявшемся через 2 дня, Пименов не был избран. В городе он получил значительное большинство, но сельские районы поддержали его конкурента (тут бы телевидение могло сыграть большую роль).

Я скажу кратко о моем отношении к Горбачеву и Ельцину. Я считал (и продолжаю считать), что нет альтернативы Горбачеву на посту руководителя страны в этот ответственный период ее истории. Именно Горбачев был инициатором многих решений, которые за 4 года совершенно изменили всю обстановку в стране и в психологии людей. Конечно, к этим решениям нашу страну неумолимо подтолкнула история, но все же нельзя не учитывать роль Горбачева. При этом я совершенно не идеализирую личность М. С. Горбачева, не считаю, что он делает все необходимое. Я считаю очень опасным сосредоточение в руках одного человека ничем не ограниченной власти. Но все это не отменяет того факта, что Горбачеву нет альтернативы. Я говорил об этом неоднократно на многих собраниях. Лицо М. С. Горбачева осветилось радостью и торжеством победы, когда я повторил эти слова в его присутствии на собрании представителей (я стоял при этом лицом к Горбачеву).

Теперь о Ельцине. Я отношусь к нему с уважением. Но это фигура, с моей точки зрения, совсем другого масштаба, чем Горбачев. Популярность Ельцина – это, в некотором смысле, «антипопулярность Горбачева», результат того, что он рассматривался как оппозиция существующему режиму и его «жертва». Именно этим объясняется, главным образом, феноменальный успех Ельцина (5 или 6 млн. человек – 87% голосов) на выборах в Московском национально-территориальном округе.

Ельцин принимал участие в работе группы, собиравшейся в Доме политпросвещения. Правда, он большей частью молчал. Но иногда его замечания были вполне разумными. Ельцин, возможно, сыграл определенную роль в том, что заседания Съезда транслировались по телевидению (причем непосредственно, без записи, прямо в эфир). Такая трансляция была обещана Горбачевым 3 мая на встрече с депутатами Москвы. Однако Ельцин во время одной из последних предсъездовских встреч в

присутствии Лукьянова и Зайкова встал и сказал: «Здесь передо мной газета с программой телевизионных и радиопередач на ближайшую неделю. В ней не предусмотрена прямая трансляция из зала Съезда – только информация о работе Съезда и беседы с депутатами. Нас, всю страну, пытаются обмануть.

Глава 7
Съезд

Итак, Съезд! Он открылся 25 мая в 10 утра в Кремлевском Дворце съездов. Нам выдали талончики с точным указанием места. Делегаты были размещены по территориальному принципу, в пределах делегации – по алфавиту. Рядом со мной сидела Семенова – редактор журнала «Крестьянка». Она то и дело комментировала выступления: «Ну, миленький, что же ты такое говоришь!» Меня она тоже иногда называла «миленьким». С 6 часов утра я не спал, думал, следует ли мне выступать и о чем я должен сказать. Я не подготовил никакого текста выступления – все тезисы держал в голове. Это была, вероятно, ошибка – я переоценил свои психологические возможности. Моя задача оказалась гораздо трудней, чем в Милане. Потом я увидел, что все ораторы читают написанный текст, и последнее свое выступление написал, за исключением вводных и заключительных фраз.

В начале Съезда выступил депутат Толпежников от Латвии. Он предложил почтить память погибших в Тбилиси (все встали) и внес депутатский запрос: «Требую сообщить, кто отдал приказ об избиении мирных демонстрантов в городе Тбилиси и применении против них отравляющих средств...». На этот запрос ответа так и не было дано. С самой первой минуты Съезд принял предельно драматический характер и сохранил его до конца.

После того, как было зачитано предложение по повестке дня, основанное на проекте аппарата Президиума, я попросил слова. Горбачев тут же дал мне его. После моего выступления ко мне подошел сотрудник секретариата и попросил внести исправления в стенограмму и подписать ее. Я внес в текст два мелких стилистических исправления. Одна фраза в стенограмме была записана совершенно неправильно; я не мог вспомнить точно, что я сказал, и просто ее вычеркнул. Сейчас я попытался восстановить эту фразу. Ниже я также опустил одну неудачную фразу (кажется, я ее вычеркнул и в стенограмме или как-то исправил). В тексте, опубликованном в «Известиях», и в бюллетене Съезда все мои исправления не учтены. Почти с первых секунд моего выступления в зале начался шум, хлопанье и выкрики, в конце все это перешло в откровенную обструкцию.

Исправленная стенограмма текста моего выступления:

Уважаемые депутаты, я хочу выступить в защиту двух принципиальных положений, которые стали основой проекта

повестки дня, составленного группой московских депутатов в результате длительной работы. Этот проект был поддержан также рядом депутатов страны.

Мы исходим из того, что данный Съезд является историческим событием в биографии нашей страны. Избиратели, народ избрали нас и послали на этот Съезд для того, чтобы мы приняли на себя ответственность за судьбу страны, за те проблемы, которые перед ней стоят сейчас, за перспективу ее развития. Поэтому наш Съезд не может начинать с выборов. Это превратит его в съезд выборщиков. Наш Съезд не может отдать законодательную власть одной пятой своего состава. То, что предусмотрена ротация, это ничего не меняет, тем более, что в спешке, очевидно, ротация составлена так, что только 36 процентов – я основываюсь на Конституции – только 36 процентов депутатов имеют шанс оказаться в составе Верховного Совета.

На этом основан первый принципиальный тезис, содержащийся в проекте, представленном московской группой.

Я предлагаю принять в качестве одного из первых пунктов повестки дня Съезда Декрет Съезда народных депутатов СССР. Мы переживаем революцию, перестройка – это революция, и слово «декрет» является самым подходящим в данном случае. Исключительным правом Съезда народных депутатов СССР является принятие законов СССР, назначение высших должностных лиц СССР, в том числе Председателя Совета Министров СССР, Председателя Комитета народного контроля СССР, Председателя Верховного Суда СССР, Генерального прокурора СССР, Главного государственного арбитра СССР. В соответствии с этим должны быть внесены изменения в те статьи Конституции СССР, которые касаются прав Верховного Совета СССР. Это, в частности, статьи 108 и 111.

Второй принципиальный вопрос, который стоит перед нами, – это вопрос о том, имеем ли мы право избирать главу государства – Председателя Верховного Совета СССР – до обсуждения, до дискуссии по всему тому кругу политических вопросов, определяющих судьбу нашей страны, которые мы обязаны рассматривать. Всегда существует порядок: сначала обсуждение, сначала представление кандидатами их платформ, а затем уже выборы. Мы опозорим себя перед всем нашим народом – это мое глубокое убеждение, если мы поступим иначе. Этого мы сделать не можем. (Аплодисменты.)

Я неоднократно в своих выступлениях выражал поддержку кандидатуре Михаила Сергеевича Горбачева. (Аплодисменты.) Этой позиции я придерживаюсь и сейчас, поскольку я не вижу

другого человека, который мог бы руководить нашей страной. Но такие люди могут появиться. Моя поддержка носит условный характер. Я считаю, что необходимо обсуждение, необходимы доклады кандидатов, потому что мы должны иметь в виду альтернативный принцип всех выборов, в том числе и выборов Председателя Верховного Совета СССР. Кандидаты должны представить свою политическую платформу. Михаил Сергеевич Горбачев, который был родоначальником перестройки, с чьим именем связано начало процесса перестройки и руководство страной на протяжении четырех лет, должен сказать о том, что произошло в нашей стране за эти четыре года. Он должен сказать и о достижениях, и об ошибках, сказать об этом самокритично. И от этого тоже будет зависеть наша позиция. Самое главное, о чем он и другие кандидаты должны сказать – что они собираются делать в ближайшем будущем, чтобы преодолеть то чрезвычайно трудное положение, которое сложилось в нашей стране, что они будут делать в перспективе. (Обструкция в зале достигла предела.)

Горбачев М. С.: «Давайте договоримся, что если кто хочет в порядке обсуждения высказаться, то – до 5 минут максимум. Заканчивайте, Андрей Дмитриевич».

Сейчас я закончу. Я не буду перечислять все вопросы, которые считаю нужным обсудить. Они содержатся в нашем проекте. С этим проектом, я надеюсь, депутаты ознакомлены. Громко, пытаясь перекричать шум в зале: Я надеюсь, что Съезд окажется достойным той великой миссии, которая перед ним стоит, что он демократически подойдет к стоящим перед ним задачам.

Я не перечислил всех основных, принципиальных вопросов, стоявших, по моему мнению, перед Съездом, кроме вопроса о власти, отраженного частично в Декрете (более развернуто в моем выступлении в последний день Съезда). Это – национально-конституционная реформа, проблема собственности на землю, выработка единого закона о предприятии. Я предполагал, что эти вопросы будут подняты другими депутатами. Кроме того, на меня психологически давил лимит времени.

После меня выступал Г. Х. Попов. Он пытался найти компромиссную формулировку повестки дня (исходя из тезиса, повторенного им: «Политика – искусство возможного»). Большинство Съезда не было готово к какому-либо компромиссу – это стало ясно и участникам Съезда, и телезрителям.

В дальнейшем сама логика драматических дискуссий и событий в этот и в последующие дни Съезда привела к радикализации позиции многих депутатов. В течение Съезда

непрерывно увеличивалось число депутатов, голосовавших «как наши» по острым, принципиальным вопросам, разделявшим Съезд на две противостоящие группировки. Конечно, была большая группа консервативных депутатов, на которых никакие аргументы и факты не могли подействовать. Но очень многие оказались способны к пересмотру своей позиции. Если бы Съезд продлился еще неделю, то не исключено, что «левое» меньшинство превратилось бы в большинство. Еще гораздо важнее, что подобная же эволюция происходила по всей стране, прильнувшей в эти дни к экранам телевизоров. Интерес к передачам со Съезда был огромным. Люди смотрели дома и на рабочих местах, некоторые брали отпуска, чтобы иметь возможность смотреть передачи. Всюду, где собирались люди, – на работе, в транспорте, в магазинах – происходило оживленное обсуждение событий Съезда.

Каков же главный политический итог Съезда? Он не решил задачи о власти, оказался по своему составу и по позиции Горбачева неспособен к этому. Поэтому он не мог также заложить основ кардинального решения политико-экономических, социальных и экологических проблем. Все это – дело ближайшего будущего, жизнь нас торопит. Но Съезд полностью разрушил для всех людей в нашей стране все иллюзии, которыми нас и весь мир убаюкивали и усыпляли. Выступления ораторов со всех уголков страны, не только «левых», но и «правых», за 12 дней сложились в сознании миллионов людей в ясную и беспощадную картину реальной жизни в нашем обществе – такой картины не могли создать ни личный опыт каждого из нас, каким бы трагическим он ни был, ни усилия газет, телевидения и других средств массовой информации, литературы и кино за все годы гласности. Психологические и политические последствия этого огромны и будут сказываться длительное время. Съезд отрезал все дороги назад. Теперь всем ясно, что есть только путь вперед или гибель.

В дни Съезда у нас с Люсей сложился особый быт. Утром меня отвозил к Кремлю, к Спасской башне, академический водитель, я его отпускал и шел к Дворцу съездов (минут пять по внутренней территории). Люся же включала телевизор и, не отрываясь, смотрела и слушала. (Время от времени ей звонила Зоря – двоюродная сестра – или еще кто-либо из Москвы или Ленинграда и возбужденно спрашивал: «Ты слышала, что они сказали? Что это значит?») Как только объявлялся перерыв, Люся бежала к машине, подъезжала к Спасской башне и ждала меня у цепи, которой была отгорожена центральная часть Красной площади, закрытая в дни Съезда для всех, кроме его участников. Я выходил, и мы вместе ехали обедать в ресторан гостиницы

«Россия», потом она подвозила меня к Кремлю и возвращалась к телевизору. Вечером она вновь встречала меня. В эти напряженные дни мы были духовно вместе.

Я не могу и не должен пересказывать события Съезда – все это есть в бюллетенях Съезда и в «Известиях». Несомненно, каждый день, каждое выступление на Съезде заслуживает самого тщательного изучения и анализа. Ограничусь тем, в чем участвовал лично я, и то с отбором, а главное – расскажу о некоторых закулисных событиях.

В первый день Съезда все было сосредоточено вокруг выборов Председателя Верховного Совета. В перерыве, когда я получал какие-то документы, ко мне подошел А. Н. Яковлев. Он сказал: «Вы хорошо выступали. Но сейчас главное – помочь Михаилу Сергеевичу. Он принял на себя огромную ответственность и ему по-человечески очень трудно. Практически он один поворачивает всю страну. Выбрать его – значит обезопасить перестройку». Я сказал: «Я знаю, что нет альтернативы Горбачеву, всегда об этом говорю. Но мое отношение к нему в последнее время перестало быть таким однозначным». Яковлев: «Очень жаль! Вы глубоко ошибаетесь, и...» Вокруг нас стали собираться люди – Яковлев оборвал фразу и отошел в сторону.

Выступая в дискуссии, я сказал: «...Хочу вернуться к тому, что я сказал сегодня утром. Моя поддержка лично Горбачева на сегодняшних выборах носит условный характер. Я ее поставил в зависимость от того, как будет проходить дискуссия по основным политическим вопросам... Мы не можем допустить того, чтобы выборы шли формально – в этих условиях я не считаю возможным принимать участие в выборах». Потом были вопросы к Горбачеву – их было явно недостаточно (главным политическим был вопрос о совмещении должностей генсека и председателя ВС). Отпали альтернативные кандидатуры (Оболенского не включили в список с помощью «машины голосования»; Ельцин сам снял свою кандидатуру – в своем выступлении он сказал, что поступает так в соответствии с резолюцией XIX партконференции и майского Пленума ЦК).

Когда началось обсуждение вопроса о счетной комиссии, я встал со своего места и вышел из зала; я чувствовал при этом на себе взгляды тысяч людей. На другой день Горбачев спросил меня, почему я ушел с голосования. Я сказал, что по тем принципиальным соображениям, о которых я говорил. «Но ведь была дискуссия». – «Это было не совсем то».

Как писал Питер Реддавей в одной из своих статей (цитирую по памяти, приблизительно), дело Гдляна и дело о событиях в Тбилиси – это две бомбы замедленного действия. Получилось так,

что я оказался в стороне от этих двух бомб.

В один из первых дней Съезда ко мне подошел президент Академии наук Узбекистана. Он сказал: «Так называемое узбекское дело обросло ложными вымыслами, которые оскорбляют и глубоко ранят узбекский народ. Мы все знаем вашу честность, ваш авторитет. Было бы очень важно, чтобы вы вошли в комиссию по расследованию дела Гдляна». Я ответил: «Я не могу этого сделать. Чтобы разобраться в этом деле, человеку со стороны нужны многие месяцы. А без этого он сам рискует потерять авторитет».

26 или 27 мая ко мне подошел Гдлян. Он сказал: «Когда вы выходили из зала, чтобы не голосовать за Горбачева, мы с Ивановым хотели присоединиться к вам. Но мы под следствием, поэтому мы воздержались». Я сказал: «Мне бы хотелось, если вы не против, задать вам несколько вопросов. Утверждают, что многие показания о взятках были даны в результате угроз, психологического давления, непомерно длительного содержания под стражей в нечеловеческих условиях. И что люди сейчас отказываются от этих показаний». Гдлян: «Те, кто сейчас отказываются, находились в Ташкенте в условиях литерного содержания. Именно сейчас, в Москве, они находятся в худших условиях. Длительное содержание под стражей было необходимо. Но разрешения давал не я – эти разрешения всегда давала Москва». (Выступая 3 мая, Гдлян сказал: «Говорят, что я держал в тюрьме детей. Но этим детям по 40 лет, и только так можно было вернуть награбленные ими миллионы народных денег».) – «Ваше мнение о Галкине?» (Галкин – новый старший следователь по «узбекскому делу» после отстранения Гдляна; он спустил на тормозах расследование по Сумгаиту; по-видимому – если там не было однофамильца – он же ранее вел многие диссидентские дела, включая дело Шихановича). – «Галкин – мой старый друг. Его вина (или беда) – он не умеет противостоять давлению начальства. Я никогда не поддаюсь на давление». Через несколько часов после разговора с Гдляном мне передали по рядам письмо. На конверте надпись: Сахарову А. Д., Гдляну Т. Х. Я разорвал заклеенный конверт. Письмо было без подписи. Сообщалась фамилия человека, который якобы может подтвердить факт получения М. С. Горбачевым взятки в 160 тысяч рублей во время работы в Ставрополе. Этот человек – якобы водитель (или учитель), сообщались два его телефона. Также утверждалось, что Горбачев получал взятки от работавших в городе армян-строителей, якобы это общеизвестно. Письмо без подписи, в котором указываются фамилии и телефоны других лиц, всегда смахивает на провокацию. Я все же решил отдать письмо второму

адресату. Гдлян взял конверт с безразличным видом.

Вскоре после этого (30 мая) на Съезде обсуждался вопрос о комиссии «по Гдляну». Президиум составил большой список членов, председателем был назван Рой Медведев. Меня в списке не было. Тут выступил кто-то из узбеков (кажется, Мухтаров), воскликнув: «Медведев – из этих, из пишущих, такой председатель не может быть объективным». Мухтаров не был, видимо, в курсе того, что кандидатура Медведева, несомненно, подверглась предварительному «изучению», подобно тому, что происходило со мной. Председательствующий на собрании нашел выход из ситуации, предложив перенести обсуждение списка на более позднее время. «А председателя пусть назовут сами члены комиссии». Через два дня список, составленный Президиумом с некоторыми коррективами, был представлен Съезду – Р. Медведев вновь был председателем комиссии, Мухтаров уже не возражал. Одновременно со списком Президиума группа депутатов из Свердловска предложила альтернативный список для комиссии по делу Гдляна. В числе других в качестве члена там был назван Леонид Кудрин. Он – бывший судья, отказался от этой должности и от партийного билета, так как не мог смириться с давлением, оказываемым на суд, теперь работает грузчиком и прошел на Съезд после ожесточенной борьбы. Я еще накануне хотел предложить его кандидатуру на пост председателя комиссии. Теперь я сказал: «Дело Гдляна имеет две стороны. Это не только расследование деятельности этой следственной группы, в которой, возможно, были серьезные нарушения. Но это также расследование тех обвинений, которые брошены высшим слоям нашего аппарата, нашего общества. В нашей стране возник серьезный кризис доверия к партии, к руководству (этой фразы нет в стенограмме, но я ее произнес!). Обе стороны этого конфликтного дела должны быть объективно рассмотрены... Председателю комиссии должен поверить народ, рабочий класс (этой фразы также нет в стенограмме). Человек с биографией Кудрина кажется мне поэтому подходящим на пост председателя комиссии».

Я рассказываю этот эпизод по памяти. В опубликованной в бюллетене версии он выглядит несколько иначе. Получается, что Мухтаров возражал не против Медведева, а против двух журналистов из альтернативного списка (один из них с Сахалина). При этом он якобы сначала просит отвергнуть весь список в целом, а потом тут же – исключить из него журналистов, «так как Гдлян и Иванов находятся в теплых объятиях моих дорогих коллег из Москвы». Все это выглядит нелогично. Если правильна моя версия, то попытка как-то смазать дискуссию

относительно Медведева весьма симптоматична.

30 мая на Съезде происходили и другие в высшей степени драматические события. Депутат от Каракалпакской АССР Каипбергенов говорил о трагедии Приаралья. Она по своим масштабам и затяжным последствиям сопоставима с последними мировыми катастрофами. На один гектар земли Каракалпакии, Хорезмии и Ташаузской области ежегодно выпадает 540 килограммов песка с солью, выносимых с высохшей бывшей акватории Аральского моря. Наука еще не сумела ни одного клочка земли в Каракалпакии очистить от гербицидов, пестицидов и ядохимикатов, которые вываливались тоннами на каждый гектар. В Приаралье люди умирают неестественной смертью – они обречены на вымирание. Резко возрос процент уродов среди новорожденных. Из каждых трех обследованных в АССР двое больны брюшным тифом, раком пищевода, гепатитом. Среди больных – большинство дети. Врачи не рекомендуют кормить детей материнским молоком... Оратор сказал: «Первое – я требую создать депутатскую группу Съезда народных депутатов с чрезвычайными полномочиями (пока этот трагический призыв повис в воздухе, как и многое другое на Съезде!). Второе – быстро и резко сократить посевы хлопчатника. Торговать хлопком – это в прямом смысле торговать здоровьем своих сограждан. Надо официально объявить Приаралье зоной экологического бедствия и призвать на помощь мировое сообщество. Но пока берега Арала – засекреченная территория».

Это выступление было одним из самых страшных на Съезде, наравне с выступлениями, рассказывающими о бедствиях Узбекистана и вымирающих северных народов, о бедствиях зон радиационного поражения от Чернобыльской аварии, об отравлении воздуха и воды в центрах большой химии и металлургии. В области экологии положение в нашей стране трагично. Эта беда в значительной мере связана с эгоизмом и безнаказанностью гигантских сверхмонополий – ведомств, так же как и другие трудности нашей жизни.

Съезд перешел к грузинскому вопросу. Первый оратор, Гамкрелидзе, сказал: «Безнаказанность виновных будет воспринята общественностью как всевластие высшего партийного аппарата и военного командования. Планируемая акция такого масштаба, с такими политическими последствиями должна быть заранее известна высшему руководству страны». Потом выступал Родионов, командующий войсками Закавказского военного округа. Он утверждал, что события в Тбилиси были вовсе не мирными – они создавали огромную угрозу стабильности в стране. Родионов отрицал применение химических веществ,

кроме «Черемухи», обосновывая это тем, что в толпе были «переодетые работники милиции и КГБ» и они не пострадали. Родионов утверждал, что все действия солдат были сугубо оборонительными, вызванными неожиданно сильным вооруженным сопротивлением экстремистов. «Мы киваем на 37-й год, а сейчас тяжелее, чем в 37-м году. Сейчас могут о тебе говорить, что вздумается, и оправдаться нельзя». Выступление Родионова было встречено частью депутатов и «гостей» продолжительной овацией, многие аплодировали стоя. Другие кричали: «Позор!», «Долой со Съезда!». В бюллетене стыдливо: «Продолжительные аплодисменты».

Одним из самых драматичных моментов Съезда было выступление Патиашвили, бывшего первого секретаря ЦК Грузии. Он сказал: «Я лично не уходил и не ухожу от ответственности. Большой ошибкой посчитали (он не сказал, кто «посчитали»), что мы поручили командование операцией генералу Родионову. Но это было сделано после того, как 8 апреля утром лично генерал-полковник Родионов вместе с первым заместителем министра обороны СССР генералом Кочетовым пришли ко мне и сказали, что руководство (операцией) возложено на генерала Родионова» (я помню, что Патиашвили также упомянул в своем выступлении, что до этого был звонок из Москвы Чебрикова – в бюллетене этой фразы нет). Патиашвили сказал в другом месте, что он (первый секретарь ЦК!) не знал (утром 7 апреля) о прибытии в Тбилиси Родионова и Кочетова, хотя последний находился в Тбилиси уже более суток. Цитирую далее по памяти: «Я (т. е. Патиашвили), к сожалению, не спросил тогда, кем возложено...» В бюллетене же написано очень странно. После слов «возложено на генерала Родионова» в тексте многоточие... и далее: «Я знал, что вы этот вопрос зададите (непонятно, какой вопрос). К сожалению, я этот вопрос не задал, а этот вопрос я задаю сегодня... Когда в 5 часов утра сообщили, что два человека погибли, я собрал бюро и подал в отставку, так как считал себя не вправе возглавлять партийную организацию. В этот момент я не подозревал об использовании лопат и химических веществ, иначе, я прямо, искренне заявляю, ни в коем случае не подал бы в отставку. Может, и наверняка, после этого больше был бы наказан, но ни в коем случае не ушел бы (сам) в отставку... Товарищ Родионов категорически отрицал использование лопат. Даже после пребывания в республике членов Политбюро товарищи не признавались. Только на третий день они признались (до этого центральная пресса и телевидение сообщали, что люди погибли в давке. – А. С.). А насчет газов – это позднее было, в конце апреля... Это было неправильно, что по программе «Время» прошло, что командующий отказывался» (в

бюллетене многоточие; на самом деле, речь шла о том, что якобы Родионов отказывался возглавить операцию; об этом говорил сам Родионов и – кажется, но я не уверен – Шеварднадзе, выступая по грузинскому телевидению). Далее в бюллетене совсем непонятно. В действительности произошла предельно драматическая сцена. Патиашвили явно решился в конце выступления, в состоянии эмоционального стресса, перед лицом всей страны сказать что-то очень важное. Но в это же время на него крайне усилился психологический нажим зала, в особенности его правого крыла. Патиашвили не давали говорить, выкрикивали оскорбительные вопросы (это выглядело как попытка заткнуть рот). Он был вынужден сойти с трибуны, прошел несколько шагов, остановился в мучительной растерянности и повернул обратно к трибуне. Шум в зале многократно возрос, перерастая в рев. Патиашвили дошел до трибуны, опять остановился. Потом весь как-то сжался, повернулся и почти бегом спустился в зал.

30 мая обсуждалась также комиссия по Тбилиси. Там была и моя фамилия. Я написал записку в Президиум с просьбой не вводить меня в комиссию, так как у меня были в прошлом длительные и сложные отношения с некоторыми из грузинских «неформалов». Я имел в виду в особенности Гамсахурдиа и Коставу (я неоднократно выступал в защиту Мераба Коставы, последний раз – в 1987 году). На заседаниях комиссии неизбежно должен встать вопрос об их роли, и я буду в ложном положении. Но у меня была и другая причина (я сказал о ней в интервью грузинскому телевидению – ко мне они подошли на улице перед Дворцом съездов; о том же самом говорил на Съезде президент грузинской Академии наук Тавхелидзе): никакой необходимости в комиссии нет – есть один требующий ответа вопрос, сформулированный в депутатском запросе, – кто отдал приказ об избиении мирных демонстрантов и применении отравляющих веществ, о проведении по существу карательной акции? Создание новой комиссии вместо ответа на вопрос не приблизит нас к его решению.

В первые дни после 9 апреля в Тбилиси получил распространение слух, что Горбачев якобы звонил в Москву из Англии и настаивал на мирном разрешении конфликтной ситуации в Тбилиси. Мне неизвестны какие-либо подтверждения справедливости этого слуха. Сам Горбачев, отвечая на вопросы накануне выборов на пост председателя Верховного Совета, ничего об этом не сказал.

В течение Съезда я дважды выступал по правовым вопросам. Первый раз – при обсуждении кандидатуры А. И. Лукьянова на пост заместителя председателя Верховного Совета. Я сказал: «В

течение последнего года в нашей стране был принят ряд законов и указов, которые вызывают большую озабоченность общественности. Мы не вполне знаем механизм выработки этих законов и вообще того, как шла законотворческая деятельность в нашей стране. Многие юристы даже писали, что они не знают, на каком этапе, в каких местах формулируется окончательный вид законов. Но законодательные акты, о которых идет речь, действительно вызвали очень большую озабоченность общественности. Это указы о митингах и демонстрациях, об обязанностях и правах внутренних войск при охране общественного порядка, которые были приняты в октябре прошлого года.

По моему мнению, эти указы представляют собой шаг назад в демократизации нашей страны и шаг назад по сравнению с теми международными обязательствами, которые приняло наше государство. Они отражают страх перед волей народа, страх перед свободной демократической активностью народа, и в них был заложен тот взрывчатый материал, который проявился в Минске, в поселке Ленино в Крыму, в Красноярске, Куропатах и многих других местах, и апогеем всего были трагические события в Тбилиси, о которых мы говорим. Я хотел бы знать, какова роль товарища Лукьянова в разработке этих указов, санкционировал ли он их, каково его личное отношение к этим указам. Это первый вопрос.

Второй вопрос. Указ Президиума Верховного Совета СССР, принятый 8 апреля1. На мой взгляд, он тоже противоречит принципам демократии. Есть важнейший принцип, который сформулирован и во Всеобщей декларации прав человека, принятой в 1948 году, и такой международной организацией, как Международная амнистия. Принцип заключается в том, что никакие действия, связанные с убеждениями, если они не сопряжены с насилием и с призывом к насилию, не могут служить предметом уголовного преследования. Это ключевой принцип, лежащий в основе демократической правовой системы. И этого ключевого слова «насилие» в формулировке указа от 8 апреля нет. Поэтому он представляется мне неудовлетворительным. Но, кроме того, там возникла дополнительная статья 111 УК, которая всем нам хорошо известна; к сожалению – так как указ начал применяться, – уже начали людей осуждать, и потребовалось разъяснение Пленума Верховного Суда СССР, но оно тоже представляется мне не полным и не удовлетворительным, а самое главное – очень плохо, когда к закону, к указу требуется разъяснение. Закон не должен допускать неоднозначного толкования – это чревато огромными опасностями. Я говорю об

этом сейчас – это требование многих избирателей, многих групп избирателей – поэтому я имею право об этом говорить. Но я опять же хотел спросить – это мой вопрос товарищу Лукьянову: как он относится к этим указам и участвовал ли он в их разработке?»

Второй раз я выступал при обсуждении кандидатуры Сухарева на пост Генерального прокурора СССР. Я задал следующие вопросы (пишу по памяти):

«1. Сейчас в печати активно обсуждается вопрос о допуске адвоката к следствию с момента предъявления обвинения. 2. Обсуждается вопрос о том, что следует освободить Прокуратуру от ведения следствия, т. к. это приводит к серьезным нарушениям законности и гуманности, и сосредоточить функции Прокуратуры только на надзоре за выполнением закона. Ваша позиция?» Сухарев: «В обоих случаях поддерживаю». «3. Я получал множество писем от людей, по их мнению незаконно осужденных, и от родственников осужденных. Эти люди сообщали, что они обращались в Прокуратуру, посылая документы, доказывающие несправедливость приговора. В ряде случаев аргументы были очень серьезными. Во всех случаях Прокуратура давала формальный ответ: «Оснований для пересмотра приговора не имеется» – без конкретного анализа аргументов жалобщика. В печати сообщалось, что в большинстве случаев Прокуратура даже не затребовала дело. Формальный ответ получил и я на надзорную жалобу, посланную мною по делу моей жены Боннэр Е. Г. (шум в зале). Как вы относитесь к подобной практике?» Сухарев: «Прокуратура должна добиваться исключения подобных явлений. Моя позиция тут очень определенная и решительная». «4. Каково ваше мнение о ваших сотрудниках Катусеве и Галкине?» Сухарев: «Положительное». Я: «Но Катусев своим заявлением, содержащим ложную информацию, фактически спровоцировал события в Сумгаите, во всяком случае обострил их. А Галкин сорвал расследование событий в Сумгаите, выявление организаторов и их покровителей». Сухарев: «Вы не правы».

В один из дней Съезда решался вопрос о создании Комиссии для выработки новой Конституции СССР. Съезду был представлен список членов Комиссии с М. С. Горбачевым в качестве председателя. Завязалась дискуссия. Один из ораторов сказал: «Все члены Комиссии в этом списке – члены КПСС. Что они будут вырабатывать – проект Конституции или новый устав партии?» Выступил Сагдеев. Он предложил мою кандидатуру, добавив, что это будет по крайней мере один не член партии. Горбачев обратился к залу с вопросом, кто поддерживает это предложение. Многие зааплодировали. Горбачев, не ставя вопрос на

голосование, сказал: «Я вижу, вы поддерживаете. Принимаем это предложение». Несомненно, Горбачев хотел, чтобы я вошел в Комиссию, и опасался, что я не получу 50% голосов, необходимых для включения в список. Я подошел к трибуне и сказал: «Как видно из состава Комиссии, несомненно, что по любому принципиальному вопросу я буду в меньшинстве. Поэтому я могу войти в Комиссию, только оговорив, что я считаю себя вправе выдвигать альтернативные формулировки и принципы и не поддерживать то, с чем я не согласен». Когда я сел на свое место, ко мне подошел сотрудник аппарата Горбачева и спросил: «Значит ли ваше заявление, что вы отказываетесь работать в Комиссии?» – «Нет, я согласен войти в Комиссию на тех условиях, о которых я сказал». – «Очень хорошо, Михаил Сергеевич был очень озабочен».

31 мая во время перерыва ко мне подошли несколько военных. Они сказали, что многие обеспокоены моим канадским интервью, в котором я утверждал, что советские вертолеты расстреливали оказавшихся в окружении советских солдат, чтобы те не попали в плен. Если бы такие факты имели место, о них знала бы вся армия. Но они служили в Афганистане и никогда ничего подобного не слышали. Они убеждены, что я был введен в заблуждение. «Мы хотим предупредить вас, что вскоре хотят потребовать публичного обсуждения и осуждения на Съезде вашего заявления». Я сказал, что моя позиция вполне ясная – я готов ее обсуждать с кем угодно и в любой форме. Я кратко повторил то, что было опубликовано в интервью «Комсомольской правде».

В течение последнего года у меня усиливалось чувство беспокойства в отношении общей линии внутренней политики Горбачева. Меня волновал и волнует огромный разрыв между словами и делами в экономических, социальных и политических делах.

По существу, экономическая реформа, основу которой должны составлять изменение структуры собственности в сельском хозяйстве и промышленности, ликвидация партийно-государственного диктата, всевластия и грабежа ведомств, еще не началась.

В идеологической области меня волнует отдача ее в антиперестроечные руки Медведева и Дегтярева, многочисленные отступления в области свободы информации.

В политической области меня волнует явное стремление Горбачева получить бесконтрольную личную власть. Меня волнует постоянная ориентация Горбачева не на прогрессивные, перестроечные силы, а на «послушные» и управляемые, пусть

даже и реакционные. Это проявляется и в отношении к «Мемориалу», и на Съезде. Такая же ориентация проявляется в национальных проблемах – негативное, предвзятое отношение к армянам и прибалтам.

В социальной области меня волнует отсутствие реальных изменений к лучшему в положении почти всех слоев населения.

Я решил, что откровенный разговор с Горбачевым без свидетелей был бы очень важен. В начале утреннего заседания 1 июня, подойдя к Президиуму, я сказал Горбачеву о своем желании поговорить с ним один на один. Весь день я был как на иголках. После вечернего заседания я напомнил о своем желании одному из секретарей Горбачева – он через несколько минут вернулся и сказал, что Михаил Сергеевич сейчас говорит с членами грузинской делегации, это надолго, и, вероятно, лучше всего перенести нашу встречу на завтра. Но я просил передать, что буду ждать. Я взял стул и сел недалеко от двери, за которой находился Горбачев. Мне был виден с этого места весь огромный зал Дворца съездов, в это время погруженный в полумрак и пустой (лишь охранники стояли у далеких дверей). Наконец, примерно через полчаса появился Горбачев вместе с Лукьяновым – последнее не входило в мои планы, но делать было нечего. Горбачев выглядел уставшим (так же, как я). Мы сдвинули три стула в угол сцены за столом Президиума. На всем протяжении разговора Горбачев был очень серьезен. На его лице ни разу не появилась обычная у него по отношению ко мне улыбка – наполовину доброжелательная, наполовину снисходительная. Я сказал: «Михаил Сергеевич! Не мне говорить вам, какое трудное положение в стране, как недовольны люди и все ждут еще худших времен. В стране кризис доверия к руководству, к партии. Ваш личный авторитет упал почти до нуля. Люди не могут больше ждать, имея только обещания. В таких условиях средняя линия оказывается практически невозможной. Страна и вы лично стоят на перепутье перед выбором – или максимально ускорить процесс изменений, или пытаться сохранить административно-командную систему со всеми ее качествами. В первом случае вы должны опираться на «левые силы» – можете быть уверены, что в стране найдется много смелых и энергичных людей, которые вас поддержат. Во втором случае вы сами знаете, о чьей поддержке идет речь, но вам никогда не простят попыток перестройки». Горбачев: «Я твердо стою на позициях перестройки. Это то, с чем я связал себя навсегда. Но я против перескакивания, паники, спешки. Мы много видели «больших скачков», результаты всегда – трагедия, откатывание назад. Я знаю все, что обо мне говорят. Но уверен, народ поймет мою линию». Сахаров: «На Съезде не

решается основная политическая задача – вся власть Советам, т. е. ликвидация неравноправного партийно-советского двоевластия. Нужен Декрет о власти, закрепляющий в руках Съезда всю полноту законодательной власти и право выдвижения основных должностных лиц. Только так будет обеспечено народовластие, свобода от хитростей аппарата, который реально сейчас делает политику – и законодательную, и кадровую. Избранный Верховный Совет не является в своей массе достаточно компетентным и работоспособным органом. Страну возглавляют все те же люди, та же система ведомств и министерств, а Верховный Совет почти бессилен». Горбачев: «Съезд не может заниматься всеми законами – их слишком много. Поэтому нужен постоянно работающий Верховный Совет. Но вы, московская группа, захотели поиграть в демократию, и в результате в Верховный Совет не попали многие нужные люди – мы уже рассчитывали дать им посты в комиссиях и комитетах. Вы много испортили. Но мы постараемся все же что-то исправить, например сделать Попова заместителем председателя Комитета. Новые люди есть всюду – например, Абалкин будет зам. Рыжкова». Сахаров: «Дело Гдляна – не только вопрос о нарушениях законности, это очень важно, но для народа это вопрос о доверии, о кризисе доверия к руководству. Плохо, что отвергнута кандидатура Кудрина, – он рабочий, бывший судья, бывший член партии – ему бы народ поверил». Лукья-нов: «Кудрин построил свою предвыборную кампанию на деле Гдляна. Он не может быть беспристрастным» (на самом деле, дело Гдляна не было главным в кампании Кудрина). Сахаров: «Очень беспокоит, что единственным политическим результатом Съезда является достижение вами неограниченной личной власти – Восемнадцатое брюмера в современном варианте. Вы пришли к этой вершине без выборов, вы даже не прошли через выборы в Верховный Совет и стали председателем, не будучи членом». Горбачев: «А вы что – хотели, чтобы меня не выбрали?» Сахаров: «Нет, вы знаете мое мнение, что вам нет альтернативы. Но речь не о личности, о принципе. И, кроме того, вы можете стать объектом давления, шантажа со стороны тех, в чьих руках информация. Уже сейчас говорят, что вы брали взятки, называют цифру в 160 тысяч, в Ставрополе. Провокация? Но найдут что-то иное. Если вы не выбраны народом – никто вас не сможет оградить». Горбачев: «Я совершенно чист. И я никогда не поддамся на попытки шантажировать меня – ни справа, ни слева!» Горбачев сказал эти слова без видимого раздражения, твердо.

Так окончилась эта встреча. Я не записал ее сразу – сейчас пишу по памяти. Очень возможно, что порядок эпизодов был

несколько иной и мои слова не очень точно переданы. Но ключевые формулировки Горбачева, мне кажется, я передал точно.

Никаких конкретных последствий этот разговор не имел. Их и не могло быть. Но мне кажется, что иногда разговор с такой высокой степенью откровенности необходим – конечно, при условии взаимного уважения.

На другой день, 2 июня, произошло то, о чем предупреждали меня военные. В выступлении участника афганской войны секретаря ЛКСМ г. Черкассы Червонописского против меня было выдвинуто обвинение в клевете в связи с публикацией в канадской газете. Червонописский – инвалид афганской войны (он лишился обеих ног). Значительная часть его выступления была посвящена материальным и моральным проблемам ветеранов афганской войны, действительно очень серьезным. Но далее он упомянул «политиканов из Грузии и Прибалтики, которые сами уже давно занимаются тем, что готовят свои штурмовые отряды», вспомнил «злобные издевательства лихих ребят из передачи «Взгляд» и безответственные заявления депутата Сахарова». Он зачитал обращение воинов-десантников по поводу моего интервью и присоединился к нему. Кончил он словами: «Три слова, за которые, я считаю, всем миром нам надо бороться, я сегодня назову: это – «Держава, Родина, Коммунизм»». (В бюллетене написано: «Аплодисменты. Все встают». Что касается меня, то я не стал бы соединять эти три слова. «Люблю отчизну я, но странною любовью», – писал Лермонтов. Мне кажется, что соединение слов «Держава» и «Коммунизм» неприемлемо также и для убежденного коммуниста.) В момент, когда Червонописский кончал свое выступление, я уже пробрался к трибуне, чтобы ему возразить. Уже первые мои слова вызвали, как деликатно написано в бюллетене, шум в зале.

Сказал же я: «Я меньше всего желал оскорбить Советскую армию <…> Речь идет о том, что сама война в Афганистане была преступной, преступной авантюрой <…> и неизвестно, кто несет ответственность за это огромное преступление <…> Я выступал против введения советских войск в Афганистан и за это был сослан в Горький <…> И второе… Тема интервью была вовсе не та <…> речь шла о возвращении советских военнопленных, находящихся в Пакистане. И я сказал, что единственным способом <…> являются прямые переговоры <…> с афганскими партизанами, которых необходимо признать воевавшей стороной <…> Я упомянул о тех сообщениях, которые были мне известны по передачам иностранного радио, – о фактах расстрелов «с целью, – как написано в том письме,

которое я получил, – с целью избежать пленения». (Я, к сожалению, не объяснил, что речь идет о переданном мне из Секретариата запросе в Президиум, подписанном многими офицерами – делегатами Съезда, в том числе бывшим командующим советскими частями в Афганистане генералом Громовым. В запросе содержится требование осудить на Съезде мое канадское интервью и использовано словосочетание «с целью избежать пленения».) <…> это проговор (в бюллетене ошибочно – приговор) чисто стилистический, переписанный из секретных приказов. <…> Я не Советскую армию оскорблял, не советского солдата, я обвинял (в бюллетене – оскорблял) тех, кто дал этот преступный приказ – послать советские войска в Афганистан». (В бюллетене: Аплодисменты, шум в зале.)

На самом деле – пять минут перед лицом миллионов телезрителей бушевала буря, большинство депутатов и «гостей» вскочили с мест, кричали: «Позор! Долой!», топали, другая, меньшая, часть аплодировала. Потом были другие выступления с осуждением – очевидно, это была запланированная кампания. Казакова Т. Д., учительница средней школы, г. Газалкент: «Товарищ академик! Вы одним своим поступком перечеркнули всю свою деятельность. Вы нанесли оскорбление всей армии, всему народу, всем нашим павшим <…> И я приношу всеобщее презрение Вам <…>» (Аплодисменты.)

В конце заседания я подошел к Горбачеву. Он с досадой сказал: «Зря вы так много говорили». Я сказал: «Я настаиваю на предоставлении мне слова в порядке обсуждения вашего доклада». Горбачев посмотрел на меня с удивлением. Он только спросил: «Вы записаны?» – «Да, очень давно».

Я вышел на улицу. Люся уже ждала меня, как всегда, у Спасской башни. Она сказала: «Ты, конечно, плохо выступил, но ты молодец. Я сильно волновалась только одну минуту, пока ты шел к трибуне и я видела твою спину. А когда ты повернулся и я увидела твое лицо, я сразу успокоилась». Что касается меня, то я вообще волновался много меньше, чем в первый день. Я чувствовал свою моральную правоту, хотя меня при этом в дискомфортное состояние ставило отсутствие документальных подтверждений (их нет и сейчас). От шума, беснования зала я поэтому психологически был отключен. Но на всех тех, кто смотрел передачу по телевидению или был в зале, эта сцена произвела сильное впечатление. В один час я приобрел огромную поддержку миллионов людей, такую популярность, которой я никогда не имел в нашей стране. Президиум Съезда, редакции всех газет, радио и телевидение, ФИАН и Президиум Академии получили в последующие дни десятки тысяч телеграмм и писем в

поддержку Сахарова. В нашем же доме телефон не умолкал ни на минуту почти круглые сутки, почтальон и доставщик телеграмм (с которым у нас прекрасные отношения) буквально сбились с ног и завалили нас целыми кипами.

До окончания Съезда оставалась одна неделя. Я и многие считали крайне желательным продолжение Съезда. Но этого, по-видимому, не хотели Горбачев и другие члены Президиума. Более того, Съезд даже оказался сокращен на один день в связи с объявленным после катастрофы в Башкирии днем траура. Это действительно была ужасная трагедия – два поезда были сожжены в результате воспламенения нефтепродуктов, проникших наружу из неисправного трубопровода. Сотни пассажиров, среди них много детей, погибли. В эти же дни произошли и другие трагические события, о которых мы вскоре узнали.

В Китае власти применили военную силу против участников митингов – студентов и рабочих; эти митинги шли в Китае, в особенности в Пекине, уже несколько недель. Они начались еще до визита Горбачева в Китай под лозунгами демократизации, свободы слова, борьбы с коррупцией в партийно-государственных высших слоях. Инициаторами митингов были студенты, затем к ним примкнули рабочие, положение которых в последние годы стало ухудшаться. В митингах на центральной площади Пекина Тяньаньмэнь (площадь Небесного Спокойствия) принимало участие свыше 1 млн. человек – называли и большие цифры. Попытки использовать против митингующих военные части сначала были безуспешными – происходило братание солдат с рабочими и студентами. Но власти сумели ввести в Пекин какие-то другие части, срочно переброшенные из провинции, и в ночь на 4 июня (это, как и 9 апреля, было воскресенье) на митингующих двинулись танки. Число жертв непосредственно на площади и в других городах неизвестно – несомненно, речь идет о многих тысячах погибших. Несколько дней в Пекине и в провинции шли бои. Затем властям удалось сломить сопротивление студентов и рабочих. Начались аресты, суды и казни. Вчера (3 августа 1989 г.) я встретился в доме Ефрема и Тани с китайцами. Среди них были Чень Дун, возглавлявший переговоры студентов с правительством, и Лю Янь (участница голодовки на площади), а также сотрудники бостонской организации «Китайский информационный центр». Чень рассказал, что требования студентов при переговорах сводились к двум пунктам – легализация студенческой независимой организации и разрешение печататься в одной из издающихся в Пекине газет. Эти требования были отвергнуты, так как власти увидели в них попытку создания в будущем новой партии. Говоря

о положении в Китае, Чень утверждал, что существуют три класса: партийная верхушка, элита, пронизанная семейственностью и коррупцией, основная масса народа – крестьяне и рабочие – и возникший после реформы зажиточный класс. Движение началось в апреле после смерти Ху Яобана, митинг начался 13 мая, а 20 мая было введено военное положение (сразу после отъезда Горбачева). В голодовке приняло участие 3 600 человек, в основном девушки. Арестовано 120 тыс. человек, аресты продолжаются, часть направлена на перевоспитание в отдаленные районы, часть в лагерях и тюрьмах, где очень тяжелые условия. Друг Лю 9 месяцев находился в карцере, где можно было только сидеть на корточках. Чень считает, что международные санкции совершенно необходимы. Они должны проходить в два этапа. Первый этап: осуждение кровавой расправы 4 июня, цель – прекращение арестов и казней. Второй этап: цель – способствовать демократизации в Китае. Санкции должны быть направлены против государственного сектора экономики и против центрального региона, но не против частного сектора экономики и периферийных регионов. Действенность санкций крайне снижается из-за прагматической позиции СССР, не принимающего участия в санкциях. Студентов очень интересовало положение в СССР, роль Горбачева, забастовки шахтеров, перспективы демократизации и экономической реформы. И мне, и Люсе очень понравились наши гости – серьезностью, цельностью, наконец они были просто лично, физиономически нам симпатичны. Лю – 19 лет, Ченю – 21 год.

В первые дни после 4 июня Съезд принял Обращение к китайскому народу, в котором не содержалось ничего, кроме призыва к мирному разрешению конфликта, причем не было конкретизировано, кто призывается к миру – те, кто применяет танки и пулеметы против мирных митингов, или те, кто пытается им сопротивляться. Лишь несколько человек из депутатов голосовали против этого обращения, среди них – Галя Старовойтова. Я, к сожалению, не вполне понял на слух позорный характер этого Обращения, потом старался, как мог, исправить свою ошибку. Потом я слышал, что Обращение было принято по просьбе китайского правительства! Оно было, очевидно, нужно, чтобы как-то сгладить политический эффект протестов во всем мире против жестокости китайских властей.

В эти же дни произошла чудовищная резня в Узбекистане. Сначала поступили отрывочные сведения, из которых было очевидно, что происходит что-то страшное. В один из дней Съезда после 6 часов нас оставили на закрытое заседание, где Чебриков

и, кажется, Бакатин (министр внутренних дел) рассказали многое – но далеко не все – об этих ужасных событиях. Главными жертвами были турки-месхетинцы (но также русские, татары, евреи, армяне, украинцы). Я напомню, что до 1944 года турки-месхи жили в Грузии, на границе с Турцией. Одновременно с крымскими татарами они насильно и с большими жертвами переселены в Узбекистан, давно и упорно добиваются возвращения на родину. В шестидесятые – семидесятые годы многие активисты борьбы за возвращение были осуждены. Во время погрома в Фергане более ста человек было убито и несколько сот человек ранено. Убийства носили особо зверский, садистский характер (сожжение заживо, распятие, дети, поднятые на вилах, и другие не поддающиеся уму зверства), было много изнасилований, в том числе малолетних. Чебриков рассказал, что для спасения турок-месхов их вывезли на территорию военного лагеря. Лагерь охраняется расположенными по периметру войсками. Условия там очень трудные: воды не хватает, нет палаток, дети и старики – под палящим солнцем. В числе подстрекателей событий Чебриков назвал «экстремистское крыло Берлик» (Берлик – националистическая неформальная группа узбекской интеллигенции). Потом это обвинение не фигурировало. Пока? Кто знает! Совершенно непонятно, что вызвало такой приступ межнациональной ненависти и жестокости (хотя мы уже видели нечто аналогичное в Сумгаите). А по части жестокости в нашем веке тоже есть что вспомнить – доктора Менгеле и Освенцим, Колыму, Кампучию, Сабру и Шатилу... Во всяком случае, мотивы религиозной розни совершенно исключены: и узбеки, и турки-месхи – мусульмане-сунниты. Говорят о проблеме земли. Действительно, монокультура хлопка лишила узбеков земли, обрекла их тем на голод. Быть может, у каких-то турок были маленькие клочки земли, а взаимная помощь, всегда возникающая в гонимом меньшинстве, сделала их жизнь на один волос лучше, чем у коренного населения (вспомним евреев в Европе, России и на Украине или китайцев в Индонезии). Но если дело в земле, то все-таки в этом случае основная ненависть должна была быть направлена не на невольного соседа, а на тех, кто дальше и выше. Мы приходим к неизбежному выводу, что кто-то направлял толпу, канализировал ее ненависть. Говорят, что был распущен слух, что турки-месхи вырезали детей в детском саду. Что ж, это тоже могло быть составной частью провокации. Но кто ее осуществлял?

На другой день после закрытого заседания мы с Люсей, как всегда, подъехали на обед к «России». Перед дверями стояла группа турок-месхов, ходоков, приехавших из Ферганы. Они

обступили нас, умоляя помочь. Мужчины плакали, одна из женщин встала на колени. Им с трудом удалось приехать – на вокзале и в аэропорту их задерживали, избивали в милиции. Ходоки утверждали, что погромщики пользуются полной поддержкой местных властей – им дают автобусы и горючее, снабжают адресами турок-месхов (как в Сумгаите – адресами армян. – А. С.). На следующий день к нам на улицу Чкалова пришла группа турок-месхов. Накануне они встречались с Чебриковым. Ходоки просили помочь им встретиться с Горбачевым – без этого они не могут уехать, это наказ народа. Я стал звонить в секретариат Горбачева. Его самого не было на месте; я просил секретаря связаться с Горбачевым, передать, что, ввиду крайней серьезности положения (я приводил ряд новых фактов), я прошу его встретиться с делегацией турок-месхов, – я передал секретарю список фамилий. Через полчаса секретарь позвонил и сказал, что Михаил Сергеевич не может принять делегацию, так как он готовится к поездке в ФРГ. Я взорвался, может сильней чем когда-либо, и закричал: «Передайте Михаилу Сергеевичу, что он никуда не поедет. Я обращусь к Колю, с тем чтобы визит Горбачева в ФРГ был отменен. Немыслимо принимать главу государства, которое допускает геноцид!» На другом конце провода возникла какая-то заминка. Потом секретарь сказал: «Ждите. Вам позвонят». Еще через 20 минут секретарь позвонил и сказал, что делегацию турок-месхов примет Рыжков. Вечером ходоки пришли опять. Они с возмущением рассказали, что Рыжков сообщил им о решении эвакуировать турок-месхов из Узбекистана в Смоленскую область и другие области России, где им уже готовят дома. «Но ведь это вторая ссылка! Мы десятилетиями добиваемся возвращения на родину, готовы за это право отдать жизнь. Если мы сейчас согласимся переехать в Россию, то в Грузию мы уже никогда не вернемся – мы это ясно понимаем!» Мы с Люсей пытались их уговаривать, что сейчас надо спасать жизнь людей, – это самое главное. Поэтому отказываться от эвакуации из Узбекистана нельзя – такой отказ приведет к новым жертвам. Добиваться возвращения на родину они не перестанут и в России и когда-нибудь своей цели добьются. Турки не согласились с нами и ушли очень обиженные.

Я говорил со многими грузинами о возможности возвращения турок-месхов в Грузию. Но их позиция была совершенно не поддающейся моим доводам (так же, как в отношении Абхазии и Осетии). Потом, уже после Съезда, я говорил на ту же тему с Лукьяновым (в беседе, о которой я рассказываю в конце книги). Лукьянов говорил, что они пытались уговорить Гумбаридзе принять турок. Но тот заявил, что в нынешней ситуации, при

нехватке в Грузии земли (после оползней и т. п.), в обстановке обострения всех национальных проблем это вызвало бы в Грузии гражданскую войну.

Еще маленький штрих к картине событий в Фергане, возможно ложный. Нам сообщили, что в видеопленках, на которых запечатлены кровавые события в Узбекистане, среди беснующейся толпы удалось опознать группу работников КГБ Армении, за несколько дней до событий срочно вызванных в Москву. Если это сообщение верно, то можно было бы предполагать участие КГБ в провокации в Фергане. Но, конечно, к сообщениям такого рода надо относиться сугубо осторожно.

Одним из драматических событий последних дней Съезда было обсуждение вопроса о Комитете конституционного надзора. Президиум Съезда предложил состав этого Комитета и пытался добиться тем самым его создания. Ряд депутатов, в особенности из Прибалтики, возражали против самого обсуждения этого вопроса, ссылаясь на то, что нет регламента, определяющего функции и полномочия Комитета. В частности, не была исключена возможность, что такой Комитет может вмешиваться в законодательную деятельность в республиках. Обсуждение носило очень острый характер. Группа депутатов Прибалтики покинула Съезд (кажется, это была делегация Литвы, а может, и других республик). Президиум вынужден был уступить и отменить обсуждение вопроса о Комитете конституционного надзора.

На Съезде все же удалось выступить некоторым «левым» депутатам с концептуальными тезисами. 8 июня выступили Шмелев, Емельянов и Яблоков. До этого 31 мая выступили Бунич и Власов, 1 июня – Черниченко. В последний день Съезда выступил я. Не удалось выступить с программной речью Афанасьеву, а также Тихонову.

Бунич сказал: Наши изменения в области экономики носят косметический характер. Мы забыли, что торговля возникает тогда, когда предложение больше спроса. Наблюдается откатная волна запретительных мер (примеры: нормативное соотношение между ростом производительности труда и средней зарплатой, «отстреливание» кооперативов). Самые чрезвычайные меры – это просто радикальные. Сегодня, если предприятие убыточное, оно получает такую же зарплату, как рентабельное. Мы объедаем наших детей – живем лучше, чем работаем, хотя живем скверно. Социализм – не собес. Хозрасчет – это когда каждый будет знать, что все, что он сделал, его, за минусом налога. Если к другому уходит невеста, то, наверно, виноваты скрытые пороки первого жениха (это о госсекторе и кооперации). Нужен единый закон о

предприятии и кооперации.

Черниченко начал с остроумного освещения происхождения послушного негодования против «москалей», вспомнил «очаровательную депутатку из Казахстана, которая лишила их своего женского расположения» (эта делегатка сказала, что она боится садиться рядом с этими москвичами). «Не сама машина ходит, тракторист машину водит.» Но – «Разделяй и властвуй!» больше не проходит. Хочешь продуктивно властвовать – соединяй и достигай цели! Все жданки мы проели! Никогда не накормит народ принудительная система земледелия. Причины нищеты людей и умирания пашни – только и исключительно политические причины. Сталинизм в сельском хозяйстве – это экономическая Вандея. Руды мы производим в 6 раз больше, чем Штаты, а пластмасс – в 6 раз меньше. Комбайнов – в 10 раз больше на душу населения, а хлеба – почти в два раза меньше. Осипьян считал на счетах. Система, представленная арестованным в 1926 году рублем и командующим, но не отвечающим аппаратом, – ведет к национальному унижению. До восьми замов и министров сидят в кабинете – приемной зам. зав. отделом ЦК. Это все знают, но это не нужно говорить. В воспитанном обществе – это считается невоспитанным. Унижает наш постыдный экспорт – 200 млн. тонн нефти в год, по преимуществу сырой. Я не знаю, что передам внуку. Унижает импорт. Импорт того, что вырастает на своих землях, вещей и материалов, вполне возобновимых. Почему в прошлом году закуплен 21 млн. тонн пшеницы, когда страна производит пшеницы в 2 раза больше, чем ей самой нужно? Если бы эти чудовищные миллиарды Мураховский платил своим, за 25 лет все выросло бы дома, у себя1. Я соглашатель. Я хочу увести людей с митингов, отвлечь от забастовок. Повторить вслух ленинские, самые революционные после «Вся власть Советам!» слова – «От продразверстки к продналогу!». Без Закона о земле грош нам цена. Доверия нам с вами больше не будет.

Н. П. Шмелев сказал: Меня беспокоят ближайшие два-три года – инфляция, распад потребительского рынка, бюджетный дефицит. В случае экономического краха нас ждет – всеобщая карточная система, обесценивание рубля, разгул черного рынка и теневой экономики и вынужденный возврат к жесткой административно-командной дисциплине на какое-то время. (Похоже, что Абалкин и другие считают, что это время уже наступило или наступает? – А. С.) Несправедливо, что во всем виноват быстрый рост заработной платы. Степень эксплуатации рабочей силы в нашей стране из всех индустриальных стран самая высокая. Доля зарплаты в валовом национальном продукте

составляет у нас 37–38%, в индустриальном мире этот показатель 70% и выше. Наш рабочий класс имеет моральное право повысить свою долю в ВНП, и всеми возможными мерами он к решению этой задачи приступает. Этот процесс остановить невозможно. Совсем безграмотное объяснение – кооператоры, которые безналичные деньги превращают в наличные. Доходы населения – 430 млрд. рублей. В том, что работает печатный станок, кооператоры виноваты менее чем на четверть процента (1 млрд. рублей). Кроме тяжелого наследия – четыре ошибки: 1) абсолютно неквалифицированная акция с продажей алкогольных напитков; 2) кампания 1986 года по борьбе с нетрудовыми доходами; 3) при падении цен на нефть мы сократили не импорт оборудования и зерна, а импорт товаров народного потребления; 4) при резком росте бюджетного дефицита увеличение капиталовложений. Шмелев предлагает систему санационных мер:

1. Вернуться к нормальной торговле спиртным (сейчас половина спиртного в стране производится самогонщиками – это только из сахара). Люди пьют от тоски, от лжи и от безделья. Нам нужно 15 млрд. долларов разового импорта потребительских товаров плюс искусственный импорт порядка 5–6 млрд. долларов в год для поддержания товарного равновесия на протяжении 2–3 лет. Итого, 30–35 млрд. долларов; где взять эти деньги?

2. Разрешить колхозам часть продукции сдавать за валюту с правом тратить эту валюту где хотят. Причем наши люди скромные. Не надо им по 200 долларов платить за тонну зерна, они и за 75 продадут.

3. Остановим на 5–10 лет импорт оборудования для наших гигантских проектов.

4. Позволительно спросить, сколько нам стоят наши интересы в Латинской Америке. По американским оценкам, 6–8 млрд. долларов ежегодно.

5. Международные займы. Проценты мы выплатить сумеем, остальное не обязательно.

6. Надо решиться на продажу земли или на отдачу ее в вечную аренду.

7. Нам надо решиться не только говорить, но и продавать квартиры по-настоящему, продавать грузовики, трактора, продавать все, что есть в запасах.

8. Акционерная собственность, акции, государственный нормальный заем на 30 лет под высокий процент. Те деньги, которые мы получим от возросшего импорта товаров широкого потребления, списать, уничтожить.

9. Надо понять, что государство разорено, что мы можем

строить только то, что дает быстрый потребительский эффект.

10. Мы придумали самую нелепую, самую неэффективную систему государственной помощи сельскому хозяйству. Когда хорошо работающему мы за килограмм продукции платим рубль, а тому, кто работает плохо, – 2 рубля. Это нужно ликвидировать!

Емельянов говорил о проблемах власти и роли партии. Сейчас часто подчеркивают, что сама партия является гарантом перестройки. Но не сам народ пришел к нынешней кризисной ситуации. Он пришел, ведомый партией. Однопартийная система – это уже монополизация власти. Совмещение постов – монополизация в квадрате. Емельянов говорит, что, видимо, совмещение необходимо временно на уровне генсек – президент, но это нельзя возводить в принцип и надо запретить на всех нижних уровнях. Необходимо принять решение о ликвидации всех привилегий как принцип. У нас не было и нет политического защитного механизма демократической жизни в стране. Мы не имеем поэтому гарантий необратимости перестройки. В перестройке надо идти снизу вверх. На каждом уровне управления должны быть только такие органы управления, с такими функциями и с такой численностью аппарата, как это нужно низам.

А. В. Яблоков говорил об экологических проблемах. 20% населения страны живет в зонах экологического бедствия. Еще 35–40% – в экологически неблагоприятных условиях. Каждый третий мужчина в таких районах заболевает раком. Детская смертность в отдельных районах выше, чем в ряде стран Африки. Средняя продолжительность жизни на 4–8 лет ниже, чем в развитых странах мира. Причины: Советы утратили реальную власть на местах, на уровне ведомств отсутствуют экономические стимулы ресурсосбережения. Поэтому – экстенсивный характер эксплуатации природных ресурсов. В условиях монополии ведомств развитие каждой отрасли идет без учета давления на среду соседних ведомств. В 1987 году в пятой части всех проверенных по Советскому Союзу колбасных изделий содержались ядохимикаты в опасном для здоровья количестве, то же самое относится к 42% продукции детских молочных кухонь.

Нет нужной экологической информации вообще.

Нет независимой экологической (предпроектной) экспертизы крупных строительств. В лучшем случае через некоторое время, когда крупные средства уже затрачены, возникает достаточно мощное общественное движение, которому удается остановить строительство. Но то, что затрачено, – безвозвратно пропало, омертвлено. Пока экспертиза бесправна и ведется на полуобщественных началах. Пример – строительство Южно-

Украинской АЭС, второй очереди Астраханского газоконденсатного комплекса, Тюменского нефтехимического комплекса. В последнем случае нет проекта, нет технико-экономического и экологического обоснования, а Совет Министров принимает решение открыть финансирование (сумма в несколько раз больше затрат на БАМ). Что надо:

Вернуть власть на местах Советам.

Загрязнитель должен платить.

Переход на экологически безопасную технологию.

Обязательная независимая экспертиза.

Я привел (по необходимости конспективное) изложение некоторых выступлений, чтобы показать несостоятельность мнения об отсутствии у «левых» депутатов конструктивной программы. Очень много ценных мыслей содержалось также в выступлениях депутатов, в целом стоящих на более консервативных позициях.

Высказанные на Съезде идеи лишь частично вошли в итоговое постановление «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР» – многие тезисы сформулированы в слишком общей, не конкретной форме. Тем не менее, это Постановление – несомненно важнейший программный документ, суммирующий принципы перестройки и содержащий много новых и ценных положений. Наиболее конкретизированы социальные пункты Постановления: повысить минимальные пенсии по старости всем гражданам до уровня минимальной заработной платы, повысить минимальные пенсии инвалидам первой и второй группы, вдовам и родителям погибших военнослужащих, приравняв их по льготам к участникам Великой Отечественной войны; рассмотреть вопрос о возможности увеличения минимальной продолжительности отпуска до 24 дней и отпуска по уходу за детьми до 3-летнего возраста. Обещано ввести механизм корректирования пенсий в конце каждого года с учетом стоимости жизни. Рыжков в своем докладе, как я понял, упомянул о решении снять ограничения по выплате пенсий работающим пенсионерам вне зависимости от оплаты труда. Либо я неправильно его понял, либо сказанное Рыжковым было пересмотрено – но в проекте итогового документа было написано: «…пенсионеров, работающих в качестве рабочих и мастеров». Я подал записку в Президиум и редакционную комиссию, в которой обосновывал необходимость в интересах социальной справедливости и государства расширить Постановление с включением в него сельских жителей и служащих. Я писал, что очень многие – например, врачи и медсестры или учителя пенсионного возраста – при таком ограничении Постановления

предпочтут не работать. Пенсионный фонд не будет сэкономлен, а общество лишится многих опытных, ценных работников. К сожалению, в опубликованном окончательном тексте Постановления эти мои (и многих, конечно) замечания не были учтены. Упомянуты инвалиды первой и второй групп, что, конечно, тоже очень важно.

Экономические тезисы Постановления сформулированы в очень общей форме. Основные идеи перестройки в перспективе отражены, но без указания сроков и обеспечивающих их политических гарантий. Почти все санационные меры, предложенные, например, в выступлении Шмелева, в Постановление в явной форме не включены, но косвенно некоторые из них как-то фигурируют. Предложено резко сократить общий объем капитальных вложений на производственные нужды, комиссиям Верховного Совета проанализировать состояние и определить целесообразность строящихся и планируемых крупномасштабных проектов. Совету Министров провести эксперимент по стимулированию дополнительной поставки хозяйствами высококачественной продукции валютой, сэкономленной в результате сокращения импорта зерна и продовольствия. (Это не полностью то, что предлагал Шмелев, но шаг в правильном направлении.) Полностью отсутствуют санационные меры, относящиеся к ограничению внешнеполитических валютных затрат, к свободной продаже квартир, орудий и средств производства, к получению международных займов и выпуску внутренних займов, к прекращению помощи нерентабельным предприятиям и хозяйствам за счет рентабельных, в частности с помощью поощрительных цен на продукцию.

В итоговом документе подтверждены многие требования правового характера, с которыми выступали депутаты. В опубликованном тексте сказано: «Съезд отменяет ст. 111 и считает необходимым уточнить редакцию статьи 7, содержащихся в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1989 года, а также поручить Верховному Совету СССР рассмотреть вопрос о соответствии Конституции СССР Указов Президиума Верховного Совета СССР о порядке организации и проведения митингов и демонстраций и об обязанностях и правах внутренних войск МВД СССР». (Я расскажу дальше о том, как было объявлено это решение в последний день Съезда.) В Постановлении упомянуты такие важнейшие идеи, как переход к суду присяжных и допуск к делу адвоката с момента начала следствия (но не упомянут вопрос о выведении следствия из органов Прокуратуры – правда, сказано о выведении его из сферы ведомственного

влияния).

В области национально-конституционного устройства подтверждены в общей форме (на мой взгляд, в слишком общей) «ленинские федеративные принципы» и принципы «экономической самостоятельности республик и регионов в сочетании с активным участием в общесоюзном разделении труда». Это можно было бы понимать как республиканский и региональный хозрасчет при расшифровке второй части формулы в духе добровольности и самостоятельности, исходящих из интересов республики и региона. В документе формально подтверждено, что в СССР вся государственная власть принадлежит народу и осуществляется им через Советы народных депутатов. Однако в вопросе о разделении функций Верховного Совета и Съезда в Постановлении отвергаются принципы исключительного права Съезда на принятие законов, кроме законов одноразового и кратковременного действия, и на выдвижение высших должностных лиц. Совершенно не отражено требование многих депутатов о выведении Советов из подчинения партийным органам, об отмене статьи 6 в Конституции и о запрещении совмещений должностей председателя органа Советской власти и секретаря партийного комитета (даже с временным исключением для Председателя Верховного Совета СССР и Генерального Секретаря ЦК КПСС). Я убежден, что на следующей сессии Съезда необходимо будет добиваться принятия гораздо более конкретных и радикальных решений.

В последние дни Съезда «левые» депутаты провели несколько совещаний с целью оформить организацию Межрегиональной группы народных депутатов. Эти совещания проходили, в основном, вечерами, по окончании работы Съезда, в одном из залов гостиницы «Москва», где жило большинство приезжих депутатов. Обсуждения Декларации группы были бурными, но в конце концов нашли приемлемые для всех формулировки. Эту декларацию подписало около 150 депутатов. Задачей Межрегиональной группы является выработка предложений и принципов по основным проблемам, стоящим перед страной и Съездом, и способствование свободной дискуссии по этим проблемам на Съезде и вне его, а также консолидация усилий депутатов в достижении этих целей. Было принято решение, что у Группы не должно быть ни председателя, ни устава. Во время последнего совещания Галя Старовойтова составила текст обращения по поводу события в Китае. Это «альтернативное» обращение, в отличие от принятого на Съезде бессодержательного и по существу играющего на руку китайским властям, содержало недвусмысленное осуждение кровавой

расправы над студентами и рабочими и требовало прекращения кровопролития. Его подписали члены Межрегиональной группы – таким образом, это было их первым совместным действием. Люся и я присутствовали на всех совещаниях, подписали, конечно, Обращение, и я как депутат подписал Декларацию.

Наступил последний день Съезда. После нескольких выступлений было принято решение о прекращении прений по докладу Рыжкова и решение, одобряющее как основу для доработки редакционной комиссией проект постановления «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР». В этот момент Лукьянов сказал с облегчением, обращаясь к Горбачеву: «Ну, Михаил, все!» Эти слова не были слышны в зале, но их слышали телезрители, так как лежавшие на столе Президиума микрофоны были подключены к системе телевидения. Слышала их и Люся (до этого был еще один аналогичный случай, когда Лукьянов подсказал Горбачеву изменение какой-то формулировки). Очевидно, Лукьянов считал, что все трудности и волнения, связанные со Съездом, уже позади. Но он ошибся. За оставшиеся несколько часов произошли драматические события, во многом изменившие психологические и политические итоги Съезда.

Депутаты настояли на продолжении прений по итоговому документу с регламентом 5 минут на выступление. В проходе выстроилась длинная очередь депутатов – многие из них еще ни разу не выступали. В коротких, энергичных выступлениях они сообщали о бедах своих регионов, остро и обоснованно критиковали отдельные тезисы документа, вносили очень важные дополнения и конкретные предложения по экономическим и, особенно, по социальным проблемам. Одним из последних к трибуне подошел Шаповаленко, депутат от Оренбурга. Совершенно неожиданно для Горбачева и Президиума он зачитал Декларацию об образовании Межрегиональной независимой группы. Возможно, если бы Горбачев заранее знал о намерении Шаповаленко, он бы как-то воспрепятствовал ему. Но Шаповаленко не был даже москвичом, и такого подвоха от него Горбачев не ждал. Горбачев явно испугался. Он сказал: «У нас тут остались чисто внутренние дела. Мы можем прекратить трансляцию Съезда. Кто поддерживает это предложение?» Поднялось несколько рук, кто-то крикнул – да!, большинство ошеломленно смотрели на Горбачева, ничего не понимая в происходящем. Я бросился к столу Президиума, стал возбужденно говорить, что это нарушение... (я не мог вспомнить – нарушение чего; на самом деле, сам Горбачев обещал непрерывность трансляции Съезда). Телевидение было отключено в тот момент,

когда я подходил к столу. На экранах перед глазами миллионов телезрителей появилась совершенно растерянная дикторша и объявила, что трансляция из Кремлевского дворца съездов окончена (не объяснив, почему, не сказав даже обычного в аналогичных случаях «по техническим причинам»). Началась передача какого-то футбольного матча с середины игры.

Видимо, трансляция была просто выключена без каких-либо объяснений и указаний телецентру. Телезрители понимали еще меньше. Часть из них, крепко выругавшись, выключили телевизор и перешли к домашним (или служебным) делам. Другие все же ждали чего-то. Зоря позвонила Люсе, но та тоже ничего не могла ей объяснить.

Чего же так испугался Горбачев? Он, по-видимому, опасался, что вслед за Шаповаленко начнутся какие-то другие непредсказуемые события, что его выступление – это, возможно, сигнал к чему-то очень серьезному, такому, что потребует от него, Горбачева, таких действий, которые лучше не демонстрировать всему миру. Даже если последнее предположение не верно и Горбачев ни о чем подобном не думал, он все же продемонстрировал, что гласность приемлема для него лишь в определенных пределах. В своей растерянности Горбачев забыл, что ему еще предстоит закрывать Съезд и что он подготовил, со своей стороны, приятный сюрприз депутатам и всему миру. Немного успокоившись и видя, что никакого «бунта на корабле» не происходит, Горбачев вновь включил телевидение и предоставил слово Лукьянову. Лукьянов сказал, что Президиум с учетом пожеланий многих депутатов считает необходимым исключить статью 111 указа от 8 апреля как допускающую неоднозначное толкование. Я выскочил к столу Президиума и почти закричал: «А как со статьей 7, с принципом, что только насилие и призыв к насилию могут считаться уголовно наказуемыми?» Лукьянов улыбнулся и сказал: «Подождите, все будет...» Он продолжал: «Президиум также считает необходимым пересмотреть формулировку статьи 7, заменив слова «антиконституционные действия» на слова «насильственные действия». По-видимому, измененная таким образом формулировка (окончательный текст подготовят юристы) удовлетворит всех, хотя мы считаем, что первоначальная формулировка означала то же самое». Депутаты, я в том числе, стали аплодировать, многие встали. Конечно, такое нельзя было не показать по телевидению. Съезд подходил к концу. Я продолжил свои попытки добиться выступления, и наконец, уже под занавес, Горбачев дал мне слово (в этот момент выскочила депутатка от Союза театральных деятелей и стала возбужденно

говорить, почему дают слово Сахарову, он уже много раз выступал, а руководитель их общественной организации Кирилл Лавров еще ни разу, но Горбачев уже ее не слушал). Он пытался ограничить мое выступление 5 минутами – я возражал, требуя 15 минут, т. к. мое выступление носит принципиальный характер. Я ссылался на то, что был записан в прениях по его докладу и на свое положение в обществе. Горбачев не соглашался. Я начал говорить, не имея подтверждения права на пятнадцатиминутное выступление и рассчитывая добиться этого просто упорством. Фактически я говорил 13–14 минут. Ниже приводится полный текст выступления, в нем восстановлены несколько небольших купюр, которые я сделал, опасаясь, что мне не дадут окончить. В конце выступления я обратился к Горбачеву с просьбой дать Старовойтовой возможность зачитать текст Обращения по поводу событий в Китае, подписанный более чем 120 депутатами (приложение 28). Однако я чувствовал, что это не получится, и сказал несколько фраз от себя. В это время Горбачев распорядился выключить все микрофоны, включенные на зал. Большая часть депутатов (кроме сидящих в первых рядах, до которых доходил мой довольно громкий голос) ничего не слышала, так же как стенографистки. Но телевизионные операторы не выключили свои микрофоны, а вторично в тот же день выключить трансляцию Горбачев или не решился, или забыл. И все телезрители и радиослушатели слышали полностью все, что я сказал!

Текст Декрета о власти я обсуждал с некоторыми друзьями, в том числе с Толей Шабадом из группы поддержки. Но окончательный текст я написал накануне Съезда и не успел с кем-либо обсудить, в том числе первый пункт об исключении статьи 6 Конституции СССР («Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза...»)1. Вероятно, в число должностных лиц, которые избираются Съездом (с альтернативными кандидатами), следовало включить министра иностранных дел и министра обороны. Пункт о функциях КГБ следовало бы дополнить «запрещается поддержка в любой форме терроризма, торговли наркотиками и других несовместимых с принципами нового мышления действий». Люся настояла на включении в текст упоминания о необходимости демобилизации призванных в прошлом году студентов. Сейчас эта группа демобилизуется.

Сразу после окончания последнего заседания съезда один из сотрудников (кажется – редакции «Известий») попросил меня

подняться на третий этаж в секретариат и исправить ошибки в стенограмме. Я вписал от руки конец выступления, который не слышали и не записали стенографистки. Начальник секретариата сказал, что включить можно только то, что было реально произнесено. Я ответил, что все, что я вписал, было произнесено. Но в опубликованном в бюллетене и в «Известиях» тексте конец выступления все же отсутствует, в том числе все относящееся к Китаю. Ниже это место восстановлено2.

Уважаемые народные депутаты!

Я должен объяснить, почему я голосовал против утверждения итогового документа Съезда. В этом документе содержится много правильных и очень важных положений, много принципиально новых и прогрессивных идей. Но я считаю, что Съезд не решил стоящей перед ним ключевой политической задачи, воплощенной в лозунге: «Вся власть Советам!». Съезд отказался даже от обсуждения «Декрета о власти».

До того, как будет решена эта политическая задача, фактически невозможно реальное решение всего комплекса неотложных экономических, социальных, национальных и экологических проблем.

Съезд народных депутатов СССР избрал Председателя Верховного Совета СССР в первый же день без широкой политической дискуссии и, хотя бы символической, альтернативности. По моему мнению, Съезд совершил серьезную ошибку, уменьшив в значительной степени свои возможности влиять на формирование политики страны, оказав тем самым плохую услугу и избранному Председателю.

По действующей конституции Председатель Верховного Совета СССР обладает абсолютной, практически ничем не ограниченной личной властью. Сосредоточение такой власти в руках одного человека крайне опасно, даже если этот человек – инициатор перестройки. В частности, возможно закулисное давление. А если когда-нибудь это будет кто-то другой?

Постройка государственного дома началась с крыши, что явно не лучший способ действий. То же самое повторилось при выборах Верховного Совета. По большинству делегаций происходило просто назначение, а затем формальное утверждение Съездом людей, из которых многие не готовы к законодательной деятельности. Члены Верховного Совета должны оставить свою прежнюю работу «как правило» – нарочито расплывчатая формулировка, при которой в Верховном Совете оказываются «свадебные генералы». Такой Верховный Совет будет – как можно опасаться – просто ширмой для реальной власти Председателя Верховного Совета и партийно-государственного

аппарата.

В стране в условиях надвигающейся экономической катастрофы и трагического обострения межнациональных отношений происходят мощные и опасные процессы, одним из проявлений которых является всеобщий кризис доверия народа к руководству страны. Если мы будем плыть по течению, убаюкивая себя надеждой постепенных перемен к лучшему в далеком будущем, нарастающее напряжение может взорвать наше общество с самыми трагическими последствиями.

Товарищи депутаты, на вас сейчас – именно сейчас! – ложится огромная историческая ответственность. Необходимы политические решения, без которых невозможно укрепление власти советских органов на местах и решение экономических, социальных, экологических, национальных проблем. Если Съезд народных депутатов СССР не может взять власть в свои руки здесь, то нет ни малейшей надежды, что ее смогут взять Советы в республиках, областях, районах, селах. Но без сильных Советов на местах невозможна земельная реформа и вообще какая-либо эффективная аграрная политика, отличающаяся от бессмысленных реанимационных вливаний нерентабельным колхозам. [Без сильного Съезда и сильных, независимых Советов невозможны преодоление диктата ведомств, выработка и осуществление законов о предприятии, борьба с экологическим безумием. Съезд призван защитить демократические принципы народовластия и тем самым – необратимость перестройки и гармоническое развитие страны. Я вновь обращаюсь к Съезду с призывом принять «Декрет о власти».]

Декрет о власти

Исходя из принципов народовластия, Съезд народных депутатов заявляет:

1. Статья 6 Конституции СССР отменяется.

2. Принятие Законов СССР является исключительным правом Съезда народных депутатов СССР. На территории Союзной республики Законы СССР приобретают юридическую силу после утверждения высшим законодательным органом Союзной республики.

3. Верховный Совет является рабочим органом Съезда.

[4. Комиссии и Комитеты для подготовки законов о государственном бюджете, других законов и для постоянного контроля за деятельностью государственных органов, над экономическим, социальным и экологическим положением в стране – создаются Съездом и Верховным Советом на паритетных началах и подотчетны Съезду.]

5. Избрание и отзыв высших должностных лиц СССР, а

именно:

1. Председателя Верховного Совета СССР,

2. Заместителя Председателя Верховного Совета СССР,

3. Председателя Совета Министров СССР,

4. Председателя и членов комитета Конституционного надзора,

5. Председателя Верховного Суда СССР,

6. Генерального прокурора СССР,

7. Верховного арбитра СССР,

8. Председателя Центрального банка,

а также:

1. Председателя КГБ СССР,

2. Председателя Государственного комитета по телевидению и радиовещанию,

3. Главного редактора газеты «Известия»

– исключительное право Съезда.

Поименованные выше должностные лица подотчетны Съезду и независимы от решений КПСС.

[6. Кандидатуры на пост Заместителя Председателя Верховного Совета и Председателя Совета Министров СССР предлагаются Председателем Верховного Совета СССР и, альтернативно, народными депутатами. Право предложения кандидатур на остальные поименованные посты принадлежит народным депутатам.]

7. Функции КГБ ограничиваются задачами защиты международной безопасности СССР.

[Примечание. В будущем необходимо предусмотреть прямые общенародные выборы Председателя Верховного Совета СССР и его Заместителя на альтернативной основе.]

[Я прошу депутатов внимательно изучить текст Декрета и поставить его на голосование на чрезвычайном заседании Съезда.] Я прошу создать редакционную комиссию из лиц, разделяющих основную идею Декрета. Я обращаюсь к гражданам СССР с просьбой поддержать Декрет в индивидуальном и коллективном порядке, подобно тому как они это сделали при попытке скомпрометировать меня и отвлечь внимание от вопроса об ответственности за афганскую войну.

[Я хотел бы возразить тем, кто пугает невозможностью обсуждать законы двумя тысячами человек. Комиссии и Комитеты подготовят формулировки, на заседаниях Верховного Совета обсудят их в первом и втором чтении, и все стенограммы будут доступны Съезду. В случае необходимости дискуссия продолжится на Съезде. Но что действительно неприемлемо – если мы, депутаты, имея мандат от народа на власть, передадим

наши права и ответственность своей одной пятой, а фактически – партийно-государственному аппарату и Председателю Верховного Совета.]

Продолжаю. Уже давно нет опасности военного нападения на СССР. У нас самая большая армия в мире, больше чем у США и Китая вместе взятых. Я предлагаю создать комиссию для подготовки решения о сокращении срока службы в армии (ориентировочно в два раза для рядового и сержантского состава, с соответствующим сокращением всех видов вооружения, но со значительно меньшим сокращением офицерского корпуса), с перспективой перехода к профессиональной армии. Такое решение имело бы огромное международное значение для укрепления доверия и разоружения, включая полное запрещение ядерного оружия, а также огромное экономическое и социальное значение. [Частное замечание: надо демобилизовать к началу этого учебного года всех студентов, взятых в армию год назад.]

Национальные проблемы. Мы получили в наследство от сталинизма национально-конституционную структуру, несущую на себе печать имперского мышления и имперской политики «разделяй и властвуй». Жертвой этого наследия являются малые Союзные республики и малые национальные образования, входящие в состав Союзных республик по принципу административного подчинения. Они на протяжении десятилетий подвергались национальному угнетению. Сейчас эти проблемы драматически выплеснулись на поверхность. Но не в меньшей степени жертвой явились большие народы, в том числе русский народ, на плечи которого лег основной груз имперских амбиций и последствий авантюризма и догматизма во внешней и внутренней политике. [В нынешней острой межнациональной ситуации] необходимы срочные меры. Я предлагаю переход к федеративной (горизонтальной) системе национально-конституционного устройства. Эта система предусматривает предоставление всем существующим национально-территориальным образованиям, вне зависимости от их размера и нынешнего статуса, равных политических, юридических и экономических прав, с сохранением теперешних границ (со временем возможны и, вероятно, будут необходимы уточнения границ1 [образований и состава федерации, что и должно стать важнейшим содержанием работы Совета Национальностей). Это будет Союз равноправных республик, объединенных Союзным Договором, с добровольным ограничением суверенитета каждой республики в минимально необходимых пределах (в вопросах обороны, внешней политики и некоторых других). Различие в размерах и численности населения республик и отсутствие

внешних границ не должны смущать. Проживающие в пределах одной республики люди разных национальностей должны юридически и практически иметь равные политические, культурные и социальные права. Надзор за этим должен быть возложен на Совет Национальностей. Важной проблемой национальной политики является судьба насильственно переселенных народов. Крымские татары, немцы Поволжья, турки-месхи, ингуши и другие должны получить возможность вернуться к родным местам. Работа комиссии Президиума Верховного Совета по проблеме крымских татар была явно неудовлетворительной.

К национальным проблемам примыкают религиозные. Недопустимы любые ущемления свободы совести. Совершенно недопустимо, что до сих пор не получила официального статуса Украинская Католическая Церковь.

Важнейшим политическим вопросом является утверждение роли советских органов и их независимости. Необходимо осуществить выборы советских органов всех уровней истинно демократическим путем. В избирательный закон должны быть внесены уточнения, учитывающие опыт выборов народных депутатов СССР. Институт окружных собраний должен быть уничтожен и всем кандидатам должны быть предоставлены равные возможности доступа к средствам массовой информации.

Съезд должен, по моему мнению, принять постановление, содержащее принципы правового государства. К этим принципам относятся: свобода слова и информации, возможность судебного оспаривания гражданами и общественными организациями действий и решений всех органов власти и должностных лиц в ходе независимого разбирательства, демократизация судебной и следственной процедур (допуск адвоката с начала следствия, суд присяжных, следствие должно быть выведено из ведения прокуратуры: ее единственная задача – следить за исполнением Закона). Я призываю пересмотреть законы о митингах и демонстрациях, о применении внутренних войск и не утверждать Указ от 8 апреля.

Съезд не может сразу накормить страну. Не может сразу разрешить национальные проблемы. Не может сразу ликвидировать бюджетный дефицит. Не может сразу вернуть нам чистый воздух, воду и леса. Но создание политических гарантий решения этих проблем – это то, что он обязан сделать. Именно этого от нас ждет страна! Вся власть Советам!

Сегодня внимание всего мира обращено к Китаю. Мы должны занять политическую и нравственную позицию, соответствующую принципам интернационализма и демократии. В принятой

Съездом резолюции нет такой четкой позиции. Участники мирного демократического движения и те, кто осуществляет над ними кровавую расправу, ставятся в один ряд. Группа депутатов составила и подписала Обращение, призывающее правительство Китая прекратить кровопролитие.

Присутствие в Пекине посла СССР сейчас может рассматриваться как неявная поддержка действий правительства Китая правительством и народом СССР. В этих условиях необходим отзыв посла СССР из Китая! Я требую отзыва посла СССР из Китая!]

Я считаю, что мое выступление имело значение не только в силу его фактического содержания и включенных в него предложений, – но и оказалось очень важным в психологическом и политическом смысле. Вместе с заявлением Межрегиональной группы, победой в вопросе о Комитете Конституционного надзора и дискуссией двух последних дней оно завершило Съезд более радикально, более конструктивно и в более вселяющем надежду духе, чем это рисовалось еще незадолго до этого. Поэтому в этот вечер мы все чувствовали себя победителями. Но, конечно, это чувство соединялось с ощущением трагичности и сложности положения в целом, с пониманием всех трудностей и опасностей ближайшего и более отдаленного будущего. Если наше мироощущение можно назвать оптимизмом, то это – трагический оптимизм.

На другой день я опять поехал в Кремль, чтобы заплатить взнос в помощь пострадавшим в Башкирии, попытаться получить недостающие бюллетени (это не удалось) и узнать сроки заседания Комиссии по выработке новой Конституции. По последнему вопросу я зашел в секретариат Лукьянова. Секретарь прошел в кабинет, вскоре вернулся и передал, что Анатолий Иванович освободится через несколько минут и хочет сам со мной побеседовать. Лукьянов вышел мне навстречу и провел в кабинет. Там, кроме большого письменного стола с телефонами, стоял книжный шкаф со справочной, по-видимому, литературой. На стене висела картина с каким-то высокогорным пейзажем. (В конце беседы Лукьянов рассказал, что раньше там был портрет Брежнева – и, вероятно, других генсеков, Лукьянов в это не вдавался. Затем повесили портрет Горбачева, но Михаил Сергеевич просил его снять. Лукьянов в прошлом увлекался альпинизмом, поэтому он выбрал эту «горную» картину.)

В начале беседы Лукьянов сказал, что относится ко мне с большим уважением. Они с А. Н. Яковлевым были инициаторами моего возвращения из Горького. На мой вопрос о предполагаемом времени начала работы Конституционной комиссии Лукьянов

сказал, что до ее первого заседания предполагается провести Пленум ЦК по национальному вопросу, так что Комиссия по выработке Конституции соберется не ранее сентября. Я сказал, что я еду (после Европы) в США – там у детей мы с женой хотим отдохнуть и поработать. Я, в частности, хочу подумать о формулировках идей Союзного договора, о которых я говорил в своем выступлении на Съезде. Лукьянов ответил: «Совершенно спокойно можете ехать до конца августа и работать. Мы думаем над тем, как построить наше государство в национальном плане. Безусловно, необходима какая-то форма федеративного устройства. Но в то же время мы не имеем права допустить распад СССР. Сейчас во всем мире нарастают процессы интеграции, охватывающей экономические, политические, культурные и военные аспекты. Интеграция, например в Европе, дает большие преимущества во всех этих областях. И было бы нелепостью, если бы мы, наоборот, пошли на распад, на конфедерацию. Конфедерации сейчас нет нигде в мире – это не жизненная форма». Лукьянов, кажется, не объяснил, что он понимает под федерацией и конфедерацией и в чем разница, а я не спросил. Но он упомянул о неприемлемости отдельной денежной системы в республиках, раздельной армии, различного законодательства. Лукьянов, далее, сказал: «Мы высоко ценим поддержку Михаила Сергеевича и перестройки в ваших выступлениях и статьях все эти годы после вашего возвращения в Москву. Мы следим за вашими выступлениями и благодарны вам. Ситуация очень сложная. В апреле 1985 года, после Пленума, мы ходили с Михаилом Сергеевичем всю ночь по лесу и обсуждали основные проблемы развития страны. Мы ясно понимали необходимость глубоких реформ, необходимость демократизации. Но всей глубины кризиса, в котором находится страна, и всей меры трудностей предстоящего пути мы не знали».

Я спросил Лукьянова о судьбе переданной ему записки с просьбой о вмешательстве в судьбу человека, приговоренного к смертной казни. (Это было хозяйственное дело – подпольная фабрика – в Алма-Ате. Главный обвиняемый, инженер, Розенштейн, если мне не изменяет память, находился под следствием в тюрьме в очень тяжелых условиях 8 лет (!), стал инвалидом. Он приговорен к смертной казни и сейчас находится в камере смертников. Его брат – инвалид детства второй группы – тоже 8 лет в тюрьме под следствием. Я упомянул это дело в разговоре с Горбачевым и Лукьяновым 1 июня и на другой день отдал Лукьянову записку, в которой просил вмешаться в судьбу братьев. Я подчеркивал, что проект нового законодательства не предусматривает смертной казни за хозяйственные преступления.

В этой связи я писал о необходимости приостановки исполнения всех смертных приговоров в стране вплоть до принятия нового законодательства.) Лукьянов ответил, что моя записка передана в Юридический отдел ЦК (секретарь дал мне телефон) и дело, конечно, будет внимательно рассмотрено. Говоря о проблеме смертной казни вообще, Лукьянов сказал, что Президиум Верховного Совета не утверждает сейчас никаких смертных приговоров, кроме связанных с убийством при отягчающих обстоятельствах, особо жестокими и кратными убийствами, изнасилованиями малолетних с убийством и другими столь же нечеловеческими преступлениями. Ни один смертный приговор за хозяйственные и имущественные преступления не утверждается. Общее число смертных казней в стране сейчас уменьшилось в 8 раз. Я, к сожалению, не спросил, каковы абсолютные цифры. Говоря о приостановке исполнения приговоров за те преступления, которые заведомо и по новому законодательству повлекут за собой смертную казнь, Лукьянов сказал, что еще не ясно, будет ли такая отсрочка актом гуманности. Ожидание смертной казни – самое ужасное. Он предложил мне присутствовать на некоторых заседаниях Президиума Верховного Совета по вопросам помилования. Я согласился, напомнив при этом, что я принципиальный противник смертной казни.

Через несколько дней после разговора с Лукьяновым Люся и я вылетели в Европу и затем в США. Эта глава написана в Ньютоне и Вествуде, Массачусетс, США, в домах наших детей. Рядом Люся – она завершает работу над своей второй книгой.

Конечно, окончание работы над книгой создает ощущение рубежа, итога. «Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?» (А. С. Пушкин). И в то же время – ощущение мощного потока жизни, который начался до нас и будет продолжаться после нас.

Это чудо науки. Хотя я не верю в возможность скорого создания (или создания вообще?) всеобъемлющей теории, я вижу гигантские, фантастические достижения на протяжении даже только моей жизни и жду, что этот поток не иссякнет, а, наоборот, будет шириться и ветвиться.

Судьба страны. Съезд переключил мотор перемен на более высокую скорость. Забастовка шахтеров – это уже нечто новое, и ясно, что это только первая реакция на «ножницы» между стремительно растущим общественным сознанием и топчущейся на месте политической, экономической, социальной и национальной реальностью. Только радикализация перестройки может преодолеть кризис без катастрофического откатывания назад. Съезд наметил в выступлениях «левых» контуры этой

радикализации, но главное все же еще нам предстоит коллективно создать.

Глобальные проблемы. Я убежден, что их решение требует конвергенции – уже начавшегося процесса плюралистического изменения капиталистического и социалистического общества (у нас это – перестройка). Непосредственная цель – создать систему эффективную (что означает рынок и конкуренцию) и социально справедливую, экологически ответственную.

Семья, дети, внуки. Многое я упустил – по лености характера, по невозможности чисто физической, из-за сопротивления дочерей и сына, которое я не мог преодолеть. Но я не перестаю об этом думать.

Люся, моя жена. На самом деле, это – единственный человек, с которым я внутренне общаюсь. Люся подсказывает мне многое, чего я иначе по своей человеческой холодности не понял бы и не сделал. Она также большой организатор, тут она мой мозговой центр. Мы вместе. Это дает жизни смысл.

Ньютон – Вествуд

Июль – август 1989 г.

* Кавычки здесь, как и во многих других местах этой книги, не означают буквального цитирования. Я, конечно, писал по памяти.